ДЕ ГОЛЛЬ

Марина Арзаканян

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизненный путь знаменитого французского генерала и политика Шарля де Голля (1890—1970) уникален. Он сражался на фронтах Первой мировой войны, занимал видные посты в армии, совмещая военную карьеру с литературным трудом. В период Второй мировой войны он развернул знамя борьбы за освобождение Франции, вернул ей ранг великой державы и возглавил Временное правительство. Долгие годы де Голль находился в оппозиции, но, в конце концов, возвратился к власти, основал Пятую республику и стал ее первым президентом. Занимая этот пост десять лет, он внес огромный вклад в историю современного французского государства и международных отношений.

Книга известного ученого, доктора исторических наук Марины Цолаковны Арзаканян представляет историю жизни и деятельности генерала де Голля. Она основана на разнообразных источниках, в первую очередь произведениях самого генерала и многочисленных воспоминаниях о нем.

- ДЕ ГОЛЛЬ

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ЧАСТЬ I
  - Отчий дом
  - Отрочество и юность
  - Солдат отечества
  - На службе Франции
  - Жизненное кредо
  - Военная доктрина
  - Национальная катастрофа
- Часть II
  - Призыв к французам
  - Свободная Франция
  - Союзники
  - Движение Сопротивления
  - Сражающаяся Франция
  - Иллюстрации
  - Все сначала
  - Французский комитет национального освобождения
  - На родной земле
- Часть III
  - Испытание республикой
  - Наедине с собой
  - Объединение французского народа
  - Надежды и разочарования
  - В Коломбэ
  - «Переход через пустыню»
  - Иллюстрации
  - Долгожданное возвращение
- Часть IV
  - Пятая республика
  - Национальное величие
  - «Алжирская проблема»
  - В Елисейском дворце
  - Европа
  - Всеобщее голосование
  - В часы отдохновения
  - Баллотировка
  - Разрядка
  - Свободный Квебек
  - 1968 Год
  - В конце пути
- Основные даты жизни и деятельности Шарля де Голля
- Библиография

- Список сокращений
- Указатель имен
- СОДЕРЖАНИЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40

- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201

- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245

- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289

- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333

- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377

- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421

- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465

- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509

- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553

- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597

- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600

ДЕ ГОЛЛЬ
М.Арзаканян

ПРЕДИСЛОВИЕ

История современной Франции неразрывно связана с именем генерала Шарля де Голля — выдающегося военного, политического и государственного деятеля. Его влияние на весь ход общественно-политического развития не только Франции, но и всего Европейского континента настолько велико, что не поддается сравнению. По известности и популярности среди соотечественников он может соперничать лишь с Наполеоном.

Жизненный путь де Голля уникален. Он окончил военное училище Сен-Сир, стал профессиональным военным и сражался на полях Первой мировой войны. В межвоенный период де Голль не только следовал карьере офицера, но и много писал. В своих книгах он высказал собственное жизненное кредо, а также выступил как талантливый и дальновидный военный тактик, предсказавший решающую роль танковых соединений в будущих сражениях.

Вторая мировая война, в начале которой де Голль получил чин генерала, перевернула его жизнь. Он решительно отказался подчиниться французскому правительству, заключившему перемирие с Германией, вылетел в Великобританию, чтобы оттуда вести борьбу за освобождение родины от оккупантов. Генерал стал политиком и воплощал собой символ Сопротивления и Освобождения. Благодаря его усилиям Франция вышла из войны победительницей и вернула себе ранг «великой державы». После войны де Голль возглавил Временное правительство Франции, которое под его руководством восстановило в стране демократические свободы и провело социально-экономические реформы.

В период Четвертой республики генерал находился в оппозиции к слабому «режиму партий» и боролся за пересмотр конституции и установление во Франции сильного государства.

Де Голль основал существующую поныне Пятую республику и был избран ее первым президентом. Он внес огромный вклад в историю французского государства и международных отношений в XX веке. Генерал вывел Францию из военной организации НАТО и превратил ее в ядерную державу.

На сегодняшний день историческая наука располагает огромным числом источников, прямо и косвенно касающихся жизни и деятельности де Голля. Это архивные документы, периодические издания, фотографии, киноленты и многие другие материалы. Среди опубликованных источников[1] назовем в первую очередь обширное тридцатитомное литературно-

эпистолярное наследие самого генерала — его статьи, книги, мемуары, речи, послания, письма, дневники и записки. Оно представляет де Голля не только как военного и политика, но и приоткрывает его внутренний мир, личную жизнь с ее бедами и радостями.

Большой интерес представляют многочисленные воспоминания и свидетельства о де Голле его сподвижников и родных. Их опубликовали такие известные деятели голлистского движения, как Жак Сустель, Мишель Дебре, Жорж Помпиду, Жак Шабан-Дельмас, Оливье Гишар, Луи Терренуар. В конце 1990-х годов вышли подробные записи бесед с генералом его личного адъютанта Клода Ги и министра Алена Пейрефита. Мемуары о де Голле оставили его зять Ален де Буассьё и шурин Жак Вандру. Самыми же ценными, без сомнения, можно назвать вышедшие в начале 2000-х годов воспоминания об отце его сына, адмирала Филиппа де Голля.

О генерале начали писать еще при жизни. Во всем мире уже существуют сотни книг и тысячи статей о де Голле. Большая часть этих работ принадлежит перу французских исследователей, беллетристов и писателей. Самую подробную трехтомную биографию генерала опубликовал в 1980-е годы Жан Лакутюр. В 2000-х годах увидели свет еще две солидные книги о нем — Поля-Мари де Ла Горса и Эрика Русселя.

В России первая биография де Голля опубликована Верой Ивановной Антюхиной-Московченко. В ее редакции вышли на русском языке «Военные мемуары» генерала, она перевела также его «Мемуары надежды». В 1970-е годы увидела свет книга о де Голле Николая Николаевича Молчанова. Биографические исследования этих двух известных советских ученых-франковедов приобрели в свое время заслуженную популярность, переиздавались, правда, без существенных изменений.

Появление в последние два десятилетия объемного корпуса данных, посвященных де Голлю, вполне объясняет актуальность настоящего исследования. Цель этой книги — воссоздать жизнь и деятельность самого великого француза XX века год за годом, обрисовывая портрет де Голля — политика и человека.

ЧАСТЬ I
ВОЕННЫЙ

Отчий дом

Франция в конце XIX века с ее развитой экономикой, огромной колониальной империей, переживающая подлинный расцвет науки и культуры, была одним из самых передовых государств мира. С установлением Третьей республики в стране утвердился буржуазно-демократический строй. Конституция 1875 года закрепила реальную власть за Палатой депутатов и отчетным перед ней председателем кабинета министров. Президент и Сенат большими полномочиями не обладали. Двигаться по пути процветания молодой республике мешало лишь одно печальное событие ее недавней истории — проигранная Франко-прусская война. Франция лишилась Эльзаса и Лотарингии, двух важнейших промышленных областей, и выплачивала Германии огромную денежную контрибуцию.

Господствующим классом французского общества прочно стала буржуазия. Дворянство же давно потеряло большую часть своих доходов и влияние. Аристократия постепенно сливалась с буржуазией, пополняя ряды рантье, чиновников, служащих. На благородное происхождение многих ее представителей указывала лишь частица «де», стоявшая перед фамилией. И все-таки некоторые дворяне гордились тем, что их род восходит к Средним векам, и стремились продолжать традицию служения отечеству. Одним из таких людей был Анри де Голль.

Его фамилия впервые упоминалась еще в летописи XIII века. В ней говорилось, что король Филипп-Август пожаловал некоему Ришару де Голлю ленное владение. В период Столетней войны, в начале XV века отличился Жеан де Голль. Он был правителем Орлеана, участвовал в известном сражении при Азенкуре и отказался перейти на службу к английскому королю. В XVII веке де Голли уже не представляют «дворянство шпаги», а становятся «дворянством мантии». Они служат государству наместниками, советниками, адвокатами. В период Французской революции конца XVIII века Жан-Батист де Голль попадает в тюрьму, но после переворота 9 термидора выходит на свободу и при Наполеоне становится директором военной почты. Его сын, Жюльен де Голль, женился на Жозефине Майо, дочери владельца табачной фабрики. Так впервые дворянская семья де Голлей породнилась с представителями буржуазии.

У Жюльена и Жозефины, обосновавшихся в Париже, родились три сына. Сами они были творческими натурами. Жюльен увлекался историей. В период Июльской монархии он

опубликовал «Историю Парижа», а затем «Жизнь Людовика Святого». Его жена написала много нравоучительных книг для детей и издавала журнал «Семейная переписка». Их старший сын Шарль пошел по стопам отца и стал историком. Его перу принадлежит труд «Кельты в XIX веке». Младший — Жюль — посвятил себя изучению насекомых. Он выпустил «Каталог перепончатокрылых».

Жизнь среднего сына, Анри, родившегося 22 ноября 1848 года, протекала более обыденно. Он учился в Лицее Карла Великого и в Коллеже иезуитов в Париже, был допущен к занятиям в Высшей политехнической школе, но предпочел начать трудовую деятельность. Он стал давать частные уроки, одновременно самостоятельно продолжая образование. Анри успешно сдал экзамены на получение лиценциата[2] по гуманитарным наукам. Это дало ему право на преподавание в средних учебных заведениях.

В 1870 году, сразу после начала Франко-прусской войны, Анри призвали в армию. Он участвовал в обороне Парижа и был ранен. По окончании войны вернулся к преподаванию, затем восемь лет прослужил мелким чиновником. Однако ему многое не нравилось в политике молодого республиканского режима, главным образом антиклерикализм. В результате Анри де Голль принял решение вернуться к преподаванию, но в частных католических учебных заведениях.

Он вел занятия в иезуитских коллежах Святой Женевьевы и Непорочного зачатия по французскому языку и литературе для готовящихся к поступлению в Политехническую школу, по истории — в военное училище Сен-Сир, а также преподавал философию и математику. Учителем он был широко образованным, обладал отменной памятью, прекрасно владел древнегреческим, латынью, немецким и английским языками.

В 1886 году Анри де Голль женился на одной из своих кузин — Жанне Майо. Она родилась в Лилле 28 апреля 1860 года в семье текстильного фабриканта. Предки Жанны со стороны матери — шотландцы и ирландцы — переселились во Францию в начале XVIII века{1}. Жанна, так же как и ее муж, была ревностной католичкой. Она стала верной и заботливой женой и замечательной матерью пятерых детей. В 1887 году у де Голлей родился первенец — Ксавье, в 1889 году — дочь Мари-Аньес, в 1890-м — второй сын — Шарль, в 1893-м — Жак и в 1897 году — младший сын Пьер.

Все дети появлялись на свет в Лилле, в родительском доме Жанны. Так было и с третьим сыном, который родился 22 ноября 1890 года. Его крестили в тот же день и назвали Шарль Андре

Жозеф-Мари. Через несколько месяцев мать с ребенком вернулась в Париж.

Детские годы Шарля проходили в большой квартире недалеко от улицы Вожирар на левом берегу Сены. Отец и мать придавали большое значение воспитанию детей. С самого раннего возраста их приучали к дисциплине. Однако Шарль был мальчиком непослушным и чересчур самостоятельным. Он очень любил прогулки по Люксембургскому саду. Туда вместе со старшим братом и сестрой его приводил отец. Шарлю так нравилось прокатиться по аллеям на повозке, запряженной козочками. Но иногда отец не разрешал ему кататься. Тогда мальчик, которому было всего четыре года, просто шел за повозкой и однажды заблудился. Но ребенок сообразил, что повозка обязательно вернется на место, с которого отправилась в путь, и тогда он непременно найдет родителей. Так и вышло. Еще Шарль любил залезать на пони. Если мать не разрешала ему этого сделать, он страшно огорчался. А когда за непослушание Шарлю к празднику не подарили приготовленную заранее деревянную лошадку, мальчик пришел в полное отчаяние.

В 1896 году Шарль поступает в начальную школу Святого Фомы Аквинского, расположенную недалеко от дома. Но ходил он туда не часто, так как ему было вполне по силам заниматься экстерном и лишь сдавать экзамены. Анри де Голль придерживался принципов домашнего образования. Он учил своих детей читать и писать, сам часами читал им отрывки из французской и зарубежной классической литературы. Под руководством отца Шарль с братьями разыгрывал целые сцены из пьес Корнеля и Расина.

В семье царил дух католицизма и патриотизма. Детей водили к мессе и к вечерне. В доме отмечали лишь религиозные праздники. Французская республика не вызывала у Анри де Голля больших симпатий. Иногда он даже говорил о себе как о «тоскующим монархисте».

Анри де Голль любил историю. Он рассказывал детям древнегреческие и древнеримские мифы, с пафосом декламировал фрагменты из «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Энеиды» Вергилия. Главным же отец считал знакомство сыновей и дочери с прошлым Франции. Первыми книгами, которые он купил им, были детские иллюстрированные альбомы по истории родной страны. Именно по ним они учились читать и впервые узнали о знаменитых людях своего отечества — Жанне д'Арк, Ришелье, Наполеоне, французских королях — Людовике Святом, Генрихе IV, Людовике XIV. Шарль усвоил от отца, что история Франции — это прежде всего история французской нации, ее

войн с другими нациями, побед и поражений, удач и невзгод. С раннего возраста он навсегда запомнил старинный девиз: «Лучше погибнуть на войне, чем увидеть несчастья своей отчизны».

Отец часто возил своих детей по памятным местам Парижа и его окрестностей и рассказывал им об известных эпизодах французской истории. Его сын Шарль напишет впоследствии: «Ничто так не поражало меня… как символы нашей славы: Собор Парижской Богоматери, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов»{2}.

Нередко дети с отцом отправлялись в местечко Стен под Парижем. Там Анри де Голль участвовал в обороне столицы и был ранен. У подножия обелиска, установленного в Стене в честь погибших во Франко-прусской войне, маленький Шарль мог прочитать эпитафию: «Шпага Франции, разбитая в мужественных руках французов, будет выкована вновь их потомками».

Любовь к Франции, гордость за нее постоянно присутствовали в жизни семьи. Во время детских игр Шарль уже воображал себя полководцем, сражающимся за родину. Анри де Голль собирал для сыновей коллекцию оловянных солдатиков. Она насчитывала почти две тысячи фигурок. Среди них были французы, англичане, итальянцы, австрийцы, русские, турки, египтяне и даже зулусы. Мальчики с удовольствием выстраивали солдатиков в полки и разыгрывали известные исторические битвы. Руководил неизменно Шарль. Его слушался даже старший брат Ксавье, не говоря уже о маленьких Жаке и Пьере. Шарль всегда играл только «за французов». Ему так хотелось почувствовать себя победителем при Вальми или Аустерлице.

Летние каникулы дети обычно проводили в сельской местности на севере Франции. Шарлю нравилось резвиться на природе в кругу своих братьев и сестры. А вечером он с удовольствием читал Киплинга, Дефо, Купера, Жюля Верна, Дюма.

Отрочество и юность

В 1900 году Шарль поступает в иезуитский коллеж Непорочного зачатия. Он учится на классическом греко-латинском отделении и получает прекрасное гуманитарное образование.

Разумеется, большое внимание в коллеже уделяется религиозным дисциплинам и воспитанию. Учащиеся основательно изучают Библию, труды отцов церкви и писателей Нового времени. Среди них «Мысли» Паскаля, видевшего в христианстве спасение от бед, «Рассуждения о всеобщей истории» Боссюэ, рассматривающего историческое развитие как осуществление божественного провидения, «История происхождения христианства» Ренана.

Не меньшее значение иезуиты придавали и античному наследию. Шарль читает в подлинниках Гомера, Эсхила, Софокла, знакомится с произведениями древнегреческих историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Полибия, Плутарха и философов Сократа, Платона, Аристотеля. Латинская культура нравится Шарлю больше, чем греческая. Он с интересом разбирает не только знакомую с детства «Энеиду» Вергилия, но и поэмы в стихах Овидия и Лукреция, труды Тита Ливия, Тацита, Сенеки и «Записки о галльской войне» Цезаря.

Серьезнейшим образом иезуитами было поставлено преподавание французских языка и литературы, истории, географии, математики, немецкого языка. Маленький де Голль сразу полюбил историю. Особенно его интересует прошлое родной страны. Он увлеченно читает книги по истории Франции, а также известные произведения своих знаменитых соотечественников.

Настоящей страстью Шарля в отрочестве становится поэзия. Он уже знаком со стихами Киплинга, драмами Шекспира и Гёте, «Божественной комедией» Данте, но предпочитает, конечно, французов — де Виньи, Шатобриана, Верлена. Главным же увлечением мальчика были пьесы Эдмона Ростана. Премьера его «Сирано де Бержерака» состоялась в 1897 году. Она принесла триумф автору. Шарль восхищался Сирано и выучил всю пьесу наизусть. В 1900 году увидела свет еще одна драма Ростана — «Орленок», посвященная рано умершему сыну Наполеона. Ее премьера состоялась в Париже как раз в канун дня рождения Шарля. Отец решил сделать ему подарок и повел в театр на «Орленка». Мальчик был счастлив.

Ученики коллежа Непорочного зачатия по праздникам

устраивали собственные спектакли. Разыгрывали, как правило, исторические пьесы в стихах. Шарль всегда принимал в них участие, выступая в роли короля или герцога. Он и сам писал стихи. В 1905 году юный де Голль в подражание Ростану сочинил одноактную драму «Дурные встречи»[3].

Несмотря на незаурядные способности, в учебе Шарль не был прилежным и организованным. Он делал лишь то, что ему нравилось, поэтому нередко получал плохие оценки. Отец ставил Шарлю в пример старшего брата Ксавье и даже младшего Жака. Мало того, за посредственные результаты в математике и немецком языке Анри де Голль его наказывал — не брал на прогулки или в театр. Мальчик ужасно расстраивался. Иногда он сидел на подоконнике своей комнаты и с горечью наблюдал, как отец уводит сестру и братьев в Люксембургский сад. Но что было делать? Шарлю оставалось только надеяться, что по его улице пройдут строем с оркестром республиканские гвардейцы. Их черно-красная форма с золотыми эполетами и аксельбантами и перьями на кепи так впечатляла! Он тоже решил стать военным и уже мечтал о подвигах во имя любимой Франции.

Пока никого нет дома, мальчик читает, думает, пишет, и не только стихи, которые мама грозит порвать, когда он ее не слушается. В 14 лет Шарль сочиняет небольшую повесть «Немецкая кампания»[4], где он представляет себя командующим французскими войсками, сражающимися против Германии.

На летние каникулы семья теперь уезжает на юго-восток страны. Там, в департаменте Дордонь, Анри де Голль купил домик. Чтобы добраться до места, надо пересечь почти полстраны. Мальчишки теснятся у окна и рассматривают башенки старинного замка на Луаре, горные кряжи Центрального массива и цветущие равнины Лимузена.

Время шло. Рубеж веков стал для страны богатым на события. Сближение Франции с Россией привело к заключению между ними политического соглашения в 1891 году, а в следующем — и военной конвенции. Две державы сначала обменялись визитами флотов, а позднее, в 1896 году, русский император Николай II прибыл в Париж.

Страна смогла наладить отношения и с Англией, а также привлечь ее к союзу с Россией. После разграничения интересов Франции и Великобритании в Юго-Восточной Азии и Северной Африке в 1904 году было заключено франко-английское соглашение, а в 1907 году — англо-русское. Так образовался блок Антанта, которому противостоял Тройственный союз Германии, Италии и Австро-Венгрии. Европа двигалась к войне. Идея реванша над Германией буквально пронизывала французское

общество.

В начале XX века во Франции образовались первые политические партии. Республиканцы различных оттенков в 1901 году объединились в Демократический альянс. В 1903 году умеренные республиканцы объявили о создании Республиканской федерации. Обе эти правые партии выражали интересы буржуазии и выступали в защиту традиционного уклада жизни.

На левом фланге в 1901 году возникла Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Она объединила силы, приверженные идеалам демократической республики при сохранении частной собственности. Левее стояла Социалистическая партия, образованная в 1905 году и носившая официальное название Французская секция рабочего интернационала (СФИО). Она широко пропагандировала социалистические лозунги, но фактически шла по пути социал-реформизма.

До 1902 года у власти во Франции стояли республиканцы. Во время их правления огромное влияние на политическую обстановку в стране оказало «дело Дрейфуса». Капитана французской армии, еврея по национальности Дрейфуса, обвинили в шпионаже в пользу Германии, лишили воинского звания и приговорили к пожизненной каторге. Вскоре стало известно, что шпионом был другой человек, а Дрейфус невиновен. В результате «дело Дрейфуса» всколыхнуло всю страну. Франция разделилась на дрейфусаров и антидрейфусаров.

В 1902 году к власти пришли радикалы. Дрейфуса полностью реабилитировали. Главным же направлением политики правительства становится антиклерикализм. В 1905 году парламент принял закон об отделении церкви от государства. Французская республика разорвала дипломатические отношения с Ватиканом. Некоторым религиозным конгрегациям запретили заниматься преподавательской деятельностью.

В доме де Голлей, конечно, живо обсуждали «дело Дрейфуса». Анри де Голля потрясла эта история. Он считал, что она опозорила французскую армию, сразу примкнул к лагерю дрейфусаров и приветствовал реабилитацию невиновного капитана. Однако антиклерикальное законодательство радикалов в семье де Голлей, правоверных католиков, было воспринято крайне отрицательно. К тому же именно ордену иезуитов запретили вести преподавание во Франции. Анри де Голля такая ситуация очень огорчила. Его старший сын Ксавье уже завершил среднее образование, а Шарль и Жак еще учились в старших классах. Многие иезуиты переехали в учебные заведения ордена в

Бельгии. Вот туда-то отец и решает отправить двух своих сыновей для завершения учебы.

Так в конце лета 1907 года Шарль вместе с братом Жаком уезжает в небольшой бельгийский городок Антуан, где поступает в иезуитский коллеж Сакре-Кёр. Он занимается философией, историей, географией, химией, физикой, математикой, чтобы в конце учебного года сдать экзамены на бакалавра[3]. Шарль в письмах сообщает родителям, что присматривает за младшим братом Жаком, усердно учится и ведет жизнь праведного католика, начиная каждый день с мессы в 7 часов{5}.

Следующим летом семнадцатилетний Шарль совершает вместе с отцами-иезуитами свою первую заграничную поездку — в Германию и Швейцарию. Он ездит по горному Шварцвальдскому массиву и посещает Баден-Баден, Фрайберг, Базель, Цюрих, Люцерн и другие маленькие городки. Путешественники за небольшую плату останавливаются у местных кюре. Шарль с интересом знакомится с церковной и гражданской архитектурой, любуется природой, совершенствует свой немецкий язык. 3 июля 1908 года он пишет отцу: «Позавчера несказанно довольный я вернулся из Фрайберга. Мы поднялись на самый верх колокольни собора. Оттуда открывается вид на долину Рейна и Вогезы. Как это прекрасно… Раньше здесь стоял феодальный замок, который уничтожили наши пушки. Потом Вобан[4] построил тут крепость, большая часть которой тоже разрушена. С ее высоты через Бургундские ворота можно увидеть Францию, и я смог вас издалека поприветствовать»{6}.

В начале осени Шарль в хорошем настроении возвращается в Париж. Он твердо решил поступать в военное училище Сен-Сир, так как считал, что «армия занимала очень большое место в жизни народов»{7}. Но, чтобы пройти конкурс, надо готовиться к экзаменам. Для этого 1 октября 1908 года молодой де Голль поступает в специальный подготовительный класс коллежа Станислас, девиз которого гласит: «Честь, Религия и Родина». Он упорно занимается, как всегда, много читает, пишет сочинения на различные исторические сюжеты. Среди них — «Провинциальная администрация при Старом порядке», «Франция в 1802 году», «Политика Александра I по отношению к Наполеону», «Франкфуртский мир»{8}. Все они свидетельствуют о больших способностях автора. Он много знает, хорошо пишет и делает собственные выводы. Шарль любит сочинять и маленькие рассказики на воображаемые сюжеты. Он придумал себе псевдоним — Шарль де Люгаль — и неизменно так подписывается.

Любимым литературным жанром де Голля уже навсегда стала

поэзия. Он часто читает стихотворные сборники известных поэтов. У него прекрасная память и особо понравившиеся строфы Шарль знает наизусть. Он по-прежнему и сам сочиняет рифмы. О чем? Конечно, о победах, о славе. В одном стихотворении, написанном де Голлем в 17 лет есть такие строки:

Quand je devrais mourir,
J'aimerais que ce soit
Sur un champ de bataille,
Alors qu'on porte en soi…
J'aimerais que ce soit
Pour mourir sans regret,
Un soir ou je verrais,
La gloire a mon chevet{9}.

Если бы мне пришлось умереть,
Я бы хотел
Только на поле боя
Найти свой удел…
Я бы хотел встретить смерть,
Как почет,
Только в тот день,
Когда слава придет[5].

В свободное время Шарль с удовольствием гуляет по Парижу, бывает в музеях, в театре. Когда на рождественские каникулы в конце 1908 года в семью де Голлей приезжает молодой родственник с севера, именно Шарль берется сопровождать его по столице. Он ведет кузена в Лувр и в Опера-комик на «Кармен»{10}.

Солдат отечества

Осенью 1909 года восемнадцатилетний Шарль де Голль успешно сдает экзамены и поступает в Сен-Сир. На 211 мест претендовало почти 700 человек. Шарль прошел конкурс 119-м. Результат далеко не блестящий, но он не очень огорчается. Ведь почти 500 человек вообще остались «за бортом» и им придется предпринимать вторую, а то и третью попытку. А его приняли с первой. По существующему порядку перед учебой все зачисленные сначала должны провести год в любом роде войск действующей армии. Шарль выбирает пехоту и отправляется в 33-й пехотный полк, расквартированный в городе Аррасе на севере страны.

Время проходит быстро. И вот в октябре 1910 года молодой де Голль в звании капрала переступает порог знаменитого военного училища, основанного Наполеоном в 1803 году. Первоначально оно располагалось в Фонтенбло, но вскоре перебралось в местечко Сен-Сир близ Версаля. Итак, он стал сираром. Шарль выделяется среди остальных прежде всего очень высоким ростом — 1 метр 90 сантиметров — живыми карими глазами и большим выдающимся вперед носом. Он держится независимо, с чувством собственного достоинства, но всегда дружелюбен и отзывчив. Товарищи давали ему различные прозвища — «двухметровый», «Сирано», «дылда», «индюк», «Коннетабль»[6] и даже «король в изгнании». Де Голль не обижается. Он всем доволен.

Девиз Сен-Сира — «Учиться побеждать!». И воспитанники училища изо всех сил стараются ему следовать. В пять тридцать они уже встают, в шесть — завтракают. С семи до девяти занимаются физической подготовкой. Это гимнастика, фехтование, футбол, верховая езда. Затем до полудня проходят занятия по общеобразовательным дисциплинам — истории, географии, топографии, праву, французской литературе, немецкому языку, рисованию. Послеобеденное время отдается только военному делу. Отдельные дни выделяются для специальных пеших переходов при полном военном обмундировании, достигающем восемнадцати килограммов веса. Для Шарля, при его росте, одолеть такие маршруты было нелегко, но он справлялся.

Преподаватели училища сразу высоко оценили де Голля. В его учетной карточке значилось:

«Поведение — безупречное

Способности — очень яркие
Воспитание — хорошее
Характер — прямой
Осанка — очень красивая
Усердие — очень большое
Военная сноровка — очень развитая
Внешность — симпатичный
Способности к переходам — очень хорошие
Сопротивление усталости — большое»{11}.

Шарль всегда принимал участие в устраиваемых сирарами вечеринках. Когда они после застолья начинали хором петь, де Голль тут же бодро вступал и своим выразительным голосом затягивал:

En avant Cyrards…
Au Maroc, en Mauritanie,
Que la victoire vous sourie.

Вперед Сирары…
В Марокко, в Мавританию,
И пусть победа вам улыбается[7].

Каждый день после половины восьмого вечера и до отбоя в десять воспитанникам училища предоставлялось свободное время. У Шарля, как правило, оно проходило за чтением. Его интересовало все. Поэзия, художественная литература, труды по истории и философии. Он давно хорошо овладел немецким, который так не любил в детстве. Теперь де Голль в подлинниках и в переводах внимательно читает Канта, Гегеля, Фихте, Ницше, Гёте, Бисмарка. Он старается понять дух этой нации. Ведь новая война с немцами неизбежна. Де Голль заинтригован идеей Ницше о сверхчеловеке.

Настоящее же влияние на мировоззрение молодого сирара оказывают современные французские мыслители Эмиль Бугру и Анри Бергсон. Через некоторое время де Голль сам напишет: «Появление Бугру и Бергсона обновило французскую духовность»{12}.

В центре философии спиритуалиста Бугру были проблемы детерминизма и свободы. В своих главных произведениях «О случайности законов природы» и «Наука и религия в современной философии» он говорил о противоположности законов природы творческой природе человека. Более всего Шарлю в концепции Бугру импонировала идея о том, что в основе биологической эволюции лежит свободный творческий акт. Де Голль сразу полюбил известный тезис философа: «Призвание человека состоит в том, чтобы быть владыкой ветров и волн».

Молодой сирар сразу стал приверженцем философии действия интуитивиста Бергсона. В работах философа «Духовная энергия» и «Творческая эволюция» процесс развития трактовался как постоянное возникновение качественно нового. Бергсон отвергал возможность познания мира с помощью разума и практической деятельности. Он доказывал, что истина недоступна научному пониманию и постижение действительности посредством логики происходить не может. Оно возможно лишь с помощью особой, таинственной, врожденной способности — интуиции. Философ призывал к пониманию необходимости действия, к проявлению творческой энергии и к приобретению человеческим разумом интуиции, при сочетании инстинкта с умом.

Де Голль, как и многие его соотечественники, разделял националистические настроения. Дух национализма поддерживался многими французскими литераторами. Ему нравились романы Мориса Барреса «Под взглядом варваров», «Роман национальной энергии», «Призыв к солдату». Их автор придавал мистический характер понятию нации, разрабатывал националистическую доктрину воспитания патриотического духа путем бережного сохранения французских исторических традиций. Баррес прямо отстаивал идею реваншистской войны против Германии. Другой французский писатель, военный по профессии Эрнест Пишари также выступал против пацифизма и за реванш. Одна из его книг так и называлась — «Призыв к оружию».

Ярко выраженным национализмом и патриотизмом было окрашено все творчество друга Пишари, поэта Шарля Пеги. Много лет спустя де Голль скажет о нем: «Ни один другой писатель не оказал на меня такого влияния, как он. В годы, предшествующие войне, я читал все, что он писал… Я чувствовал, что он мне очень близок… Он воспринимал вещи именно так, как воспринимал их я… Он привлекал меня своим стилем, своими формулировками, своими повторениями»{13}. В поэмах «Наша юность», «Мистерия о милосердии Жанны д'Арк» Пеги страстно

романтизировал прошлое Франции и создавал мистический облик матери-родины с ее необычной, возвышенной судьбой. Собирательным образом его произведений был простой французский солдат, всегда готовый умереть за свою отчизну и считающий такую смерть высшим благом. Пеги прославлял этих солдат:

> Ils devaient tomber mort
> Face en avant,
> Morts plus grand que le sort
> Et les vivants.
>
> Они шли, чтобы пасть,
> Смело глядя вперед,
> Как прекрасна их смерть,
> Они ждали ее[8].

Пеги боготворил героиню Столетней войны Жанну д'Арк. Он считал ее вечным символом Франции, ее самой большой гордостью. Де Голль полностью разделял мнение поэта. Однажды он написал своей рукой прямо в томике «Мистерии о милосердии Жанны д'Арк»:

> «Жанну призвали. Она пришла. Она увидела гибнущую Францию; она смогла встать выше частных интересов и претензий.
>
> В глубине народа она зачерпнула свои тайные Веру и Надежду, она их подняла наверх и взяла с собой.
>
> Отныне она могла терпеть, страдать, умереть. Она навсегда победила»{14}.

В 1912 году де Голль блестяще завершил учебу. Если он поступил только 119-м, то выпускается 13-м в звании младшего лейтенанта с прекрасной аттестацией: «Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным офицером»{15}.

Шарль горд, что стал офицером. Выпускник Сен-Сира фотографируется на память в элегантной голубой форме пехотинца, кепи с перьями, подвешенной на боку саблей. Он понимает, что армия — это «предмет национального культа»{16}. Шарль убежден, что смысл его жизни «состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг»{17}. А страна

уже жила ожиданием войны. Как вспоминал сам де Голль, она испытывала «ностальгию по славе» и, «желая мира, в то же время лелеяла надежду на реванш». Французы ждали «стук барабана» и «не сомневались, что рано или поздно им вернут Эльзас и Лотарингию»{18}.

Жанна и Анри де Голль были довольны тем, как складывалась жизнь их детей. Ксавье закончил Инженерную школу. По его стопам пошел и Жак. Мари-Аньес вышла замуж за бельгийца Альфреда Кайо и переселилась в бельгийский городок Шарлеруа. Пьер завершил среднее образование. А Шарль по окончании Сен-Сира осенью 1912 года вновь отправился в Аррас, в тот самый 33-й пехотный полк, где стажировался до начала занятий в военной школе.

Выпускник поступает под командование полковника Филиппа Петэна. Де Голлю сразу понравился этот человек. Он высоко оценил его качества офицера и написал впоследствии, что именно Петэн открыл для него «все значение таланта и искусства военачальника»{19}. Полковник также благосклонно отнесся к новому подчиненному. Он дал ему замечательную характеристику: «С самого начала утвердился как прекрасный офицер, подающий большие надежды… Очень образован, страстно любит свою профессию. Достоин во всех отношениях»{20}. Осенью 1913 года де Голль становится лейтенантом и продолжает службу в Аррасе. Петэн же отбывает по другому назначению и вскоре получает чин генерала.

Лейтенант служит с большим чувством ответственности, командует на маневрах. Помимо этого он, как обычно, много читает, став постоянным посетителем муниципальной библиотеки. Де Голль обращается к трудам по военной истории, стихам и прозе современников. Он и сам пишет и выступает с речами и лекциями перед новобранцами и подчиненными младшими офицерами. Лейтенант стремится внести собственную лепту в поддержание национального духа. Одна из его лекций называется «О патриотизме». В ней он восклицает: «Невозможно отрицать, что самое бескорыстное и благородное чувство — это патриотизм. Я думаю, что никакая другая человеческая любовь не вдохновляется такой самоотверженностью»{21}.

Свой патриотизм де Голль, разумеется, отождествлял с реваншизмом. Но были и французы, для которых любовь к отечеству воспринималась как пацифизм. Их идейным лидером стал известный социалист Жан Жорес. Де Голль не разделял его взглядов, но знал, что он — один из самых блестящих ораторов Франции. Именно поэтому молодой лейтенант часто во время увольнительных переодевался в штатскую одежду и ехал в Лилль,

чтобы услышать пламенные речи Жореса[22].

«Стука барабана» долго ждать не пришлось. В августе 1914 года началась Первая мировая война. Во Франции ее восприняли как совершенно естественную. Была объявлена всеобщая мобилизация. Более восьми миллионов французов готовились встать под ружье. Потянулись к северу первые военные эшелоны. Пошли на фронт и братья де Голли. Ксавье и Жак сразу отправились в артиллерийские войска. Пьеру едва исполнилось семнадцать, и он ушел на войну через три года. 33-й пехотный полк Шарля получил приказ присоединиться к северо-восточной армии.

5 августа лейтенант де Голль записал в своем дневнике:

> «Прощай моя квартира, мои книги, мои фамильные вещи. Какой насыщенной кажется жизнь, какими значительными представляются обыкновенные дела, когда, может быть, скоро все кончится…
>
> Полк выступил сегодня утром в строгом порядке. Мало народа вышло посмотреть, как мы уходим. Но это были решительные люди, которые смогли сдержать слезы.
>
> Итак, вперед! Сейчас действительно наблюдается единый порыв и энтузиазм, о котором я мечтал»[23].

Де Голлю пришлось пройти все суровые будни Первой мировой. «… Подобно соломинке, — вспоминал он, — я был захвачен ураганом войны и пережил все перипетии этой драмы — боевое крещение, тяготы и лишения окопной жизни, атаки, обстрелы, ранения, плен»[24].

В середине августа немецкая армия, разгромив бельгийцев, уже перешла франко-бельгийскую границу. 15 августа де Голль попал под обстрел в нормандском городке Динан. Его ранило в правую ногу. Пуля задела берцовую кость. Он не мог передвигаться. Таким было первое крещение огнем. Его госпитализировали в Аррасе, потом прооперировали в Париже и затем отправили на долечивание в Лион.

В январе 1915 года де Голль уже здоров и в строю. Однако 10 марта в бою на реке Сомма он получает новое пулевое ранение, в левую руку. Лейтенант долго залечивает рану в прифронтовых госпиталях и возвращается в полк только в сентябре. Его ждет приятное известие о повышении в чине: он капитан.

Де Голль стойко переносит невзгоды войны, храбро сражается и мечтает только о победе. 23 ноября 1915 года в письме к матери он подчеркивает: «Конца войне пока не видно. И пусть. Ведь надо, чтобы она закончилась только полной победой наших армий. Мир

должен быть продиктован только нами. Мы должны сжать наши сердца и сконцентрировать нашу энергию, чтобы отвергнуть предложения, которые пытается нам делать враг»[25]. В канун следующего года молодой капитан пишет Анри де Голлю: «Дорогой отец, вместе с моей бесконечной любовью посылаю Вам единственное пожелание, которое подобает послать, — французской победы в 1916 году»[26].

А до победы было еще далеко. В 1916 году на Западном фронте развернулась крупнейшая битва войны в районе города Верден на севере Франции. Она началась в феврале и продолжалась до декабря. Сражение войдет в историю как «верденская мясорубка». Операцией в целом командовал генерал Петэн. Полк, в котором служил де Голль, возглавляемый подполковником Будором, сразу перешел в наступление в деревне Дуамон под Верденом. Сам де Голль был назначен командиром батальона. Французы столкнулись с неистовой атакой немцев. Рано утром 2 марта начался массированный обстрел немецкой тяжелой артиллерии. Стоял неслыханный грохот, земля дрожала. Затем пустили газ, и, наконец, произошла рукопашная схватка. Батальон де Голля был почти полностью уничтожен. Сам он получил сильный удар штыком в бедро и потерял сознание. Его сочли мертвым. Через два месяца в приказе по армии будет отмечено: «Командир батальона капитан де Голль, зарекомендовавший себя духовно и морально в самой высокой степени, при страшной бомбардировке немцев, которая почти выкосила его солдат, поднял оставшихся в живых на яростную атаку, посчитав такое решение единственным достойным воинской чести. Он пал в бою при непосредственном соприкосновении с противником. Офицер во всех отношениях не имеющий себе равных»[27].

На самом деле де Голль остался в живых. Но каково же было его отчаяние, когда он очнулся и понял, что попал в плен. Его ждали почти три года мытарств по различным лагерям для военнопленных. После лечения в немецком госпитале французского капитана отправляют в Оснабрюк в Вестфалии, потом в городок Нейсе в Восточной Германии. Оттуда его везут в город Щучин в оккупированной немцами западной Белоруссии. Затем он попадает в крепость Ингольштадт в Баварии. Из нее де Голля перевозят в Розенберг и в военную тюрьму в Пассау. После этого — опять Ингольштадт, Вюрцбург и, наконец, Магдебург в Восточной Германии[28].

Настроение де Голля было подавленным. Летом 1916 года из Оснабрюка он впервые пишет родителям. Плененный капитан сообщает отцу, что «стал ничем», а чуть позднее жалуется матери,

что «сердце его разрывается от горя в этом ненавистном плену»[29]. Но де Голль сам себя корит за такое малодушие. Он записывает в дневнике: «Надо быть человеком характера. Лучший способ преуспеть в действии — это уметь владеть собой»[30]. Капитан пытается забыть о своем униженном положении за книгой. Он читает все, что попадает ему в руки. По-древнегречески, по-латыни, по-французски, по-немецки. Де Голль ведет дневник, исписывает сотни страниц, приводя многочисленные цитаты из самых разных произведений[31].

В 1917 году французского капитана переводят в крепость Ингольштадт на Дунае. Он понимает, что теперь находится недалеко от Франции, и тогда у него появляются мысли о побеге. Впервые де Голль неудачно пытается бежать из Ингольштадт. Его переводят в Розенберг. Оттуда он предпринимает еще две попытки. Французского капитана задерживают и заключают в военную тюрьму в Пассау, а затем опять в Ингольштадт. Он пишет отчаянные письма домой, иногда шифрованные, и просит у матери прислать ему штатскую одежду[32]. В 1918 году де Голля под конвоем перевозят в Вюрцбург. Он вновь осуществляет две попытки бежать. Тогда его отправляют в Магдебург.

Дни плена в последние полтора года войны тянутся невыносимо долго. Между попытками вырваться из лагерей де Голль занимает себя тем, что постоянно читает доступную немецкую прессу. Он пристально следит за военным положением и делами на фронтах войны. Капитан в курсе всех событий, обдумывает их и даже пытается делать прогнозы. Мало того, он пишет об этом и выступает перед своими товарищами по плену с лекциями. Они называются — «О войне», «О верховном командовании во время войны», «Ограничение вооружений»[33].

В плену де Голль познакомился с французами, которые впоследствии станут известными — журналистом Реми Руром, командиром батальона[9] Жоржем Катру и другими. Среди заключенных Ингольштадта были и русские офицеры. Много лет спустя де Голль вспоминал, что «во время первой империалистической войны он… долго жил в одной комнате с Тухачевским» и даже усвоил от него отдельные русские слова[34].

Осенью 1918 года душевное состояние капитана резко ухудшается. 1 сентября он пишет матери: «Я — заживо погребенный», а 1 ноября в письме к ней де Голль утверждает: «К огромной радости, которую я испытываю по поводу происходящих событий, примешивается и неописуемо горькое сожаление от того, что я сам не смог принять в них участие. Я думаю, что в течение всей моей жизни, долгой она будет или короткой, — это сожаление останется со мной»[35].

11 ноября было подписано долгожданное перемирие с Германией. Франция вышла победительницей из самой кровопролитной войны в ее истории. За победу страна заплатила высокой ценой. Полтора миллиона человек пали на полях сражений, три миллиона получили ранения, шестьсот тысяч остались инвалидами. Погибли Пеги и Пишари. Почти в каждой семье справляли тризну по тем, кто не вернулся. И все же французы ликовали. Они устраивали торжественные встречи своим прославленным генералам, получившим за заслуги на войне маршальские жезлы. Это были Жозеф Жоффр, Филипп Петэн, Фердинанд Фош.

В небольшом доме Жанны и Анри де Голль в Дордони царила праздничная атмосфера. Свершилось чудо. Все четыре их сына — Ксавье, Шарль, Жак и Пьер — вернулись с войны к родному очагу. Шарль, конечно, радовался вместе со всеми. И все же он временами пребывал в унылом расположении духа, вспоминая о том, что не смог внести собственного вклада на победном этапе войны, и даже думал, не расстаться ли ему с военным мундиром{36}.

На службе Франции

Родные и близкие убеждали Шарля, что он должен продолжать военную карьеру. Де Голль и сам понимал, что иного пути для него уже нет. В начале 1919 года его отправляют на стажировку на запад страны в военную школу Сен-Мексан. 25 января он сообщает матери: «Все складывается для меня хорошо. Можно сказать, я возрождаюсь, потому что вновь нахожусь в своей военной среде»{37}. Де Голль живо интересуется тем, что происходит в послевоенном мире и во Франции, куда постепенно съезжаются делегаты Версальской мирной конференции. Весной капитан пишет отцу: «Похоже, что политика Франции и Клемансо одерживает верх… Это означает полный политический, военный и экономический разгром Германии. Мы продиктуем такие условия ненавистному врагу»{38}.

Французы действительно смогли сделать то, о чем писал де Голль. На Версальской конференции председательствовал Жорж Клемансо, возглавивший правительство Франции на последнем этапе войны и внесший большой личный вклад в достижение победы. За энергичность и твердость характера он получил прозвище «Тигр». Клемансо принял самое непосредственное участие в разработке мирного договора с Германией. По его условиям Франции возвращались Эльзас и Лотарингия. Французские войска оккупировали левый берег Рейна, объявленный демилитаризованной зоной. Такая же зона протянулась на 30 километров вдоль правого берега Рейна. Угольные шахты Саара переходили в собственность Франции в возмещение разрушенных во время войны ее копий. Германии разрешалось иметь армию не более 100 тысяч человек, вербуемых на добровольной основе. Всеобщая воинская повинность в стране отменялась. Вооружение немецкой армии танками, самолетами, тяжелой артиллерией и подводными лодками не разрешалось. Наконец, Германия должна была выплачивать странам-победительницам очень большую денежную контрибуцию.

В апреле 1919 года де Голль принимает решение поехать в Польшу. Там организована французская военная миссия. Офицеры Франции проводят инструктаж польских военных. Капитан приезжает в маленькое местечко Рембертув под Варшавой и принимается за дело. Он чувствует себя вполне уверенно и сам отмечает: «Наконец-то я стал ощущать себя таким, каким был до этого жуткого плена. Ко мне возвратилась вера в себя и в будущее, И это главным образом оттого, что я нахожусь в школе офицеров, значит, в своей стихии»{39}. Настроение де

Голля стало еще лучше, когда он узнал, что его наградили орденом Почетного легиона за мужественное поведение под Дуамоном.

Осенью 1919 года капитан ненадолго приезжает в Париж на свадьбу старшего брата Ксавье. Ему и самому скоро тридцать. Он тоже думает о своей личной судьбе и делится этим с матерью. «Я хочу, — замечает Шарль, — чтобы и у меня появилась семья и чтобы я смог в безмятежности глубокой, освященной богом любви дать другому человеку все счастье, которое способен дать мужчина»[{40}].

Планы де Голля нарушила начавшаяся в 1920 году советско-польская война. Польша при поддержке США, Великобритании и Франции развернула крупное военное наступление на молодое советское государство с целью расширения своей территории за счет Украины и Белоруссии. Де Голль принял непосредственное участие в военной кампании. Он возглавил батальон, сражавшийся на южном направлении против 1-й Конной армии Семена Буденного. Капитан наверняка знал, что на севере на поляков наступает его знакомый по плену Михаил Тухачевский, который при новой власти в России сделал головокружительную карьеру и в 27 лет уже командовал армией.

В октябре советско-польская война закончилась. Де Голль на три недели уезжает в Париж. Он по-прежнему мечтает познакомиться с девушкой из хорошей семьи. Одна из его родственниц со стороны матери подыскала ему невесту. Это двадцатилетняя Ивонна Вандру, дочь промышленника из города Кале. Семья Вандру приехала в свою парижскую квартиру. Свидание с де Голлем было назначено в Большом дворце, где проходила осенняя выставка картин.

Шарль пришел один. Ивонну же сопровождали мать, отец и старший брат Жак. После выставки вся компания отправилась в кафе. Ивонна была красивой девушкой с большими серо-голубыми глазами и длинными каштановыми волосами. Она понравилась Шарлю, и он пригласил ее на бал выпускников Сен-Сира в Версаль. Родители девушки поняли, что молодой военный хорошо воспитан, очень образован и имеет самые серьезные намерения в отношении их дочери. Да, он небогат. Ну, в конце концов, пусть она решает сама.

В Версаль Ивонна поехала с Жаком. Весь вечер Шарль танцевал только с ней. Он влюбился. После бала молодые люди отправились по домам. Девушка задумчиво сидела у окна пригородного поезда, увозившего ее обратно в Париж. Брат спросил ее: «Как, Ивонна?» Она с улыбкой ответила: «Мне с ним не было скучно». Через несколько дней девушка сказала

родителям: «Я выйду только за него»[41]. В ноябре отпраздновали помолвку.

Вскоре де Голль уехал в Польшу, чтобы завершить там дела. Его награждают польским орденом «За военные заслуги». Он пишет очерк «Битва на Висле»[42]. В канун нового года капитан посылает из Варшавы письмо матери своей невесты со словами: «Я понимаю, какой большой жертвой будет для вас расставание с Ивонной… Но я люблю ее от всего сердца и надеюсь, что это утешит вашу с ней разлуку»[43]. Весной 1921 года он окончательно возвращается на родину.

Свадьба Шарля де Голля и Ивонны Вандру состоялась 6 апреля в Кале. Церемония прошла согласно католическому ритуалу. Трогательную невесту в подвенечном платье с длинной фатой вывел из дома ее отец. Их встречал радостный жених в красивом голубом рединготе вместе со своей матерью. Шафером невесты был ее старший брат Жак, а жениха — его младший брат Пьер. Свадебный кортеж отправился к главному собору города Нотр-Дам де Кале. Одни сопровождающие ехали на автомобилях, другие — на лошадях. После венчания Шарль и Ивонна вышли из храма под звуки свадебного марша Мендельсона и все собравшиеся отправились в дом Вандру на свадебный обед.

Медовый месяц молодые проводят в Италии, на озере Лаго Маджоре, в Милане, Брешии, Мантуе, Падуе и Венеции. Они счастливы. Чета возвращается во Францию и снимает квартиру в Париже на левом берегу недалеко от дворца Инвалидов. 28 декабря 1921 года Ивонна родила мальчика, которого назвали Филипп. Де Голль устраивается в Сен-Сир преподавать историю. Одновременно он проходит стажировки в различных родах войск — в пехоте, артиллерии, танковом корпусе, авиации. Капитан также готовится к поступлению в Высшую военную школу, выпускающую офицеров на командные и штабные должности. В ноябре 1922 года он становится ее слушателем.

Один из однокурсников де Голля, будущий генерал Лафарг так рассказал о нем: «Я впервые встретился с де Голлем в лекционном зале Военной школы. Это было в первый день занятий, когда распределялись места. Мне указали мое. Я сел и увидел проходящего передо мной высокого важного человека, хладнокровного и чопорного, одетого в голубую форму. Он сел впереди меня, и тогда я сказал себе: "Да, уж этот тип мелочью себя не считает, он ведь ходит так, будто передвигает собственную статую… " Должен признаться, что позднее я понял, что ошибся в своем первом впечатлении. Де Голль проявлял себя как хороший, благородный товарищ. Он был выше нас всех, и поэтому казалось, что его слова доносятся откуда-то сверху. Но

вообще он очень быстро вписался в нашу компанию… Он всегда принимал участие в наших увеселительных мальчишниках и пел вместе со всеми песенку "Жена ломового извозчика"»[44].

Отношения де Голля с товарищами по школе действительно складывались хорошо. Однако с преподавателями, особенно теми, под началом которых он участвовал в военных учениях, дело нередко обстояло иначе. Капитан обо всем имел собственное мнение и упорно его отстаивал. Это не нравилось. После первого года учебы де Голль получил более чем лестную характеристику: «Очень способный и широко образованный, отлично ориентируется на местности, отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив… Личность очень развитая, с большим чувством собственного достоинства, может достичь блестящих результатов»[45]. Тем не менее в 1924 году капитан заканчивает Высшую военную школу с оценкой «хорошо». Причиной тому был его слишком независимый характер.

В том же году в жизни де Голля происходит еще два события. 15 мая у него родилась дочь Элизабет. А летом он публикует книгу «Раздор в стане врага»[46]. Работа была написана на основе материалов немецкой прессы, которую де Голль изучил во время пребывания в плену. В ней подробно анализируются причины, приведшие Германию к поражению в Первой мировой войне: отсутствие воинской дисциплины, самоуправство немецкого командования и плохая согласованность его действий с правительственными распоряжениями. Но книга в целом посвящена не только перечислению событий и описанию фактов. В ней рассматривается важная проблема соотношения гражданской и военной властей, заинтересовавшая де Голля еще в 1917 году. Тогда он писал в дневнике: «Правительство страны, и только оно, может и должно осуществлять генеральное руководство во время войны. Ведь только оно одно располагает реальными сведениями о социальной, политической, дипломатической, финансовой, экономической обстановке в стране… И только ему одному надлежит фиксировать начало и конец военных операций и определять, против какого врага и на каком театре военных действий выступать…»[47] Такие же выводы де Голль сделал и в своей работе. Он подчеркнул, что военные власти как в мирное время, так и во время войны обязаны всецело подчиняться своему правительству.

Первую книгу де Голль опубликовал в издательстве Берже-Левро, один из ключевых постов в котором занимал его бывший товарищ по плену Этьен Репессе. Она разошлась тиражом всего в тысячу экземпляров и осталась почти незамеченной широкой общественностью. Но работа явно попала в руки профессоров

Высшей военной школы, которые не пришли в восторг от того, что их воспитанник уже позволяет себе выступать в роли военного аналитика.

В сентябре 1924 года капитан де Голль получает назначение в генеральный штаб французской армии в Рейнской области и выезжает в Майнц. Он с интересом наблюдает за тем, что творится на немецкой земле, и размышляет о многовековом соперничестве французов и немцев. Де Голль понимает, что сейчас находится именно на границе столкновения интересов двух наций и излагает свои мысли в скорбном четверостишии:

> Le Rhin, triste temoin d'etemelles alarmes,
> Couvre d'un deuil sans fin la splendeur de ses bords,
> Roule un flot toujours pret a recueillir des larmes,
> Et tisse des brouillards pour voiles d'autres morts{48}.

> Рейн, грустный свидетель вечных угроз,
> Трауром ты всегда покрываешь красу берегов,
> Катишь волну, вобравшую столько слез,
> И сплетаешь туман, чтоб укрыть мертвецов.[10]

В следующем году о де Голле вспоминает прославившийся в битве под Верденом маршал Петэн. Он прочитал книгу своего бывшего подчиненного «Раздор в стане врага» и еще больше утвердился в высоком мнении о нем. Маршал занимает высокий пост вице-председателя Верховного военного совета и приглашает де Голля в Париж работать у него. Капитан соглашается. Петэн хочет, чтобы де Голль готовил для него речи и даже написал книгу по истории армии под названием «Солдат». Капитан берется за работу. Его отношения с маршалом складываются хорошо. Однако независимый характер и высокое самомнение де Голля не нравятся офицерам окружения Петэна. И осенью 1926 года капитан возвращается в Рейнскую область.

Только в 1927 году де Голля повышают. Он получает чин командира батальона. Все в той же Рейнской области его назначают командующим 19-м егерским полком, расквартированным в городе Трир. Там он продолжает работать не только на Петэна, но пишет статьи по военной тематике для периодических изданий. Время от времени де Голль наведывается

в Париж. Он мечтает стать профессором Высшей военной школы, Петэн готов ему в этом посодействовать. Но отношение преподавателей к своему недавнему выпускнику остается более чем прохладным. Они категорически не хотят иметь коллегу в лице де Голля{49}. В результате командиру трирского полка пришлось довольствоваться лишь несколькими выступлениями с лекциями в престижной школе.

Каникулы в 20-е годы де Голль с семьей чаще всего проводил в имении родителей жены Сетфонтэн на севере Франции, а иногда на берегу пролива Ла-Манш. Его шурин, Жак Вандру, вспоминал, что Шарль неизменно приезжал с двумя большими чемоданами. Один был наполнен вещами, другой — книгами.

В Сетфонтэн собирались многочисленные родственники. Завтракали, обедали, ужинали все вместе. А время проводили по-разному. Шарль и его шурин бродили по окрестностям. Они собирали луговые шампиньоны и лисички. При этом де Голль нередко обращал внимание Жака на остатки каменной кладки древнеримских дорог и рассказывал о каких-нибудь битвах античности. По утрам Шарль любил ездить верхом или прокатиться в бричке. Иногда они с шурином играли в крокет или бадминтон. Главным же развлечением в Сетфонтэн была охота. Вандру приобщили к ней де Голля. Ходили на дичь и на кроликов. Командир батальона хорошо стрелял, но жалел лесную живность. После охоты к мужчинам присоединялись женщины и на лесной поляне устраивали пикник. Вечерами вся компания усаживалась за карты. Шарль прекрасно играл в бридж{50}.

Любимым времяпрепровождением на отдыхе для де Голля все равно оставалась работа. Он усаживался на террасе дома, когда над ней спускалась тень от огромных тенистых лип, читал, делал выписки, наброски. Круг его интересов, как всегда, очень широк. Это и любимые Корнель, Ривароль, Вовенарг, Шатобриан, Ламартин, де Виньи и современные писатели — Франсуа Мориак, Поль Клодель, Жорж Дюамель, Андре Мальро, Поль Валери, Жорж Бернанос.

Де Голль наверняка познакомился с работами основателя «Аксьон франсэз» Шарля Морраса, который выступал как активный поборник французского национализма и считал, что любой истинный француз превыше всего должен ценить свое отечество и сознавать свою национальную исключительность. Такие идеи должны были быть созвучны мировосприятию молодого военного. Тем не менее ни в одном из многочисленных произведений де Голля нет даже упоминаний о Моррасе.

У моря де Голль любил побыть наедине с собой. Он задумчиво сидел на утесе, смотрел на бьющиеся о берег волны и

золотые лучи заката и что-то записывал в своем дневнике.

Общению с близкими де Голль всегда придавал очень большое значение. Всю жизнь он будет связан тесными узами теплых отношений со своими многочисленными родственниками и свойственниками. Настоящих друзей среди сослуживцев де Голль не имел. Наверное потому, что сам он никогда не был ординарным офицером. Его деятельность всегда выходила за рамки простой службы. Де Голль находил общий язык только с единомышленниками. И такие люди нашлись. Ими были два полковника в отставке, значительно старше его по возрасту. Первый — Эмиль Мейер, журналист и военный писатель, публикующий статьи во многих французских периодических изданиях. Второй — Люсьен Нашен, после окончания военной карьеры также посвятивший себя публицистической деятельности. Де Голль познакомился сначала с Мейером, затем с Нашеном. Между ними завязалась оживленная переписка{51}. Де Голль читал то, что они писали, посылал им свои опубликованные и неопубликованные работы, делился с ними размышлениями о происходящем, словом, доверял им во всем. На протяжении всего межвоенного периода Мейер и Нашен оставались самыми близкими де Голлю людьми.

Семья де Голлей давно разрослась. Все братья Шарля женились, имели детей[11]. Более всего он был привязан к сестре Мари-Аньес и младшему брату Пьеру, общался и с Жаком. Старший брат, Ксавье, держался несколько особняком. К отцу и матери все дети продолжали относиться с благоговением. Когда Жанна де Голль в 1927 году захотела совершить поездку в Лурд, известный центр паломничества в юго-западной Франции, все ее пятеро детей отправились вместе с ней. В этом месте культа Девы Марии, помогающем, по убеждению верующих, исцелению тела и души, а также внутреннему обновлению, Жанна де Голль благодарила Богородицу за то, что четыре ее сына вернулись живыми со страшной войны{52}.

Шарль, воспитанный с детства в традициях веры, соблюдал католические ритуалы. Он очень переживал, когда в его 19-м егерском полку умер от менингита совсем молодой солдат-сирота. Так как у того не было родных, де Голль сам носил по егерю траур, не снимая в течение полугода черную повязку с левой руки{53}.

1 января 1928 года в Трире Ивонна де Голль родила вторую дочь. Ее назвали Анной. Через некоторое время выяснилось, что девочка страдает умственной отсталостью. Она осталась инвалидом на всю жизнь. Болезнь Анны стала настоящим горем для всей семьи. Однако родители с достоинством и смирением

несли свой тяжкий крест. Де Голль как-то сказал духовнику: «Для меня и моей жены это большое испытание. Но, поверьте, Анна одновременно — моя радость и моя сила. Она — милость божья в моей жизни. Она поддерживает во мне необходимость подчинения суверенной воле Бога»{54}.

Командир 19-го егерского полка продолжал общение с маршалом Петэном. Но их отношения уже не были безоблачными. Де Голль давно отдал Петэну рукопись «Солдата». Однако маршал не спешил с ее публикацией, вносил собственные коррективы и, вероятно, хотел привлечь для дальнейшей работы над ней других сотрудников своего штаба. Де Голля такая ситуация раздражала. Он осмелился высказать неудовольствие по этому поводу Петэну в письмах из Трира{55}. В 1928 году автор «Солдата» забрал свою рукопись у маршала. Он явно хотел сохранить этот труд для себя, ему вообще претило находиться в подчиненном положении, да еще и лишенном определенности. Примерно в то же время де Голль записывает в дневнике фразу Микеланджело: «Тот, кто привык сопровождать, никогда не будет впереди»{56}.

Находясь в Трире, де Голль продолжал наблюдать за тем, что происходит в Рейнской области. Уже в конце 20-х годов он понял, что Германия не собирается мириться с установленной после войны версальской системой мира в Европе. 21 декабря 1928 года командир егерского полка отмечал в письме к своему другу Эмилю Мейеру: «Рейнская армия[12] не останется здесь надолго. Определенные обстоятельства разбивают временные барьеры в Европе. Не следует сомневаться в том, что близок Аншлюс, затем Германия во что бы то ни стало вернет себе то, что у нее отняли и присоединили к Польше. А после этого у нас потребуют Эльзас. Мне кажется, это просто предначертано»{57}.

Де Голль был абсолютно прав. В следующем году на посту председателя кабинета министров Раймона Пуанкаре сменил Аристид Бриан. В отличие от своего предшественника новый глава правительства не стал настаивать на строгом выполнении Германией условий Версальского мирного договора. Франция постепенно сокращала свое военное присутствие на оккупированном левом берегу Рейна. Одним из первых расформировали 19-й егерский полк. Его командир ждал нового назначения. Осенью 1929 года он получает приказ ехать в Ливан, подмандатную французскую территорию, полученную в итоге Первой мировой войны. Был ли де Голль кому-то неугоден? Ведь отправка офицера, закончившего Высшую военную школу, в колониальные войска могла расцениваться как ссылка. Но командир батальона не рассуждал. Ивонна и дети отправились с

ним. Для маленькой больной Анны взяли няню.

Из Трира через Париж и Лион семья приехала в Марсель. В конце октября старый пароходик, носящий имя великого французского поэта — «Ламартин», — снялся с якоря и взял курс на восток. Де Голль пребывал в бодром настроении. Путешествие до места назначения было красивым и познавательным. Первая остановка — в Неаполе. Шарль, Ивонна и старшие дети посетили Помпеи и Геркуланум. Затем были Афины с экскурсией по Акрополю. Третью остановку «Ламартин» сделал в Стамбуле. Город потряс де Голлей огромными мечетями, а семилетний Филипп с восторгом смотрел на полки янычар, марширующие под медленную восточную музыку. Наконец они прибыли в Бейрут, где должны были прожить два года.

Семья поселилась в двухэтажном доме рядом с кедровой рощей. Де Голль поступил в распоряжение командующего французскими войсками в Ливане и Сирии генерала дю Гранру. Командир батальона работал в генеральном штабе, находившемся в Бейруте, но также много ездил по всей подмандатной территории с инспектированием войск. Он побывал в Джебель-Друзе на юге Ливана, где совсем недавно прошли массовые волнения местного населения, а также на севере и северо-востоке — в Дамаске, Хомсе, Хаме, Триполи.

Де Голль с интересом знакомится с обстановкой в Ливане и Сирии. Он пишет из Бейрута Эмилю Мейеру: «В Ливане спокойно, если, впрочем, можно так сказать о месте, где восточное сознание пребывает в состоянии вечного возбуждения, даже когда это не имеет кровавых последствий в данный момент. Местное население никогда и никем не бывает довольно, но подчиняется воле более сильного, если она определенно выражена, и мандатной власти, которая на самом деле еще сама не решила, сколько времени она будет удерживать этот мандат. Такая ситуация приводит к постоянной неуверенности, царящей на всем Востоке»{58}. Де Голль явно скептически расценивает возможность для французов надолго задержаться на Ближнем Востоке. В другом письме к тому же адресату он прямо заявляет: «Ливан — перекресток, через который проходит все: религии, армии, империи, торговля… Мы здесь уже десять лет. Но мне кажется, что мы не "проникнем" сюда никогда. Здешние люди — чужие для нас, так же как и мы для них. И так будет всегда… Здесь есть только один человек, который понимает, что такое Ливан и Сирия. Это полковник Катру»{59}.

Де Голль не забывал, что находится на земле древних цивилизаций. Он побывал на руинах античной Антиохии, расположенной близ Антакьи на границе с Турцией, из Дамаска

проехал через пустыню в оазис, где находилась знаменитая Пальмира, от которой остались развалины многочисленных архитектурных памятников I–III веков нашей эры. Де Голль добрался до верховьев Евфрата и вместе с генералом дю Гранру — до Тигра. В письме отцу он поведал, что «вместе с генералом не без душевного волнения омыл руки в священных водах этой реки»{60}.

О своих передвижениях де Голль сообщал и жене, которая оставалась с детьми в Бейруте. Он писал ей нежные письма, которые неизменно начинались словами: «Моя дорогая милая женушка». И далее: «Я люблю тебя всем сердцем… Никогда я не забуду, как ты поддерживала меня в тяжелые моменты…»{61} Из Сирии де Голль неизменно возвращался через Халеб (Алеппо), город, сохраняющий на своих улицах памятники средневековой восточной культуры.

Находясь на Ближнем Востоке, де Голль не переставал писать. В Бейруте совместно с командиром батальона Ивоном он работал над большой статьей «История войск Ливана»{62}. Де Голль также давно задумал издать вторую книгу и изложить в ней свои жизненные принципы, которые отчасти уже опубликовал. Она была почти готова.

Из Бейрута де Голль пристально следил за развитием событий во Франции. Он всегда находился в курсе политических перемен в метрополии. Еще в конце 1929 года только что отбывший к новому месту назначения командир батальона живо отреагировал на формирование правительственного кабинета в столице во главе с правым политиком Андре Тардье. С борта «Ламартина» он писал отцу: «Значит, теперь очередь Тардье. Пусть использует свой шанс. Сможет ли этот участник переговоров в Версале и ученик Клемансо исправить нашу внутреннюю и внешнюю политику, которую Бриан и его трусливые поклонники сделали позорной и антинациональной»{63}.

Де Голль нисколько не удивился выходу французской армии из Рейнской области. Летом 1930 года он поделился в письме отцу своими впечатлениями по этому поводу: «Эвакуацию с берегов Рейна так давно предвещали и ожидали, что общественное мнение даже не выразило никакой реакции на этот счет. Тон официальной Германии нам скоро покажет, что ей только этого и было нужно. А мы, утеряв этот рычаг управления, уступим шаг за шагом весь Версальский договор»{64}.

Весной 1931 года Шарль и Ивонна вместе с другими офицерскими семьями отправились в подмандатную Великобритании Палестину. Они совершили паломническую

поездку, побывав в Иерусалиме, Вифлееме, Самарии и на Мертвом море. Французы вернулись потрясенными жестким противостоянием религиозных общин на Святой земле. Их, католиков, местные православные священники тоже встретили в штыки{65}.

Летом того же года Ивонна с детьми вернулась на родину, чтобы Филипп и Элизабет могли начать новый учебный год в Париже. Сын пошел учиться в коллеж Станислас, где некогда проходил подготовку к Сен-Сиру его отец. Дочь отдали в школу при монастыре Нотр-Дам-де-Сион. Осенью во Францию вернулся и глава семейства.

Жизненное кредо

В ноябре 1931 года де Голль выходит на работу в Париже. Его назначили секретарем Высшего совета национальной обороны, постоянного органа при председателе кабинета министров, ведавшего подготовкой государственного аппарата и нации к войне. Совет размещался в величественном здании дворца Инвалидов. Де Голль был доволен новым местом работы и тем, что, наконец, снова стал парижанином.

Секретарь совета с радостью видится с родными и друзьями. Первым делом он едет в Сент-Адрес, небольшой нормандский городок, куда давно переехала его сестра с мужем и детьми. У них поселились также Анри и Жанна де Голль. Шарль был счастлив встрече с родителями.

Старший брат де Голля Ксавье, горный инженер, работал в Саарской области. Младший, Пьер, — в Национальном банке Парижа. Шарля очень беспокоило состояние здоровья третьего брата, Жака, который страдал рассеянным склерозом. Эта тяжелая болезнь постепенно привела к тому, что он перестал двигаться.

В начале 1932 года де Голль завершает свою вторую книгу. Она называется «На острие шпаги»{66}. Опубликовать труд опять согласилось издательство Берже-Левро. Де Голль хотел, чтобы книгу увидел его отец, поэтому с нетерпением ждал ее появление. Однако Анри де Голлю не суждено было дожить до этого важного события в жизни сына. Он скончался в Сент-Адресе 3 мая 1932 года в возрасте 83-х лет. Работа же увидела свет в июле.

В основу книги автор положил свои опубликованные и неопубликованные работы. В целом же — это размышления де Голля по поводу роли армии и личности в истории. Труд написан прекрасным языком, в возвышенном стиле, который свидетельствует о незаурядном литературном таланте автора. Чувствуется влияние на него идей Бергсона и Ницше. Де Голль явно решил представить на суд читателей свое жизненное кредо.

В книге «На острие шпаги» пять глав. Первая называется «О военной деятельности». В ней де Голль утверждает, что эта деятельность существовала во все времена, да и не могла не существовать, так как сами войны совершенно неизбежны. Он останавливается на стратегии многих известных военных командиров и объясняет те или иные их решения{67}.

Очень любопытны две следующие главы книги — «О характере» и «О престиже», в которых автор представил свой идеал руководителя армии и вообще обрисовал настоящую

сильную личность, вождя.

Эта личность должна, как считает де Голль, обладать врожденным талантом, интеллектом, интуицией, сильным характером, большим упорством. Такой человек «решительно становится хозяином действий, потому что, когда он вмешивается в них, они подчиняются ему. Находясь на высоте положения, он добивается успеха, а если ему не удается выиграть, он берет на себя все тяготы, перенося их не без некоторого горького удовлетворения. Это борец, который находит в самом себе источник энергии и свою точку опоры, игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство»{68}. Далее де Голль пишет, что такая личность никогда не боится трудностей и даже ищет их. В повседневной жизни ее часто не понимают или отказываются понимать. «Но лишь только события приобретают грозный оборот, приближается опасность и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, решительности, все сразу меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он становится нужным. Естественно, ему поручается труднейшая задача, главная роль, решающая миссия»{69}. Не вызывает никакого сомнения, что к таким людям автор причислял себя и что в своей второй книге он как бы очерчивал путь, по которому мечтал следовать.

Де Голль считал, что настоящему вождю прежде всего необходим престиж и что любой великий человек должен поддерживать его всеми возможными средствами. Об этом глава «О престиже». Эпиграфом к ней стали слова французского писателя Вилье де Лиль-Адана: «В своей груди неси собственную славу». Автор пишет, что «престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других. То, что интригует, волнует, держит в напряжении. Подобная сдержанность души обычно невозможна без сдержанности в словах и жестах»{70}.

В последних главах книги — «О доктрине» и «Политик и солдат» — де Голль возвращается к военной теме. Сначала он представляет краткий очерк развития военной мысли во Франции, а затем развивает идею, которую выдвинул еще в книге «Раздор в стане врага», — о соотношении государственной и военной власти. Автор пишет, что политик и солдат должны

работать сообща и вместе вырабатывать четкую линию действий. Постоянно сотрудничать — это их долг[71]. Наконец, де Голль утверждает, что «любое предусмотрительное государство должно специально готовить политическую, административную и военную элиту. Именно она путем совместных усилий в случае необходимости сможет поддержать боевой дух всей нации»[72].

Автор раздарил свою вторую книгу родным и знакомым. Ее получили Эмиль Мейер и Люсьен Нашен. Первый же экземпляр «На острие шпаги» был послан Петэну, к которому де Голль продолжал относиться с пиететом. Об этом свидетельствует посвящение автора маршалу, отпечатанное на специальном листе-вкладыше: «Этот труд, господин маршал, может быть посвящен только вам, потому что именно ваша слава показывает, какие доблестные действия могут стать результатом просвещенной мысли»[73].

Де Голль, конечно, давно мечтал действовать согласно начертанным им же самим установкам и доказать всем, что он и есть «человек характера». Однако пока его жизнь протекала достаточно обыденно.

Секретарь совета снимал большую квартиру на бульваре Распай. Именно левый берег Сены стал для него родным. Знакомые с детства кварталы, дома, церкви, Люксембургский сад, суровые корпуса Высшей военной школы, раскинувшееся перед ними Марсово поле.

Семья де Голлей раз в месяц обязательно устраивает у себя небольшой прием. К ним в дом приходят Мейер и Нашен, близкий к политическим кругам адвокат Жан Обюртен, друг хозяина по Сен-Сиру Гюстав Дит. Появлялись и другие знакомые. Сам секретарь совета каждую субботу бывал у Эмиля Мейера, который собирал вокруг себя интересных мыслящих людей, военных писателей, философов. Он по существу организовал у себя дома кружок. К нему приходил даже Бергсон, которого однажды там встретил де Голль[74]. Иногда автор «На острие шпаги» брал с собой к Мейеру сына.

Детьми занималась в основном Ивонна. Филипп и Элизабет были хорошо воспитаны. Их не баловали. Они относились с почтением к старшим, никогда не оспаривали решений отца и матери. Де Голль следил за образованием детей, стараясь дать им духовное развитие. Как некогда и его отец, он брал их с собой на прогулки по Парижу. Филипп и Элизабет бродили с ним по острову Сите, старинному кварталу Марэ и любовались красивыми парижскими церквями и особняками. Они бывали в музеях — Лувре, Клюни, Карнавале. Дети совершали с отцом поездки в известные столичные пригороды Версаль и Рамбуйе, а

иногда ездили и гораздо дальше — к крепости Мальмезон и на места Верденской битвы.

В кино и театр Филипп и Элизабет ходили нечасто. Отец, сам очень любивший кинематограф, разрешал им смотреть только хорошие серьезные фильмы с Шарлем Буайе, Пьером Бланшаром, Мишелем Симоном, Жаном Габеном. В драматическом театре они бывали на пьесах французских классиков Корнеля, Расина, Мольера, Ростана. В опере слушали произведения выдающихся композиторов Гуно, Тома, Делиба, Бизе{75}. Сам де Голль равнодушно относился к музыке, но с молодости помнил понравившиеся ему стихотворные отрывки арий. Как-то, когда дети пришли домой после оперы «Миньон» Амбруаза Тома, отец им продекламировал кусочек из известного романса главной героини:

> Connais-tu le pays ou fleurit l'oranger,
> Le pays des fruits d'or et des roses vermeilles
> Ou l'air est si doux et l'oiseau si leger
> Qu'en toutes saisons butinent les abeilles?{76}

> Знаешь ли ты тот край, где цветут апельсины,
> Там плоды золотые и розы пурпурные в небо глядят,
> А воздух так нежен и птицы так дивны
> И пчелы весь год над цветами жужжат[13].

В мае 1932 года состоялись похороны президента республики Поля Думера. Это был человек с трагической судьбой. Все его четыре сына пали на полях сражений Первой мировой войны. А сам он погиб от руки русского белоэмигранта Павла Горгулова в Париже во время посещения выставки. Национальная траурная церемония проходила на эспланаде перед дворцом Инвалидов. Де Голль, работавший на третьем этаже здания, взял в этот день в свой кабинет Филиппа, чтобы мальчик смог увидеть происходящее, и даже дал ему большой полевой бинокль. Сын секретаря совета с любопытством разглядывал трех оставшихся в живых маршалов Франции. Луи Лиотей после тяжелого ранения, полученного во время Первой мировой войны, остался хромым, Луи Франше д'Эсперей потерял на фронте руку. Они медленно подошли к своим местам. В этот момент верхом на красивом коне

подъехал третий маршал — Петэн. В свои семьдесят шесть лет он демонстрировал прекрасную физическую форму. Коллеги де Голля тихо переговаривались за спиной мальчика, и он услышал: «Двое других даже не скрывают, как они его ненавидят»{77}.

Де Голль всегда находил время, чтобы побыть рядом с маленькой Анной. Он искренне любил эту больную девочку и старался ее развлечь, порадовать. Отец сажал дочку к себе на колени, пытался вложить в ее слабые ручки какую-нибудь красивую игрушку, что-то ей рассказывал и мог долго напевать простую песенку, понимая, что Анне это нравится.

Военная доктрина

Ситуация в Европе становилась тревожной. В январе 1933 года в Германии пришел к власти Адольф Гитлер. Его реваншистские намерения были совершенно очевидны. Покинув Лигу Наций и женевскую конференцию по разоружению[14], Германия начала открыто наращивать свой военный потенциал.

Де Голль продолжает работать в Высшем совете национальной обороны. В 1933 году он получает чин подполковника. Ему дают задание разработать текст закона об организации государственных служб во время войны. Де Голль берется за дело самым серьезным образом. Прежде всего он изучает современную французскую стратегию и быстро понимает, что «в армии господствуют концепции, которых придерживались еще до окончания Первой мировой войны»{78}. Речь шла об оборонительной стратегии. Ее разработал военный министр Андре Мажино в 1930 году после вывода французских войск с левого берега Рейна. Суть идеи состояла в том, чтобы построить вдоль франко-германской границы мощную фортификационную линию. Вскоре ее начали возводить, и она получила название «линия Мажино». Сооружение укреплений продолжалось вплоть до Второй мировой воины. На него затратили огромные финансовые средства, однако завершить строительство не удалось. Из-за протеста Бельгии вдоль франко-бельгийской границы фортификации вообще не воздвигали.

Оборонительная стратегия была одобрена высшими армейскими чинами и стала официальной военной доктриной Франции. Де Голль же сразу выступил против нее, поняв, что она может привести к непоправимым последствиям. Подполковник считал, что стратегия должна быть только наступательной. Он скрупулезно изучил труды современных военных, выдвигавших идеи по усовершенствованию и применению боевых машин. Среди них — работы французского генерала Этьена, английских генералов Фуллера и Лиддл Гарта, немецких генералов фон Секта и Гудериана{79}. Де Голль приходит к твердому выводу, что для действенного сопротивления противнику во Франции должна быть создана маневренная армия, «в состав которой входили бы отборные механизированные и бронетанковые войска и которая должна существовать наряду с соединениями, комплектуемыми на основе мобилизации»{80}.

Подполковник берется за перо. Он пишет статьи «Создадим профессиональную армию»{81} и «Как создать профессиональную армию»{82}. А в 1934 году выходит главный труд де Голля на эту

тему — книга «За профессиональную армию»[83], опубликованная, как и две предыдущие, в издательстве Бер-же-Левро. В своей третьей книге де Голль прямо заявляет о необходимости создания профессиональной армии, способной противостоять любым атакам противника. Подполковник фактически первым во Франции предсказывает решающую роль танков в будущей войне, подчеркивая, что наличие танковых дивизий может перевернуть любую военную тактику. В четкой и лаконичной форме он излагает проект предлагаемой им реформы и указывает, что Франции необходимо создать по крайней мере шесть линейных и одну легкую, полностью моторизованную дивизию, что будет означать серьезную подготовку к возможной войне.

Де Голль отмечает, что провести военную реформу должно государство, как и вообще обратить внимание на свою армию. «Для государства в высшей степени политически недальновидно, — пишет он, — совершенно не поддерживать в армии идею больших свершений и вкус к широким замыслам. В результате, когда придет беда, напрасно родина станет искать людей, достойных победы. Победа дается только тем, кто всегда мечтал о ней»[84]. Так подполковник стремится привлечь внимание не только к выдвинутой им идее, но и к себе самому.

В заключение книги де Голль вообще решается представить собственный портрет, вернее, портрет настоящего руководителя, каковым, по его мнению, он вполне способен стать: «Для того, чтобы в ближайшее время родилась профессиональная армия, для того, чтобы ей были заданы новые смысл и дух, нужно, чтобы появился настоящий руководитель, независимый в своих суждениях, непререкаемый в своих приказах, пользующийся доверием общественного мнения. Отстаивающий лишь государственные интересы, лишенный предрассудков, не думающий о завоевании сторонников, сосредоточенный только на своей задаче, проникнутый большими замыслами, вождь должен быть неотделим от армии, полностью концентрируя свое внимание на том, чем он командует, жаждущий нести ответственность. Им может быть только человек достаточно сильный, чтобы заставить признать себя, достаточно ловкий, чтобы нравиться, и достаточно талантливый, чтобы осуществить большое дело»[85].

Выход в свет книги «За профессиональную армию» не оправдал надежд ее автора. Как писал сам де Голль, она «вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма. Поскольку была воспринята как чисто теоретический труд, которым соответствующие инстанции могут воспользоваться по

своему усмотрению, в ней видели изложение весьма оригинальных взглядов. Никому и в голову не приходило, что на основе этих взглядов можно произвести практическую перестройку всего нашего военного аппарата»{86}. Идеи, высказанные в книге, пропагандировали во французских периодических изданиях друзья де Голля — Эмиль Мейер, Люсьен Нашен, Жан Обюртен, журналист Реми Рур, с которым де Голль находился в плену во время Первой мировой войны. Однако в армейских кругах труд был встречен боле чем прохладно. Многие военные расценивали мысли подполковника как никчемные, а некоторые офицеры даже считали его выскочкой. Оборонительной стратегии придерживался и маршал Петэн. Его отношения с бывшим протеже стали портиться.

Между тем на книгу «За профессиональную армию» быстро обратили внимание в Германии, чего ее автор хотел меньше всего. Генералы Кейтель, Браухич и Гудериан нашли ее идеи очень важными. Труд французского подполковника быстро перевели и представили Гитлеру.

В Советском Союзе книгой де Голля заинтересовался не кто иной, как Михаил Николаевич Тухачевский. Он сделал в СССР блестящую военную карьеру и в 1934 году в 41 год уже стал заместителем наркома обороны. Тухачевский, так же как и де Голль, интересовался вопросами современной военной стратегии. Он был знаком с трудами Лидл Гарта, Фулера, фон Секта и сам написал на эту тему не одну работу. Заместитель наркома внимательно прочитал книгу де Голля и рассмотрел ее основные положения в своей статье «Вопросы организации армий», опубликованной 23 февраля 1935 года в газете «Правда». В ней он назвал де Голля представителем «новой французской школы» и подчеркнул, что он «проповедует небольшую профессиональную армию»{87}. Вероятнее всего, именно с подачи Тухачевского третья книга де Голля была переведена на русский язык и вышла в 1935 году в Государственном военном издательстве с предисловием известного советского военного историка генерала Михаила Романовича Галактионова.

Летом 1934 года в семье де Голлей происходит важное событие. Они покупают дом. Шарль и Ивонна давно думали обзавестись собственным очагом. Супруги хотели иметь не квартиру в Париже, а загородное владение. Они считали, что вдали от городской суеты больная Анна будет чувствовать себя лучше, а старшие дети станут проводить там каникулы. И вот такое место де Голли нашли. По существу это было небольшое имение — бывшая дворянская усадьба, окруженная земельным участком в два с половиной гектара, занятого лугом и

лесопарком. Оно находилось в трехстах километрах от Парижа, в Шампани в департаменте Верхняя Марна. Имение называлось Буассери и стояло на краю деревни Коломбэ-ле-дёз-Эглиз[15]. К каменному трехэтажному просторному дому примыкали хозяйственные постройки. В имение совсем недавно подвели электричество. Водопровода и телефона не было. При покупке де Голлей привлекла доступность цены и согласие владелицы на оплату в рассрочку. Подполковнику очень нравилось и местонахождение имения. Его окружали холмы и леса. Именно здесь Цезарь осаждал лагеря непокорных галлов. В Средние века в Шампани жил Бернар Клервоский[16]. Наконец, гвардейцы Наполеона сражались в этих местах во время последней кампании императора в 1814 году.

Семья приехала в Коломбэ в июле 1934 года и начала постепенно обживаться. Со временем для де Голля Буассери стало любимым местом пребывания. Ему нравилось там работать в тишине и покое. Помимо того, де Голль часами бродил по окрестным лесам, поддерживая таким образом свою физическую форму.

Де Голль утверждал: «Военная служба давала огромное удовлетворение моему сердцу и уму»{88}. Но ведь он не был простым офицером. Подполковник прекрасно владел пером. Его сын Филипп спросил как-то отца: чем бы он занимался, если бы не был военным? Тот ответил мальчику: «Искусство писать всегда меня привлекало. Наверное, я стал бы журналистом или историком… Но, впрочем, я не смогу только сидеть за письменным столом. Рано или поздно я захочу принять участие в событиях»{89}. Недаром он выписал в свой дневник слова Гёте «Талант формируется в одиночестве, характер — в обществе» и фразу Ламартина «Надо отстраниться от людей, чтобы мыслить, и быть среди них, чтобы действовать»{90}.

После того как подполковник выдвинул собственную военную доктрину, он осознал, что время «участия в событиях», время действовать для него настало. Он был уверен в своей правоте и решил искать людей, которые помогли бы осуществить его идеи на практике. «Де Голль, — как писал его друг Люсьен Нашен, — всеми фибрами своей души переживал за Францию и понимал, каким кошмаром может обернуться для нее поражение. Он просто содрогался от сознания того, что дерзкий неприятель прекрасно видит всю слабость нашей военной системы, которая одна могла бы помешать врагу реализовать свои амбиции. Де Голль считал, что обязан подать сигнал тревоги»{91}.

Подполковник понял, что обращаться к высшим военный чинам бесполезно. В своем большинстве они не хотели ничего

слышать о нем. Де Голль решил убедить в необходимости военной реформы политических деятелей. В конечном счете только они могли принять решение о ее проведении. Но к кому именно было обращаться?

Де Голль прекрасно осознавал, насколько слаба французская политическая система. «Во главе министерских кабинетов я видел, — писал он, — несомненно, достойных, а порою и исключительно талантливых людей. Но особенности самого политического режима сковывали их возможности и приводили к напрасной трате сил. Молчаливый, но отнюдь не безучастный свидетель всех перипетий политической жизни, я наблюдал, как постоянно повторяется одна и та же игра. Едва приступив к исполнению своих обязанностей, глава правительства сразу же сталкивался с бесчисленным количеством всевозможных требований, нападок и претензий. Всю свою энергию он безрезультатно тратил на то, чтобы положить им конец. Со стороны парламента он не только не встречал поддержки, но, наоборот, последний строил ему различные козни и действовал заодно с его противниками. Среди своих же собственных министров он находил соперников. Общественное мнение, пресса, отдельные группировки, выражавшие частные интересы, считали его виновником всех бед. При этом все знали — и он в первую очередь, — что дни его пребывания на посту главы правительства сочтены: продержавшись несколько месяцев у власти, он вынужден будет уступить свое место другому»[{92}].

Несмотря на такую ситуацию, де Голль все же решился обратиться к влиятельным политикам. Он встречался с бывшим президентом республики Александром Мильераном, бывшими председателями совета министров Аристидом Брианом, Андре Тардье, Камилем Шотаном. Его выслушивали, но предпринять что-либо отказывались.

И вот в конце 1934 года друг де Голля Жан Обюртен познакомил его с известным правым политическим деятелем Полем Рейно. Первая встреча де Голля с ним состоялась в декабре 1934 года. Впоследствии Рейно вспоминал: «В мой кабинет вошел подполковник высокого роста… Взгляд его глубоко посаженных карих глаз излучал уверенное спокойствие. Он заговорил об устаревшей и дряхлой военной системе, которую правительство пытается "залатать" путем продления срока военной службы. Я почувствовал, как он устал даже от воспоминаний о том, сколько людей отказалось принять его доказательства. Однако он твердо решил стоять на своем до конца. Де Голль говорил спокойным мягким голосом, что казалось несоответствующим его большому телу. Но он умел заставить признать свои убеждения. Когда де

Голль наклонял голову вперед и разводил ладонями, создавалось впечатление, что он весь пронизан какой-то неудержимой очевидностью»[93].

Поль Рейно проникся идеей де Голля о создании механизированных подразделений во французской армии и решил содействовать ее осуществлению. Между политиком и подполковником завязывается оживленная переписка[94]. Время от времени Рейно и де Голль встречаются. Подполковник знакомится также с сотрудником личной канцелярии кабинета Рейно Гастоном Палевски и общается с ним. Палевски представил в своих мемуарах де Голля таким, каким он его впервые увидел в 1935 году: «Высокий, спокойный, всегда владеющий собой, воодушевленный собственной идеей, которая требовала от него неустанно действовать. Он был убежден, что Франции угрожает опасность и спасти ее может только его стратегическая концепция о необходимости реформы в армии»[95].

Рейно до 1940 года не входил в состав кабинета министров, но, будучи депутатом, отстаивал идеи подполковника в парламенте. Де Голль был этим доволен и почти неизменно приходил в Палату депутатов послушать речи Рейно. Подполковник надеялся, что они возымеют действие. После одного из таких выступлений де Голль пишет Рейно: «… в том, что касается вашей позиции по военной проблеме, то совершенно очевидно, что к ней прислушиваются и ею заинтересовались. Вас теперь расценивают как настоящего государственного деятеля, который при всеобщем бездействии имеет идеи, программу и мужество»[96].

К сожалению, де Голль, скорее, принимал желаемое за действительное. Рейно активно пропагандировал его взгляды и даже выдвинул в Палате депутатов проект закона «О немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб», подготовленного, конечно, де Голлем. Но проект приняли однозначно отрицательно в военных кругах и о нем скоро забыли. Рейно отмечал впоследствии: «Если бы я был у власти, я бы создал бронетанковый корпус, потому что понимал, что он совершенно необходим. Но я не смог сделать то, что замыслил де Голль. А ведь именно таким должно было бы быть сотрудничество военного и политика. Находясь в оппозиции, я мог только прилагать усилия к тому, чтобы у наших руководителей открылись глаза. Я и делал это в течение нескольких лет. И все напрасно»[97].

В феврале 1936 года де Голль встретился с одним из своих товарищей по плену, которого не видел восемнадцать лет. Это

был Тухачевский. Он приехал в Париж в качестве главы военной делегации СССР после подписания Советско-французского договора о ненападении и вел, в частности, переговоры о возможном подкреплении его военной конвенцией между Советским Союзом и Францией. Тухачевскому едва исполнилось 43 года. Несколько месяцев назад он стал маршалом. В Париже была организована встреча Тухачевского с бывшими узниками Ингольштадта. Туда пригласили и де Голля. Маршал сразу узнал сокамерника. Они смогли немного побеседовать о Советско-французском договоре и книге де Голля «За профессиональную армию»[{98}]. Мог ли тогда предположить французский подполковник, что этот рослый, широкоплечий, с отличной военной выправкой красавец маршал менее чем через полтора года будет обвинен в организации «антисоветского военно-троцкистского заговора» и расстрелян?

Между тем обстановка на восточной границе Франции осложнялась. В марте 1936 года Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую зону. Гитлер объявил у себя в стране всеобщую воинскую повинность и начал производство танков, самолетов, подводных лодок. С Версальским договором по существу было покончено. Во Франции к власти пришло правительство Народного фронта. Де Голль, крайне обеспокоенный международной ситуацией, добился встречи с председателем правительства социалистом Леоном Блюмом. Он представил ему свой план реформы армии. Однако глава кабинета не счел нужным прислушаться к мнению подполковника. Де Голль, естественно, был разочарован.

К осени 1936 года подполковник подготовил очередной проект закона об организации служб страны во время войны[{99}]. Он пристально следит за развитием ситуации в Европе и высказывает свои суждения по поводу важнейших международных событий. 20 декабря 1936 года де Голль отправляет матери длинное содержательное письмо, в котором прежде всего оценивает Советско-французский договор о ненападении. «Вы спрашиваете меня, моя дорогая матушка, — пишет он, — что я думаю о "Франко-русском пакте"? Мой ответ будет очень прост. Мы быстро продвигаемся к войне с Германией, и, по мере того как обстоятельства будут оборачиваться против нас, Италия обязательно воспользуется этим, чтобы нанести нам удар в спину. А ведь нужно выжить. Все остальное проза. Хочу вас спросить, кто сможет нам помочь с оружием в руках? Польша не представляет из себя ничего, да к тому же ведет двойную игру. У Англии есть флот, но нет армии. Ее авиация отстает. Поэтому мы не имеем никакой возможности отказываться от помощи русских, какой бы

ужас нам ни внушал их режим…

Я знаю, что ловкая и настойчивая пропаганда Гитлера произвела эффект. Многие люди во Франции поверили, что он хочет с нами мира. Взамен ему надо лишь уступить Центральную Европу и Украину. Но я абсолютно убежден, что это — лицемерие и что главная его цель — изолировать и раздавить Францию, как он и написал в «Майн Кампф». Поэтому мы должны соглашаться на помощь любого в нашей борьбе против Германии, даже русских военных сил».

Далее де Голль заключает: «Да, Гитлер оставит нас в покое, пока будет добиваться гегемонии во всей остальной Европе. Но как можно надеяться, что после этого он сохранит за нами Эльзас и наши колонии? Вот тогда мы и останемся с ним один на один, без всякой помощи и будем вынуждены или покориться ему, или безнадежно пасть на поле битвы. Нужно иметь смелость смотреть правде в глаза. Все сейчас должно быть подчинено лишь одной цели: собрать вместе против Германии всех, кто готов противостоять ей, преградить ей путь к войне и, если она ее все-таки развяжет, победить»{100}. Слова подполковника оказались пророческими. Но, как известно, «нет пророка в своем отечестве».

В следующем году де Голль, не без вмешательства Рейно, получает чин полковника и новое назначение. Его отправляют в город Мец, расположенный близ границы с Германией, и ставят во главе 507-го танкового полка. Он покидает Париж с женой и Анной. Старших детей родители решают перевести в интернат, чтобы они смогли завершить среднее образование в столице.

В Меце де Голль с воодушевлением берется за дело. На вооружении французской армии было буквально считанное число танков нового образца. 507-й полк как раз имел их в своем составе. В ноябре 1937 года полковник пишет в Париж Жану Обюртену: «Я думаю только о моторизованных войсках. 11 ноября на Эспланаде я продемонстрировал скорость 63-х современных танков. Это произвело большое впечатление»{101}. Де Голль надеется, что в политических кругах страны осознают необходимость создания мощных танковых корпусов.

Полковник продолжает переписку с Полем Рейно, время от времени наезжает в Париж. В столице он останавливается у брата Пьера и обязательно встречается с кем-нибудь из друзей или знакомых. В марте 1938 года председателем совета министров опять становится Блюм. Де Голль добивается встречи с ним, однако снова наталкивается на непонимание главы кабинета. 24 марта полковник в письме из Меца Люсьену Нашену с удивлением замечает: «Как Леон Блюм, политический деятель такого масштаба и пришедший к власти именно в данный

момент, не понимает, что основная причина наших внешних неудач кроется в военном бессилии из-за нелепой организации военной системы в целом? Почему он не хочет признать, что существует трагическое противоречие между политическими и моральными обязательствами, которые мы должны будем выполнить, и военной беспомощностью, из-за которой не сможем это сделать? Неужели 7 марта 1936 года, 11 марта 1938 года, события в Испании[17] не показали ему, что у Франции отсутствует готовое ударное маневренное средство, о котором ваш покорный слуга твердит пять лет вопреки конформистам всех мастей?»{102} Надо сказать, что менее чем через три года и сам Блюм признал, что был не прав. В своих мемуарах, написанных в фашистских застенках во время войны, он подчеркнул: «Я виноват в том, что был против идей полковника де Голля»{103}.

Командир 507-го танкового полка почти ежедневно находится на полигоне, руководя учениями подчиненных ему младших офицеров и солдат. Его даже прозвали «полковник Мотор». И все же он оставляет себе свободное время для работы за письменным столом. Де Голль твердо решил издать труд, написанный когда-то для маршала Петэна. Он переработал пять глав книги, которые отдавал маршалу, — «Истоки», «Старый порядок», «Революция», «Наполеон», «От одного поражения к другому». К ним де Голль приписал еще две — «К реваншу» и «Великая война». В последней главе автор останавливался не только на событиях Первой мировой войны, но и говорил о войне будущей, которую считал неизбежной. Он еще раз заявлял с присущими ему твердостью и упорством о необходимости скорейшего создания танковых войск и авиации, придавая им в грядущей войне решающее значение. Полковник называет свою четвертую книгу «Франция и ее армия»{104}. Ее соглашается выпустить в свет известное издательство «Плон».

Прежде чем опубликовать труд, де Голль считает своим долгом до конца выяснить отношения с Петэном, которому принадлежала идея ее написания. 2 августа 1938 года полковник посылает маршалу письмо, в котором сообщает о намерении опубликовать книгу, подчеркивая, что он не забыл об истории работы над ней{105}. Де Голль даже предлагает Петэну написать, а вернее подписать к ней предисловие, где могли бы быть отмечены и «заслуги» самого маршала в данном труде. Петэн прислал полковнику ответ и выразил свое удивление и неудовольствие по поводу предстоящей публикации. Тогда де Голль 18 августа отправляет маршалу второе послание, в котором отстаивает право на авторство. Мало того, полковник обрушивает на восьмидесятидвухлетнего Петэна все, что думает об их

«совместном сотрудничестве» над книгой, и обо всем, что у него наболело за годы военной карьеры. Сначала де Голль страстно уверяет маршала, что по тексту совершенно очевидно, чьему перу написанное принадлежит, и затем добавляет: «Господин Маршал, не вдаваясь в подробности о том, почему Вы одиннадцать лет назад решили положить конец нашему сотрудничеству, я думаю, от Вас не ускользнуло, что в течение прошедшего времени обстоятельства в том, что касается меня, сильно переменились. Мне было 37 лет. Сейчас 48. Я получал моральные оскорбления — даже от Вас, Господин Маршал, теперь я избавился от иллюзий, забыл об амбициях. Мои идеи и мой стиль никто не воспринимал, я чувствовал, что меня просто не существует. Но отныне во мне отсутствует и мягкотелость и инкогнито, которые необходимы для того, чтобы позволить записать на счет другого свой литературный и исторический талант.

И теперь остается, Господин Маршал, только констатировать, что Вы стояли у истоков этого произведения и что во многих отношениях Ваше влияние было распространено на те главы, которые относятся к прошлому. Теперь я хочу только прямо и публично признать это»{106}.

В конце августа де Голль встретился с Петэном в Париже и окончательно расставил все точки над «и» в их отношениях. Он просто сообщил маршалу о том, что на первой странице книги опубликует небольшой текст, в котором отдаст дань их давнему сотрудничеству{107}. Полковник сдержал слово. На титульном листе первого издания книги «Франция и ее армия» есть посвящение: «Господину маршалу Петэну, который хотел, чтобы эта книга была написана и возглавлял своими советами редакцию первых пяти глав. Благодаря ему две последние главы являются историей нашей победы».

Одну из глав нового труда де Голля захотел опубликовать в «Журнале пехоты» ее главный редактор полковник Кено. Командир 507-го танкового полка послал ему в августе из Меца в Париж гранки. Кено выбрал главу «Наполеон». Де Голль был доволен, но в коротком благодарственном письме не удержался от такого сравнения: «Гитлер — не Наполеон. Он никогда не выигрывал ни одной битвы. Его могущество зиждется на трусости других»{108}. Гранки своей четвертой книги де Голль отправил и Эмилю Мейеру, чье мнение полковник очень ценил. С Мейером же командир 507-го танкового полка и поделился своими первыми ощущениями после подписания председателем совета министров Франции Эдуаром Даладье в сентябре 1938 года совместно с Чемберленом, Гитлером и Муссолини Мюнхенского соглашения. 21 сентября полковник сообщал другу: «Как француз

и как солдат я просто сгораю от стыда из-за капитуляции нашей страны без всякого боя»{109}. Книга де Голля увидела свет в самом конце сентября. Через полтора месяца Эмиль Мейер умер. Полковник тяжело переживал утрату.

Мюнхенский договор произвел на де Голля настолько удручающее впечатление, что он еще не раз говорил об этом. 1 октября 1938 года он пишет жене в Коломбэ: «Ну вот вам и ослабление напряженности. Французы просто как скворцы испускают крики радости, в то время как немецкие войска триумфально входят на территорию государства, которое мы сами же образовали. Оно было нашим союзником. Мы гарантировали его границы, мы привыкаем к унижению и отступлению до такой степени, что это просто становится нашей второй натурой, поэтому и выпьем свою чашу до дна»{110}. Чуть позднее, в ноябре, в письме к зятю Альфреду Кайо де Голль констатирует: «Мы, Франция — на краю пропасти»{111}. А еще через две недели полковник пишет товарищу по плену, журналисту Реми Руру: «Какая драма, мой дорогой друг, этот медленный упадок Франции, хотя после победы мы, наоборот, должны были бы идти к возрождению! А ведь у нашей страны есть огромные нетронутые ресурсы. Сентябрьский призыв в армию это доказал, в то же время какое предательство элиты! Для нашей военной силы как наземной, так и воздушной, во избежание поражения, сейчас так необходим Лувуа[18]». {112}

В Меце вместе со своими подчиненными де Голль продолжал осваивать нелегкое ремесло танкиста. В конце 1938 года в 507-й полк прибыл генеральный инспектор танковых войск генерал Рене Мартен. В его лице полковник нашел единомышленника. В своем отчете Мартен подчеркивал: «… в настоящее время мы располагаем всего лишь 966 легкими танками и 153 тяжелыми… нам же нужно иметь по крайней мере 1600 легких и 800 тяжелых машин… Необходимо указать, что этот изъян может привести к самым тяжелым последствиям»{113}.

Де Голль оценил серьезность проведенной инспектором работы и был благодарен ему. Когда в середине 1939 года генерала Мартена назначили командующим армейским корпусом, полковник отправил ему поздравление и от имени своего полка: «Танки, конечно, огорчены, что не будут теперь служить непосредственно под вашим началом. Но они понимают, что такое повышение свидетельствует о вашей благосклонности к ним и внушает им надежды на будущее»{114}.

В первой половине 1939 года Гитлер оккупировал Чехословакию. В том, что новая мировая война неизбежна, почти никто не сомневался. Уверенность де Голля, что выиграть ее

Франция сможет, лишь имея на вооружении мощные танковые корпуса, только росла. В конце апреля в письме полковнику Кено он утверждал: «… нужно, чтобы наши враги… ввязались в войну с большим шансом проиграть ее. Вы знаете мои идеи и мою концепцию — более твердую, чем когда-либо — что мы могли бы избежать многих дипломатических неудач, если бы наша армия была организована по-другому… Вся история нашего времени в этом.

В любом случае, 507-й танковый полк готов физически и морально к любой задаче, которая может быть перед ним поставлена.

До свидания, мой дорогой Кено. Продолжайте издавать "Журнал пехоты" в том же духе. И поверьте мне, в том, что касается танков, Вы должны быть очень благоразумны в Ваших оценках, потому что будущее заставит нас внести большие изменения в нашу современную доктрину их использования»{115}.

В июле 1939 года командир 507-го танкового полка подготавливает очередной письменный текст о военной организации Франции. Он отправляет его Полю Рейно, который хотел изложить концепцию де Голля в своей книге. Полковник прямо указывает: «Главное усилие по вооружению Франции должно быть направлено на развитие механизированной силы. Это касается и ее производства и подготовки командного состава»{116}. С публикацией книги Рейно пришлось повременить. Через два месяца Франция вступила в войну.

Национальная катастрофа

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Франция и Великобритания сразу объявили войну Германии. Поляки были разгромлены фашистами за две недели. Польша не получила от своих «гарантов», Франции и Англии, никакой реальной военной помощи.

Во Франции у власти стоял кабинет правого радикала Эдуара Даладье. Главнокомандующим объединенными франко-британскими военными силами был назначен генерал Гамелен. Однако противники Гитлера не брали на себя никакой военной инициативы. С сентября 1939-го по май 1940 года на Западном фронте военные действия не велись. Французы назвали это время «странной войной».

Де Голля в сентябре назначили командующим танковыми войсками 5-й армии, стоявшей в Эльзасе. Он прибыл на место и был поражен полнейшим бездействием военного руководства. Ничего не изменилось и после посещения войск 5-й армии 23 октября президентом республики Альбером Лебреном. В январе 1940 года крайне обеспокоенный таким положением де Голль решает направить меморандум восьмидесяти видным политическим и военным деятелям Франции{117}. В нем он пишет о крайне опасном положении страны и необходимости принятия немедленных энергичных мер. «Французский народ, — настаивал де Голль, — ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапных атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом… Не следует заблуждаться! Эта война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю»{118}.

Большого впечатления меморандум де Голля на французов не произвел. Отношение к полковнику и его идеям в политических и военных кругах оставалось если не отрицательным, то равнодушным.

21 марта 1940 года новый кабинет сформировал Поль Рейно. Палата депутатов утвердила его правительство большинством всего в один голос. Рейно хотел назначить де Голля секретарем

только что созданного Военного комитета и вызвал его в Париж. Но этому воспротивился бывший глава правительства Даладье, ставший министром национальной обороны. Во время своего краткого пребывания в столице де Голль встретился с главнокомандующим генералом Гамеленом. Они обсудили ситуацию. У генерала она никаких опасений не вызывала. В самом начале апреля полковник вернулся в свою часть в Эльзасе.

10 мая Германия начала массированное наступление на Западном фронте. Она нанесла удар по Франции через территории Бельгии и Нидерландов и в районе города Седан, где заканчивались укрепления «линии Мажино». Немцам противостояли разрозненные армии Франции, Бельгии и Голландии, а также английский экспедиционный корпус. Англо-французские войска в районе Дюнкерка попали в окружение. Британский корпус эвакуировался с помощью французского флота. Сухопутная армия Франции постепенно отступала.

Де Голль 11 мая получил приказ принять командование только что сформированной из разрозненных частей 4-й бронетанковой дивизией. Его дети, Филипп и Элизабет, находились в Париже. Сын готовился к поступлению в высшую Морскую школу, дочь начала сдавать экзамены на бакалавра. Ивонна с Анной жили в Коломбэ. 14 мая полковник на несколько часов заехал в столицу, чтобы получить указания главнокомандующего. Он успел повидаться с сыном и уехал на фронт. В своем дневнике де Голль записал: «10 мая началась война машин. На небе и на суше главное — это механизированная сила. Противник имеет над нами преимущество. Его успехи базируются на танковых дивизиях и штурмовой авиации. И ничего другого»[{119}].

15 мая полковник срочно знакомится с положением вверенных ему войск в районе городка Лан, северо-западнее Реймса. Он находит несколько минут, чтобы послать весточку жене: «Вот я и на передовой… События очень серьезны. Я надеюсь, что мы сможем добиться превосходства. И тем не менее можно ожидать всего»[{120}]. Де Голль решает во что бы то ни стало начать наступление. Его дивизия продвигается на запад и пытается разбить противника, имеющего явный перевес в танках, артиллерии и авиации. Танкисты де Голля идут вперед и подходят к городу Абвиль на Сомме.

Север Франции всегда был для командира дивизии родным. Он родился в Лилле, начал военную службу в Аррасе, защищал родину под Верденом, женился в Кале, любил проводить отпуска в Сетфонтэне, служил в Меце. Да и Коломбо находилось на северо-востоке страны. И вот теперь Абвиль. Опять задрожала эта

многострадальная французская земля, только не от канонады, как в 1916 году, а от бесконечного хода гусениц вражеских танков. Полковник вспоминал прошедшие годы, думал о своей семье. 21 мая, в канун сорокалетия жены, он отправляет ей в Коломбэ небольшое письмо: «В день твоего праздника я веду бесконечный бой. Он стал счастливым, что для нас такая редкость в этой войне. Ивонна, я мысленно посылаю тебе самые нежные слова»[121].

Ценой невероятных усилий дивизии де Голля удалось остановить под Абвилем наступление немцев[122]. Свой штаб полковник расположил в небольшом особняке в местечке Юппи. Командир занимал отдельную комнату. Он оценивал обстановку, принимал решения, отдавал приказы и распоряжения, отправляя с ними связных адъютантов. Ни минуты покоя. Ночью де Голль мог только немного вздремнуть в кресле, вытянув ноги, обутые в кожаные сапоги. Полковник много дней не снимал одежды. Чтобы чуть-чуть расслабиться, он лишь расстегивал ремень на своей каске танкиста и воротник пятнистого комбинезона. «Сейчас у нашей дивизии временная передышка, — сообщал де Голль жене 27 мая, — я все время думаю о тебе и о детях. Пусть Филипп и Элизабет напишут мне хоть словечко»[123].

За проявленное мужество в конце мая де Голль был произведен в бригадные генералы. Французский главнокомандующий генерал Вейган, сменивший 20 мая на этом посту Гамелена, отметил командира 4-й бронетанковой дивизии в приказе по армии: «Замечательный, смелый и инициативный руководитель. Атаковал сильно укрепленный мост к югу от Абвиля, сломил сопротивление немцев, продвинулся на 14 километров в глубь неприятельских линий и захватил несколько сот пленных и значительное военное имущество»[124].

Достигнутый под Абвилем успех оказался недолгим. Немецкие войска наступали по всей линии фронта. Французы не смогли противостоять их натиску. Де Голль держал жену в курсе своих дел и делился с ней своими мыслями. 2 июня генерал пишет Ивонне: «После 15 мая я спал только три ночи. Но сейчас важно лишь одно: спасать Францию. Милая, обнимаю тебя всей моей любящей душой»[125]. 5 июня де Голль уже с тревогой подчеркивает: «Я вижу, что новое усилие врага очень серьезно. Я еще питаю надежды, что оно не будет для нас таким ужасным, как первое, и все же можно предположить, что оно опять плохо кончится»[126].

В тот же день Поль Рейно переформировал свой кабинет. Он назначил де Голля заместителем военного министра. 6 июня за ним на фронт прислали машину, и он отбыл в столицу. Перед

отъездом де Голль быстро попрощался с подчиненными офицерами и снял с головы каску танкиста. В Париже его ждала другая форма — кепи бригадного генерала с двумя звездами и новые испытания.

7 июня де Голль прибыл в военное министерство на улице Сен-Доминик рядом с дворцом Инвалидов. Он занял полагающийся ему кабинет, куда привез свои бумаги и некоторые дорогие его памяти вещи. В тот же день генерал встретился с Рейно и понял, что глава правительства, несмотря на большие неудачи французской армии на фронте, намерен продолжать войну. Тем не менее в кабинете министров царили пораженческие настроения. В его состав был введен маршал Петэн, сторонник перемирия с Германией. Рейно объяснил, что был вынужден считаться с единственным маршалом Франции. Главнокомандующий генерал Вейган полностью солидаризировался с Петэном.

Рейно поручил де Голлю лететь в Лондон, чтобы встретиться с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и добиться от него новой военной помощи. Перед отъездом генерал успел повидаться с сыном. Де Голль знал, что жена с Анной по его настоянию уже покинули Коломбэ, которое могло оказаться в тылу врага. Они отправились в Бретань к одной из теток Ивонны. Генерал хотел, чтобы Филипп и Элизабет срочно покинули Париж и присоединились к матери.

9 июня де Голль прибыл в Лондон, где на Даунинг-стрит его принял Черчилль. Это была их первая встреча. Премьер-министр Великобритании произвел на генерала большое впечатление. «Черчилль, — отмечал де Голль в своих мемуарах, — показался мне человеком, которому по плечу самая трудная задача, только бы она была при этом грандиозной. Уверенность его суждений, широкая эрудиция, знание большинства проблем, стран, людей, о которых шла речь, наконец, огромный интерес к военным вопросам проявились в ходе беседы в полной мере. Кроме всего прочего, по своему характеру Черчилль был создан для того, чтобы действовать, рисковать, влиять на ход событий, причем решительно и без стеснений. Словом, я нашел, что ему вполне соответствует роль вождя и военачальника. Таковы были мои первые впечатления. Впоследствии они подтвердились»{127}.

Собеседники обменялись впечатлениями о сложившейся ситуации. Английский премьер-министр не верил, что ее еще можно переломить. Помощи Франции он не обещал. К ночи генерал вернулся в Париж. 10 июня он узнал, что немецкая армия находится в верховьях Сены и двигается к столице. Мало того, войну Франции объявила Италия. По словам де Голля, «наступила

предсмертная агония»[128].

Такие обстоятельства сломили многих людей как в военных, так и в правительственных кругах. Но не заместителя военного министра. Он твердо решил, что будет сражаться за Францию до конца и ни за что не сдастся на милость победителя. Генерал выдвинул идею переезда правительства в Алжир и продолжения войны, базируясь на территориях французских колоний. Рейно его одобрил. Де Голль предложил главе кабинета сменить главнокомандующего, который не хотел продолжения войны, но Рейно не решился это сделать. Вечером правительство покинуло Париж и отправилось в Тур.

11 июня в ставке главнокомандующего в городке Бриар на Луаре прошло заседание кабинета министров. Туда же прибыл Черчилль, занявший, по выражению де Голля, «позицию сочувственного выжидания»[129]. По существу английский премьер дал свое согласие на сепаратное перемирие Франции с Германией. 13 июня в Туре состоялось еще одно совещание. Туда опять приехал Черчилль в сопровождении нескольких британских министров и генерала Спирса. Де Голль присоединился к заседавшим только во второй половине дня. Позднее он узнал, как нелестно утром маршал Петэн характеризовал его перед англичанами: «Де Голль считает, что один разбирается в механизированных войсках. Из-за собственного тщеславия он думает, что военное искусство не имеет для него никаких секретов… Я знаю о нем все. У него нет друзей среди военных. И это не удивительно. Он всегда смотрит на людей сверху вниз. Еще в Сен-Сире его прозвали Коннетабль»[130]. Но Черчилля пока не интересовало, что из себя представляет де Голль. Он прибыл в Тур, чтобы получить гарантии относительно того, что огромный французский флот не будет передан немцам. Его заверили в этом, и он вернулся в Лондон.

14 июня немцы вступили в Париж, а кабинет министров Франции переехал из Тура в Бордо. Как заметил де Голль, «с того дня… государственная власть находилась в состоянии коллапса, что выражалось в беспорядочном бегстве по дорогам, в расстройстве всех тыловых служб, в нарушении дисциплины во всех областях жизни и во всеобщей растерянности»[131]. Но даже в такой ситуации он продолжал уверять Рейно, что не все потеряно. В записке от 14 июня, адресованной председателю кабинета, генерал утверждал: «Я уверен, что, продолжая войну, сначала в метрополии, а затем на территории Империи и наших союзников, мы сможем прийти, несмотря на страшные испытания, к конечной победе»[132].

В этот же день де Голль в последний раз в жизни мельком

увиделся с маршалом Петэном. Они молча пожали друг другу руки. Генерал долго размышлял о жизненном пути маршала и после войны написал в своих мемуарах: «Какая сила влекла его навстречу столь роковой судьбе! Вся жизнь этого незаурядного человека была сплошным самоотречением. Слишком гордый для того, чтобы заниматься интригами, слишком значительный, чтобы мириться с второстепенной ролью, слишком самолюбивый, чтобы выслуживаться, в душе он был одержим жаждой власти, которую в нем разжигали сознание собственного превосходства, препятствия на его пути, высокомерное презрение к другим. Было время, когда военная слава щедро осыпала его своими коварными дарами. Но это не принесло ему удовлетворения, потому что он был не единственным ее баловнем. И вот внезапно, уже на склоне лет, события предоставили его талантам и его честолюбию столь вожделенную возможность развернуться во всю ширь. Однако он мог достигнуть своего возвышения лишь ценою падения Франции, увенчав ее позор своею славой»{133}.

Поздно вечером того же 14 июня де Голль по поручению Рейно уезжает в Англию. Он едет в Бретань, оттуда плывет в Плимут и затем поездом добирается до Лондона. Де Голль прибывает туда 16 июня на рассвете. Задача генерала состоит в том, чтобы добиться от Черчилля согласия на слияние английского и французского правительств для совместной борьбы против Гитлера и оказание англичанами помощи в переброске французских войск в Африку. Такой план выглядел соломинкой, за которую пытался схватиться утопающий. В общем-то и де Голль и Черчилль понимали это. И все же премьер-министр Великобритании дал свое согласие. Он предоставил генералу самолет, чтобы тот добрался на нем в Бордо и, в случае надобности, смог опять прилететь в Лондон.

Де Голль приземлился во временной французской столице вечером 16 июня и узнал, что правительство Рейно ушло в отставку. Новый кабинет было предложено сформировать маршалу Петэну. Пост военного министра занял Вейган. Это означало, что последняя надежда рухнула. Даже соломинки не осталось. Но генерал не сломился. Де Голль не обвинял в случившемся Рейно, написав о нем следующее: «Он встретил бурю с душевной стойкостью. Ни разу в эти драматические дни Поль Рейно не потерял самообладания. Никогда он не горячился, не возмущался, не жаловался. Трагическое зрелище представлял собой этот выдающийся человек, незаслуженно раздавленный огромными событиями»{134}. Сам Рейно утверждал, что подал в отставку под давлением президента республики Альбера Лебрена{135}.

Вспоминал ли де Голль поздно вечером 16 июня 1940 года слова гениального немца Гёте, которые когда-то записал в своем дневнике: «Думать легко, действовать сложнее. Действовать же согласно своим убеждениям — вот что самое трудное на свете»[136]. Во всяком случае для себя генерал принял решение, что будет действовать только согласно своим убеждениям, даже если в данный момент их никто не разделяет. Он будет продолжать борьбу.

Де Голль попросил секретаря без промедления отправить его жене и детям в Бретань документы, с которыми они могли бы покинуть Францию. Затем он явился к Рейно и сказал ему о намерении лететь в Лондон. Бывший глава кабинета поддержал его и выдал генералу сто тысяч франков из секретных государственных фондов.

Рано утром 17 июня английский самолет, на котором бывший заместитель военного министра Франции накануне вернулся из Лондона, был готов к обратному перелету. Вместе с де Голлем готовился лететь находившийся в Бордо английский генерал Спирс.

При выводе из гостиницы, где де Голль немного поспал, он увидел своего адъютанта, молодого Жоффруа де Курселя. Генерал сказал ему: «Я еду в Лондон. Вас это интересует?» Де Курсель ответил: «Да, но, наверное, есть более важные люди, отправляющиеся с вами?» И услышал спокойный голос де Голля: «Нет. Я один»[137]. И они улетели.

Часть II
СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Призыв к французам

17 июня после полудня де Голль и его адъютант уже были в Лондоне. Генерал счел своим долгом сообщить о том, где он находится, военному министру Вейгану. Де Голль еще надеялся на чудо, на то, что новое правительство все-таки не прекратит войны. Он спрашивал в телеграмме Вейгана, нужно ли продолжать переговоры с англичанами{138}. Но чуда не произошло. Через несколько часов генерал узнал, что маршал Петэн запросил у Гитлера перемирия. Вот тогда де Голль и принял окончательное и бесповоротное решение о том, что сам возглавит сопротивление французов врагу. Он встретился с Черчиллем и заявил ему, что хочет «вновь поднять боевое знамя Франции»{139}. Премьер-министр Великобритании одобрил это решение и предоставил в распоряжение де Голля радиостанцию Би-би-си.

18 июня в восемь часов вечера бледный усталый бригадный генерал вошел в тесную лондонскую студию, положил перед собой исписанный мелким почерком листок и стал читать неровным прерывающимся голосом: «Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу. Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет! Те же средства, которые нанесли нам поражение, могут в один прекрасный день обеспечить победу. Ибо Франция не одинока. Она не одинока. Она не одинока. За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может использовать необъятную промышленность Соединенных Штатов. Эта война не ограничивается многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война». Заканчивалась речь следующими словами: «Я, генерал де Голль, прибывший в Лондон, приглашаю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет. Завтра, как и сегодня, я буду выступать по радио Лондона»{140}. Когда генерал произнес свой знаменитый призыв к французам, он, по его собственным словам, «почувствовал, как заканчивает одну жизнь и начинает другую»{141}.

В это время Ивонна, Филипп, Элизабет и Анна де Голль плыли на пароходе. Они успели сесть на него днем в Бресте и направлялись к берегам Великобритании. Жена и дети генерала не знали, где он находится в данный момент, и не слышали призыва{142}. А его тяжело больная мать, жившая в городке Пемпон в Бретани в семье старшего сына Ксавье, в тот же день узнала о речи де Голля. Она сразу сказала священнику, который ей сообщил об этом: «Да ведь это мой сын. Это мой сын Шарль»{143}. Через месяц Жанна де Голль умерла.

19 июня де Голль вновь у микрофона радиостудии. Он уже берет на себя ответственность выступить со второй речью от имени Франции, не той, которая покорилась завоевателю, а той, во главе которой теперь стоит он сам. «В переживаемый нами момент все французы понимают, что обычные формы власти перестали существовать.

Перед лицом охватившего французов смятения умов, перед фактом ликвидации правительства, ставшего прислужником врага, и ввиду невозможности восстановить действие наших институтов я, генерал де Голль, французский солдат и командир, с полным сознанием долга говорю от имени Франции.

…От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления…

Солдаты Франции, где бы вы ни находились, поднимайтесь на борьбу!»{144}

В этот день на рассвете семья де Голля прибыла в английский Фалмут. Филипп вышел из скромной гостиницы, в которой они остановились, и купил газету «Дейли миррор». Из нее он узнал, что его отец в Лондоне и вчера выступил с призывом к французам. Филипп пошел в ближайший полицейский участок и попросил, чтобы его матери помогли связаться с мужем. На следующий день Ивонна с детьми приехала в Лондон в гостиницу «Рубенс», где их ждал счастливый глава семейства. Он не знал о судьбе своих родных почти неделю. Ко всеобщей радости, наконец, семья воссоединилась{145}.

22 июня во Франции было подписано франко-германское перемирие. Через несколько дней в Риме состоялось подписание франко-итальянского перемирия. По их условиям французские армия и флот разоружались и демобилизовывались. Франция должна была выплачивать огромные контрибуционные платежи. Две трети страны, включая Париж, оккупировались Германией, а ее южная часть, так называемая свободная зона, и колонии не подвергались оккупации и контролировались правительством Петэна.

Де Голль сразу отреагировал на это событие. Выступая по лондонскому радио 24 июня, он заклеймил позором тех, кто подписал перемирие, и подчеркнул: «Да, Франция и французы оказались связанными по рукам и ногам. Их отдали на растерзание врагу.

Однако, несмотря на то, что эта капитуляция подписана на бумаге, есть много мужчин, женщин, молодых людей, детей, которые с ней не смирились, не приняли ее и не хотят ее. Франция перенесла сильнейший удар. Она опрокинута…

Но она знает, она чувствует, что дело не закончено… Она знает, она чувствует, что стоит гораздо большего, чем порабощение, на которое согласилось правительство Бордо»{146}.

26 июня, после выступления Петэна, в котором он оправдывал капитуляцию, де Голль ответил ему новой речью. «Господин Маршал, — заявлял он, — нужно, чтобы в эти страшные часы позора и негодования, обрушившиеся на родину, кто-нибудь вам ответил. Вы услышите в ответ мой голос». Далее генерал прямо обвинил Петэна в том, что он отдал отчизну врагу. В заключение речи де Голль с надеждой утверждал: «Франция воспрянет. Она станет свободной и победит. В Империи, в мире, здесь в Лондоне, французские силы формируются и организовываются. Настанет день, когда наше вновь выкованное и отточенное оружие соединится с оружием наших союзников. И мы вернемся с триумфом на родную землю. Мы воссоздадим Францию»{147}.

Через два дня, 28 июня, английское правительство объявило, что признает де Голля как главу «свободных французов». Вскоре он получил в Лондоне в свое распоряжение небольшое помещение на Карлтон-Гарденс-4 рядом с Трафальгарской площадью.

3 июля 1940 года англичане неожиданно атаковали французскую эскадру, стоявшую на рейде в гавани Мерс-эль-Кебир у берегов Алжира. Большинство кораблей было потоплено. Британское правительство пошло на этот шаг из-за боязни, что французский флот сможет захватить Германия. После этого Петэн разорвал дипломатические отношения с Великобританией. Де Голль узнал о столь печальном событии постфактум. Он был глубоко опечален и повторял: «Какой страшный конец, какой позор, какая жалость!»{148} Но пришлось смириться.

Уже в июне генерал занялся поиском сторонников. Он надеялся на присоединение к нему французских колоний и разослал их губернаторам и военачальникам телеграммы с предложением продолжать войну. Де Голль особенно рассчитывал на французскую Северную Африку. Однако пока колониальные

власти предпочли подчиняться законному правительству, которое с 1 июля обосновалось в небольшом французском курортном городке Виши.

На территории Великобритании в июне находилось почти 50 тысяч французских солдат и офицеров. Это были части, которые эвакуировались вместе с англичанами из Дюнкерка, а также раненные в боях на территории Бельгии и переправленные в Великобританию. Французские военные миссии, находившиеся в Англии, взяли на себя функции по удержанию этих сил в подчинении Виши и готовили их общую репатриацию{149}. Де Голль лично объехал в Великобритании все места, где находились французские военные, и провел агитацию. Результат оказался ничтожным. К нему присоединилось тысяча двести человек{150}. И все же генерал был уже не один.

В июне и июле к де Голлю добровольно примкнули некоторые французские офицеры — генералы Поль Лежантийом, Мари-Пьер Кёниг и Эрнест Пти, вице-адмирал Эмиль Мюзелье, полковник Эдгар де Ларминa, командир батальона Жорж Тьерри д'Аржанлье, капитаны Клод Эттье де Буаламбер, Филипп Мари де Отклок (позднее известный как генерал Леклерк), Андре Деваврен (военный псевдоним Пасси).

К генералу присоединились и гражданские лица — предприниматель Рене Плевен, банкир Пьер Дени, дипломат Морис Дежан, профессор права Рене Кассен, журналист Морис Шуман, инспектор финансов Андре Дьетельм, Элизабет де Мирибель, бывший сотрудник кабинета Поля Рейно Гастон Палевски, которого де Голль знал с 1935 года. Морис Шуман стал постоянным диктором «свободных французов» на Би-би-си, Элизабет де Мирибель — секретарем генерала.

14 июля 1940 года, в день национального праздника состоялся первый смотр военных сил «свободных французов» в английской столице. Генерал де Голль торжественно возложил венок к памятнику главнокомандующего войсками Антанты на победном этапе Первой мировой войны маршала Фоша. Девизом возглавляемых де Голлем «свободных французов» стали слова «Честь и Родина», а эмблемой, по предложению уроженца Лотарингии адмирала Мюзелье, Лотарингский крест. Его изображение — маленькая и ниже большая прямые линии, пересекающие вертикаль, на протяжении нескольких последующих десятилетий будет символом голлизма и голлистского движения. Пока же они только зарождались. Как верно отметил Морис Шуман, «голлизм начался как отказ от перемирия»{151}.

Постепенно весть об основании генералом де Голлем

организации «свободных французов» облетела весь континент. Мало-помалу к нему в Лондон начали съезжаться французы, которых война застала на разных материках. Ехали из Африки, Америки и даже Австралии, группами и в одиночку, часто со всякого рода происшествиями. Некоторым казалось, что они, подобно легендарному Одиссею, совершили длинное путешествие-приключение, прежде чем добраться до Лондона. К таким людям можно отнести известного этнографа, специалиста по коренным народам Южной Америки Жака Сустеля, в будущем одного из самых активных сторонников, а затем противника де Голля.

Война застала ученого в Мексике. Узнав о призыве генерала, он тут же решил ехать в Лондон. Из Мексики Сустель отправился в США, оттуда — в Канаду. Там он добрался до одного из небольших портовых городов на Атлантическом побережье, где ему удалось сесть на судно, отплывавшее в Англию. На нем Сустель прибыл в Ливерпуль, а затем поездом в Лондон. «Сколько я буду жить на свете, — писал он в своих воспоминаниях о войне «Вопреки всему», — столько я буду помнить мой приезд в Лондон под покровом ночи: зловещая тень катастрофы, нависшей над Францией, сумерки канадского порта, из которого я уплывал в Великобританию, "блэк-аут" английских городов и гул вражеских самолетов». Сустель, так же как и все другие французы, пожелавшие присоединиться к де Голлю, по приезде в английскую столицу явился на Карлтон-Гарденс-4. В глаза ему бросились две вещи: Лотарингский крест на сине-бело-красном фоне[19], прикрепленный у входной двери, и французская каска невысокого часового на посту. «Да если бы он был и без каски, — вспоминал Сустель, — сразу можно было понять, что это не англичанин, потому что по его лицу и виду было ясно, что он из наших. Увидеть этого солдата и эту эмблему для нас означало вновь обрести родину»{152}.

Добирались до Лондона и французы с территории Франции, особенно из свободной зоны. Так, например, разведывательные службы Виши получили сообщение, что в городке Перигё в Дордони «существует агентство по вербовке дезертиров к экс-генералу де Голлю. Они уже переправили в Англию две группы»{153}.

В конце июля — самом начале августа о своем присоединении к де Голлю объявили власти двух французских островных колоний на Тихом океане — Новые Гебриды и Таити.

Немцы тем временем прочно обосновались в Париже. А полновластным хозяином в южной зоне стал маршал Петэн. 11 июля, согласно так называемым конституционным актам, он стал

главой государства, наделенным законодательной и исполнительной властью. Своим заместителем Петэн назначил Пьера Лаваля.

Маршал отнюдь не забыл о своем старом знакомом. Он пристально следил за действиями де Голля и «оценил» их в полной мере. Еще 18 и 19 июня ему был послан приказ немедленно вернуться во Францию. 22 июня де Голлю уже аннулировали генеральское звание, 23-го — вывели в отставку за нарушение военной дисциплины, а 30-го подписали ордер на его арест. 4 июля военный трибунал приговорил де Голля к четырем годам лишения свободы за неподчинение. Наконец, 4 августа также военным трибуналом полковник в отставке де Голль был заочно приговорен к военному разжалованию, конфискации всего движимого и недвижимого имущества и смертной казни за измену, нанесение ущерба внешней безопасности государства и дезертирство за границу во время войны{154}.

Де Голль спокойно отнесся ко всем этим приговорам. Он опасался лишь за судьбу своих братьев и сестры, остававшихся на территории Франции. Новый французский режим для него самого не был легитимным. Генерал называл его исключительно «люди Виши». Францией же он считал теперь себя. Да, де Голль был честолюбив. Но и свою отчизну он любил как никто другой. Какие два месяца были у него за спиной! Казалось, генерал совершил невозможное. Он смог взломать собственную судьбу и судьбу родины и действительно поднял брошенное и растоптанное знамя Франции.

7 августа 1940 года де Голль и Черчилль подписали соглашение относительно организации, формирования и использования французских добровольческих сил в Англии. Де Голль обязался сформировать эти силы и осуществить верховное командование ими в соответствии с британскими директивами. Английское правительство рассматривало французов как добровольцев у себя на службе. Оно обеспечивало де Голлю регулярную финансовую поддержку и разрешило ему иметь не только военный, но и гражданский орган. Соглашение конституировало существование уже созданной генералом организации. Она получила название Свободная Франция.

Свободная Франция

В конце лета — начале осени 1940 года французы продолжали присоединяться к основанной де Голлем в Лондоне организации. Он с удовлетворением отмечал, что Свободная Франция пополняет свои ряды. Особенно радовало генерала, что на призыв 18 июня отозвались некоторые люди, которых он знал с молодости.

Еще в июле де Голлю из Нью-Йорка дал о себе знать его соученик по Сен-Сиру, сделавший дипломатическую карьеру, Жак де Сиейес. «Мой дорогой друг, — писал ему в ответ генерал, — я был глубоко тронут, получив твою телеграмму. Она стала для меня такой поддержкой в трагические дни, которые переживает наша страна. Ты понимаешь, какие большие надежды я возлагаю на тебя прямо сейчас. Именно поэтому я прошу тебя быть моим официальным представителем в Америке»{155}.

В августе де Голль получил письмо от своего одноклассника по коллежу Непорочного зачатия. Он стал священником. Война застала его на острове Уайт у берегов Великобритании в районе Портсмута. Генерал тут же откликнулся:

> «Мой преподобный отец и старый друг, неужели мне сегодня действительно пишешь ты, Ксавье де Боленкур?
>
> Как радостно, что обстоятельства жизни свели нас после тридцати пяти лет разлуки. Я тоже не забыл о тебе. Я знал, что ты стал священником. Я так тронут твоими воспоминаниями о моем отце. Я уверен, что если бы он сейчас был жив, то одобрил бы то, что я совершил.
>
> Молись за меня, ведь моя задача так трудна!»{156}

В том же месяце на сторону де Голля перешел его товарищ по плену генерал армии Жорж Катру, бывший губернатор Индокитая. Он был старше главы Свободной Франции по званию, но принял решение служить под его началом. «Де Голль, — писал Катру в своих воспоминаниях, — стал моим руководителем, потому что он воплощал Францию, а я ей служил. Иерархия? 18 июня де Голль превзошел все степени и звания, когда одним махом поднял обломки меча Франции. Этим он достиг такого ранга, который уже никто не мог оспорить»{157}.

В августе к Свободной Франции примкнули колонии Французской Экваториальной Африки — Чад, Конго, Камерун, Убанги-Шари. В сентябре к де Голлю присоединились Полинезия, Новая Каледония, французские территории в Индии. Это был,

несомненно, большой успех. Однако в сентябре генерала постигла и неудача.

В начале осени Черчилль предложил де Голлю отвоевать у Виши Сенегал со столицей в Дакаре, важнейшем порте на Атлантическом океане. Генералу не очень понравилась такая идея, но он согласился и даже разработал подробный план операции{158}.

Ни англичане, ни французы не хотели давать бой. Они надеялись, что генерал-губернатор Сенегала Пьер Буассон добровольно перейдет на сторону де Голля. 23 сентября небольшая эскадра из нескольких десятков кораблей пристала к берегам Дакара. Глава Свободной Франции находился на флагмане. Генерал-губернатор, узнав о прибытии эскадры, категорически отказался вступить со «свободными французами» в переговоры и остался верен правительству Виши. Де Голлю пришлось ни с чем вернуться в Лондон.

Генерал был явно не готов к такому поражению. В один момент он даже «подумал, не бросить ли все», но быстро «воспрянул духом»{159}. 28 сентября де Голль писал жене: «Как ты поняла, дело с Дакаром не обернулось успехом. В Виши этого ожидали и предприняли меры по обороне. Туда прислали суда и подкрепление. Всех моих сторонников бросили за решетку. А я не хотел битвы между французами и отвел наши силы. Но мои люди остались мне верны, и я сохраняю надежды на будущее». В конце письма генерал сделал маленькое заключение о войне в целом: «Это самая большая драма Истории. И твой бедный муж безжалостно выброшен событиями на первый план в борьбе с теми, кто играет первые роли на сцене. Будем держаться! Ни один ураган не длится вечно»{160}.

После присоединения африканских колоний Свободная Франция получила собственную территориальную базу. На ней, так же как и в Великобритании, были сформированы первые военные соединения «свободных французов». Генерал всегда помнил слова Вовенарга — «Полная победа лишь та, которая одержана с оружием в руках»{161}. Он хотел, чтобы его войска непременно принимали участие в операциях, сначала вместе с англичанами, а затем и с другими союзниками. В ноябре «свободные французы» завоевали французский Габон. После этого под эгидой де Голля оказалась вся французская Экваториальная Африка.

С 8 октября по 17 ноября 1940 года де Голль совершает путешествие по присоединившимся африканским территориям. Именно там, пусть не на французской, а на некогда завоеванной французами земле, над которой сейчас развевается национальное

сине-бело-красное знамя, генерал решает сделать несколько важных заявлений и обозначить структуру Свободной Франции. 27 октября де Голль выпускает Манифест относительно руководства усилиями французов во время войны. В нем он осуждает деятельность кабинета Петэна, говорит о незаконности его существования и называет коллаборационистов «случайными людьми», подчинившимися врагу. Де Голль заявляет, что от имени Франции будет осуществлять власть с единственной целью — защиты ее от врага{162}.

Одновременно с Манифестом был опубликован ордонанс, который утверждал создание Совета обороны империи, «имеющий задачей поддерживать верность Франции, заботиться о внутренней и внешней безопасности, руководить экономической жизнью и поддерживать моральное единство населения территории и империи». В ордонансе также говорилось, что «Совет осуществляет всестороннее общее руководство военными действиями в целях освобождения родины»{163}.

В конце 1940 года было создано Управление политическими делами Свободной Франции. И его работой руководил сам де Голль. Он же определил задачи Управления: «Создать и использовать информационные службы, занимающиеся сбором материала о политической ситуации во Франции и в империи. Организовать и поддерживать во Франции и в империи движение Свободная Франция и постараться распространить его деятельность на старые и новые политические, социальные, религиозные, экономические, профессиональные и интеллектуальные организации и убедить их в необходимости в данный момент подчинить все личные интересы одному — национальному»{164}.

Управление состояло из генерального штаба и информационной службы. Им подчинялись три бюро. Первое определяло конкретные задачи деятельности. Второе должно было их осуществлять на территории Франции и империи. Впоследствии оно переросло в известное Центральное бюро осведомления и действия (БСРА). Третье занималось налаживанием контактов с зарубежными странами.

В декабре 1940 года созданный де Голлем Совет обороны империи был признан правительством Великобритании.

С самого начала существования Свободной Франции проявились амбиции и авторитарность характера ее основателя. Генерал считал, что все члены организации должны строго подчиняться его власти. Уже 3 июля 1940 года он записал: «Ничего не должно делаться без приказа или разрешения генерала де Голля»{165}. Ордонансы и законодательные акты

Свободной Франции де Голль писал только сам и начинал их словами: «Мы, генерал де Голль, глава "свободных французов", постановляем…», или даже «От имени французского народа и империи мы, генерал де Голль…» Подписывая так называемый «Акт присоединения» к Свободной Франции, каждый человек должен был поставить и свою подпись под обязательством подчиняться де Голлю{166}.

В октябре в письме жене генерал отмечал: «Нужно принять — и я это делаю — все последствия драмы, один из главных авторов которой я сам. Тот, который сможет непоколебимо действовать, в результате будет победителем и не только в событиях, но и в глазах толпы»{167}. Создавалось впечатление, что де Голль следовал своим собственным установкам, высказанным еще в книге «На острие шпаги». Тогда он обрисовал образ вождя, которым стремился стать. А теперь стало ясно, что своим сильным характером и железной волей генерал просто заставлял мечту сбыться. Война полностью изменила его жизнь. Он уже был не только вождем, непререкаемым лидером «свободных французов», но и политиком.

В начале войны де Голль таким представлялся очевидцам: «Очень высокого роста, монументального телосложения, с длинным носом над маленькими усиками, слегка убегающим подбородком и властным взглядом. Он казался намного моложе своих 50-ти лет. Одетый в форму и головной убор цвета хаки, украшенный двумя звездами бригадного генерала, он ходил всегда широким шагом, держа, как правило, руки по швам. Говорил медленно, резко, иногда с сарказмом. Память его была поразительна. От него просто веяло властью монарха, и теперь, как никогда, он оправдывал одно из своих прозвищ— "король в изгнании"»{168}.

Глава Свободной Франции жил в Лондоне. У него был свой номер в гостинице «Коннот». Для Ивонны и младшей дочери Анны он снимал за городом небольшой дом. Филипп сначала учился в Морской школе Свободной Франции в Портсмуте, а затем принимал участие в военных операциях. Элизабет продолжала учебу в одном из католических монастырей Англии. Де Голль навещал своих, как только предоставлялась такая возможность. Правда, ему нечасто удавалось выбраться на выходные и даже на целый день. Еще реже он мог повидать всю семью. Но 22 ноября 1940 года в доме собрались все, чтобы отметить пятидесятилетие генерала{169}.

В британской столице де Голль старался ежедневно находить время, чтобы читать и писать. Он серьезно работал над своими речами для лондонского радио, вел обширную переписку.

Генерал учил английский язык. Поначалу к нему на Карлтон-Гарденс-4 приходил преподаватель{170}. На письменном столе де Голля лежали томики Паскаля, Монтеня, Бергсона, Гегеля на немецком языке{171}. А теперь он немного читал и по-английски, например, знаменитые строчки Киплинга:

If you can keep your when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you.
But make allowance for their doubting too:
If you can wait and not be tired by waiting…

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех.
Пусть час не пробил — жди, не уставая…[20]

Может быть, это стихотворение было и о мятежном французском генерале?

В первые месяцы 1941 года «свободные французы» приняли вместе с англичанами участие в военных операциях в Африке. Они выступили против немецкой и итальянской армий в Эритрее и Ливии. В марте соединения Леклерка одержали победу в итальянской Сахаре.

Большое значение де Голль придавал развитию отношений возглавляемой им организации с иностранными государствами. В 1941 году он направил своих представителей во многие регионы мира с тем, чтобы они добивались признания Свободной Франции со стороны зарубежных правительств. В США в помощь Жаку де Сиейесу был отправлен Рене Плевен, в Канаду — Элизабет де Мирибель, в Латинскую Америку — Жак Сустель. В Южную Африку отплыл подполковник Пешков[21], на Ближний Восток — археолог Жюль Акен. Ученому, к сожалению, не удалось добраться до азиатского побережья, он погиб в пути, так как его судно было торпедировано.

«Свободные французы» продолжали вести ежедневное радиовещание на Францию из Лондона. Помимо того, время от времени на ее территорию они забрасывали листовки, в которых

характеризовался де Голль и объяснялись задачи Свободной Франции. Одна из них гласила:

«Я свободный француз. Я верю в Бога и в будущее моей родины. Я принадлежу сам себе. У меня есть одна цель — продолжать борьбу за освобождение моей страны.

Я понимаю и твердо верю, что эта война — испытание для народов всего мира. Будущее каждой нации будет зависеть от роли, которую она сыграет в этой войне.

Я торжественно заявляю, что не связан ни с какой политической партией и ни с каким политиком.

У меня лишь одна цель — освободить Францию.

Генерал де Голль»{172}.

Союзники

В марте 1941 года де Голль решает покинуть Лондон, чтобы посетить присоединившиеся к Свободной Франции обширные африканские территории. Он хочет провести инспекцию всех подчиненных ему войск. Перед отъездом генерал составляет докладную записку, в которой подчеркивает: «Любые действия на британской территории могут осуществляться только согласно личным приказам генерала де Голля»{173}. После такой жесткой директивы глава Свободной Франции пишет письмо жене и заканчивает его на лирической ноте: «Обнимаю тебя от всего сердца, моя милая дорогая женушка, мой друг, моя смелая и добрая спутница жизни, которая стала настоящей бурей. Поцелуй Филиппа, Элизабет и Анну»{174}.

С середины марта до конца мая де Голль находится в постоянных разъездах по Африке. Из Каира он едет через столицу Судана Хартум в Чад, Конго, Камерун, Убанги-Шари и Габон, затем возвращается в Египет.

Положением дел в Африке генерал остался доволен, а вот ситуация на Ближнем Востоке его настораживала. В начале 1941 года британский военный атташе в Берне сказал о де Голле: «Он — прекрасный военный, но посредственный политик. Если британская армия появится на французских территориях, нет никакого сомнения в том, что де Голля не призовут играть там какую-нибудь политическую или административную роль»{175}. Самые ближайшие события показали, что атташе предугадал намерения своего правительства, но совершенно просчитался в оценке французского генерала.

Весной 1941 года Германия значительно расширила свое присутствие в Средиземноморье. К концу апреля она завоевала всю Югославию и Грецию и стремилась проникнуть на Ближний Восток. Чтобы упредить действия немцев, 8 июня британские войска совместно с подразделениями «свободных французов», возглавляемых генералом Катру, начали наступление на подмандатные Франции Сирию и Ливан. Там стояла французская армия, которой командовал генерал Денц, хранивший верность Виши. Операция прошла удачно. Англичане и «свободные французы» овладели Сирией и Ливаном. Де Голль прибыл в Бейрут из Каира и назначил Катру генеральным делегатом подмандатных территорий.

Глава Свободной Франции намеревался утвердить в Сирии и Ливане свою власть. Но он быстро понял, что англичане сами хотят стать здесь хозяевами. Борьба за эти территории велась

между Францией и Англией еще после Первой мировой войны. Именно тогда, согласно Версальскому договору, Франция получила мандат на Сирию и Ливан, а Великобритания — на соседнюю Палестину. Теперь, пользуясь тем, что «официальная» Франция сдалась на милость победителя, а де Голль был лишь «добровольцем», Лондон стремился утвердить свое влияние в столь стратегически важном регионе.

На некоторое время глава Свободной Франции отвлекается от ближневосточных дел из-за событий в Европе. 22 июня немецкая армия предприняла массированное наступление на СССР. Началась Великая Отечественная война. 30 июня правительство Виши заявило о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом, Полномочный представитель СССР при Виши Александр Ефремович Богомолов был тут же отозван из Франции. И уже 1 июля посол Советского Союза в Великобритании Иван Михайлович Майский телеграфировал из Лондона в Москву о том, что еще до разрыва с Виши его в частном порядке посетил представитель де Голля Кассен, «который от имени генерала передал симпатии и лучшие пожелания СССР» и вместе с тем «поднял вопрос об установлении тех или иных отношений между советским правительством и силами де Голля»{176}.

Между тем на Ближнем Востоке в июле начинается настоящая схватка главы Свободной Франции за Сирию и Ливан с англичанами. Он находится в бесконечных переездах между Каиром, где обосновался государственный министр Великобритании Оливер Литлтон, облеченный полномочиями Черчилля, Иерусалимом, Бейрутом и Дамаском. Лишь на празднование 14 июля де Голль уезжает в столицу Конго Браззавиль. В этом городе была установлена радиостанция Свободной Франции, и он стал ее главным центром в Африке.

Перед отъездом де Голль писал из Каира Катру в Бейрут: «Я обязательно увижусь с Литлтоном и заявлю ему, что его присутствие здесь не должно означать контроля над нашим авторитетом в Ливане… Мы должны быть непоколебимы»{177}. И тем не менее 13 июля в городе Акко на границе Ливана и Палестины англичане подписали перемирие с вишистами. Представителя Свободной Франции генерала Катру туда не пригласили.

Де Голль был крайне удручен. Такой поворот событий означал не только полное игнорирование прав Свободной Франции на Сирию и Ливан, но и лишение ее хорошего подкрепления в виде значительного французского воинского контингента, стоявшего на службе Виши. Англичане объявили офицерам и солдатам, подчинявшимся генералу Денцу, что они

сами должны решить, присоединиться ли им к Свободной Франции, или вернуться на родину.

Вишистская пропаганда позаботилась о том, чтобы создать де Голлю самую плохую репутацию. В одной из листовок, распространенной в Бейруте, говорилось: «Я не голлист. Почему? Потому что голлизм означает раскол, мятеж и восстание против легитимной власти»[178]. А некий вишистский полковник Гарнье даже писал: «Де Голль — преступник… Он пытается взбудоражить Ливан… С ним мы потеряем все наши колонии. Он призывает к неповиновению и гражданской войне. Он наносит колоссальный вред делу Маршала по возрождению Франции. Такие люди, как он, сожгли за собой национальные мосты. Ими движет только надменность и личные амбиции. Маршал сказал губернатору Буассону, что когда-то он пригрел змею, имея в виду де Голля»[179]. Неудивительно, что после таких суждений о генерале, распространенных в Сирии и Ливане, к Свободной Франции примкнуло только пять с половиной тысяч из тридцати тысяч французских военных, находившихся на этих территориях.

Вернувшийся из Браззавиля де Голль упорно пытается добиться от англичан признания в регионе власти Свободной Франции. Отчасти ему это удается. В конце июля генерал буквально заставляет Литлтона подписать с ним в Каире «Пояснительное соглашение» к договору в Акко, согласно которому англичане признали права Свободной Франции на Сирию и Ливан. Но после этого ситуация не стала менее напряженной. Де Голль сообщал Катру из Каира 5 августа: «У меня создается впечатление, что англичане готовятся оказать на нас решающее давление и шантажировать, чтобы на деле мы уступили им осуществление власти в Ливане»[180].

Через два дня де Голль повидался с Литлтоном, который его убеждал в своем дружеском отношении, а потом еще послал ему письменное подтверждение. «Делая выводы из нашего сегодняшнего разговора, — заверял он генерала, — я еще раз утверждаю, что присутствие Великобритании в Сирии и Ливане диктуется только намерением выиграть войну»[181]. В ответном письме де Голль поблагодарил уполномоченного Черчилля за такие слова и подчеркнул: «Свободная Франция, то есть Франция, полна решимости продолжать войну на стороне Великобритании, своего друга и союзника, до полной победы над общим врагом»[182].

Реальное положение дел оставалось прежним. Де Голль добился присутствия Свободной Франции в Сирии и Ливане, но испортил отношения с англичанами. На Ближний Восток из Англии был отправлен генерал Спирс, который резко

отрицательно оценил действия де Голля. Телеграммы с жалобами на его высокомерное поведение и англофобию постоянно отправлялись Черчиллю в Лондон.

1 сентября в английскую столицу после почти полугодового отсутствия возвратился и сам глава Свободной Франции. Он понимал, что его ждало нелегкое объяснение с английским премьер-министром. Так и получилось. Сначала строптивому французскому генералу решили указать на его место «иностранца на службе англичан» и дали неделю «повариться в собственном соку», не допуская до вещания на Би-би-си. Черчилль принял де Голля только 12 сентября. Разговор шел на равных, но собеседники довольно эмоционально выяснили отношения. В дальнейшем так случится еще не один раз. Как уверял Жак Сустель, «Черчилль и де Голль обладали несносными характерами… Когда они были солидарны друг с другом, то все шло хорошо. Но как только между ними возникало несогласие, с них точно кожу сдирали. Они тут же начинали неистово спорить. И тогда де Голль заявлял, что Черчилль слишком много выпил и виски ударило ему в голову. А Черчилль, в свою очередь, упрекал де Голля за то, что он мнит себя Жанной д'Арк»{183}.

Конфликт де Голля с англичанами из-за Сирии и Ливана вызвал достаточно серьезный кризис и внутри Свободной Франции. Мюзелье, Кассен, Тьерри д'Аржанльe обвинили де Голля в авторитарности и выразили неудовольствие тем, что он без их ведома чуть не пошел на разрыв с Англией. Они считали целесообразным создать коллегиальный руководящий орган Свободной Франции. Но де Голль быстро сумел перехватить инициативу. 24 сентября 1941 года при согласии англичан он издал ордонанс о новой организации общественных властей Свободной Франции. Им учреждался Французский национальный комитет, временно осуществлявший функции государственной власти и призванный существовать до тех пор, «пока не будет создано представительство французского народа, способное независимо от врага выражать волю нации»{184}.

В комитет вошли комиссары, назначенные председателем, генералом де Голлем. Ими стали: Плевен (по координации деятельности комитета), Дежан (по иностранным делам), Кассен (юстиции и общественного образования), генерал Лежантийом (по военным делам), адмирал Мюзелье (военного и торгового флота), генерал Вален (по делам авиации), Дьетельм (внутренних дел). Комиссары возглавили свои национальные комиссариаты. Таким образом было создано некое подобие правительства.

Практически все «свободные французы» остались довольны изменением структуры их организации. Исключение составил

лишь адмирал Мюзелье. Он явно сам хотел стать председателем или хотя бы заместителем председателя комитета. Де Голль отправил ему довольно резкое письмо и дал понять, что адмирал или должен работать на своем посту, или покинуть комитет{185}. Мюзелье смирился и согласился занять предложенное место. Вообще его отношения с главой Свободной Франции складывались нелегко. Адмирал, так же как и де Голль, был амбициозен. К тому же, скорее всего, за его действиями стояли англичане из окружения Черчилля. Они хотели бы поставить на место де Голля Мюзелье, который им казался более сговорчивым и поддающимся влиянию{186}.

Благоприятным образом складывались отношения де Голля со вступившим в войну СССР. Еще в августе по просьбе генерала Дежан и Кассен вторично поставили вопрос перед Майским об установлении официальных отношений между Советским Союзом и Свободной Францией{187}. Москва дала свое согласие, и 26 сентября 1941 года посол СССР в Великобритании передал де Голлю официальный письменный ответ, который гласил: «От имени моего правительства имею честь уведомить Вас о том, что оно признает Вас как руководителя всех "свободных французов", где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников»{188}.

В ответ де Голль отправил послание на имя Сталина: «В момент, когда Свободная Франция становится союзником Советской России в борьбе против общего врага, я позволяю себе высказать Вам мое восхищение непоколебимым сопротивлением русского народа, равно как мужеством и храбростью его армий и полководцев. Бросив всю свою мощь против агрессора, СССР дал всем ныне угнетенным народам уверенность в своем освобождении. Я не сомневаюсь, что благодаря героизму советских армий победа увенчает усилия союзников и новые узы, созданные между русским и французским народами, явятся кардинальным элементом в перестройке мира»{189}.

Обе стороны приняли решение обменяться официальными представителями. В начале ноября 1941 года в Великобританию направляется Богомолов в ранге чрезвычайного полномочного посла СССР при союзных правительствах в Лондоне. Именно на него советское руководство возложило функции поддержания связи со Свободной Францией. А в Москву выезжают назначенные де Голлем Роже Гарро, Раймон Шмиттлен и военный представитель генерал Пти.

Де Голль стремился добиться к себе расположения и со стороны Соединенных Штатов. Но сделать это было совсем нелегко. США поддерживали дипломатические отношения с

Виши. А вообще официальный Вашингтон придерживался мнения, что «опрокинутая Франция не может больше приниматься в расчет»{190}. В Америку эмигрировали многие французы, в большинстве своем те, которые не захотели присоединиться к де Голлю. Они относились к генералу плохо и создавали ему соответствующую репутацию. Президент США Франклин Рузвельт воспринимал генерала крайне негативно и даже называл «полоумным, гангстером и опасным фашистом»{191}. Глава Свободной Франции знал об этом и упорно пытался с помощью своих сторонников переломить такое мнение о себе. В результате определенные успехи были достигнуты.

В конце осени 1941 года представитель де Голля в США Рене Плевен добился права создания в Вашингтоне дипломатического представительства Свободной Франции. Вскоре туда отправилась целая делегация «свободных французов». Рузвельт распространил на лондонскую организацию де Голля действие закона о ленд-лизе[22].

В 1941 году именно в США появилась первая биография генерала де Голля. Ее автором был сын знаменитого французского писателя Мориса Барреса журналист Филипп Баррес, живший во время войны в Соединенных Штатах. Он самым положительным образом характеризовал главу Свободной Франции и горячо поддерживал его действия. Книгу выпустили в Нью-Йорке на английском языке и чуть позднее в Лондоне — на французском{192}.

Появление книги Барреса, конечно, польстило де Голлю. Он писал автору в декабре 1941 года: «…я прекрасно понимаю, что ваш талант, поставленный на службу нашего общего дела, бесценное оружие. В данный момент, когда многие известные французские писатели не решаются высказаться или не могут этого сделать, я вам очень благодарен. Как хорошо, что сейчас с нами есть Баррес»{193}.

Вступление США в войну после бомбардировки Японией Пёрл-Харбора и объявление Свободной Францией войны Японии не повлекло за собой расширения отношений между Свободной Францией и Соединенными Штатами. Даже наоборот. В декабре 1941 года возник настоящий конфликт между де Голлем и американской администрацией. Поводом послужило решение генерала присоединить к его комитету островные французские колонии в Атлантическом океане — Сен-Пьер и Микелон, имевшие важное стратегическое значение. Глава Свободной Франции направил туда корабли во главе с адмиралом Мюзелье, который овладел островами. Рузвельт был крайне недоволен, что «свободные французы» сделали это без его согласия.

Урегулировать ситуацию удалось с помощью англичан.

К концу 1941 года Свободная Франция превратилась в достаточно действенную силу. «Свободных французов» было уже почти 50 тысяч человек, главным образом военных. Руководство голлистской организации сформировало их в три армии (наземную, воздушную и морскую), принимавшие участие в операциях союзников. Официального главнокомандующего войсками «свободных французов» не было. Но де Голль таковым, естественно, считал себя. Именно он издавал приказы о повышении военных в званиях.

Движение Сопротивления

На территории Франции, как в оккупированной, так и в свободной зонах, в 1941 году зародилось и постепенно развивалось движение Сопротивления. Решения о вступлении в борьбу против оккупантов и их пособников принимали и отдельные люди, и целые группы. В конце года Сопротивление уже превратилось во внушительную действенную силу. В нем были представлены почти все слои французского общества. Самую активную роль в движении играла Французская коммунистическая партия (ФКП).

Сведения о развитии Сопротивления во Франции регулярно приходили в Лондон к де Голлю. Проявив политическое чутье, генерал решил взять его под свой контроль. Он поставил перед собой задачу объединить разрозненные силы Сопротивления вокруг Свободной Франции. В связи с этим де Голль выступил с рядом речей, где изложил программу возглавляемой им организации. В одной из них он заявил, что к первоначальному девизу «Честь и Родина» теперь добавляется еще один — «Свобода. Равенство. Братство». «Мы хотим остаться верными, — подчеркнул генерал, — демократическим принципам, которые дал нашим предкам гений нашей нации и которые являются ставкой в этой войне не на жизнь, а на смерть»{194}. Для того, чтобы практически приступить к объединению различных группировок Сопротивления под своим руководством, де Голль начал направлять во Францию особые политические миссии. Главная из них была поручена известному деятелю французского Сопротивления Жану Мулену.

До войны Мулен в возрасте 39 лет стал самым молодым во Франции префектом департамента и директором канцелярии одного из министров правительства Народного фронта, известного деятеля партии радикалов Пьера Кота. После поражения Франции правительство Виши сместило Мулена с должности префекта, и он посвятил себя организации движения Сопротивления. 20 октября 1941 года Мулен по собственной инициативе прибыл в Лондон к де Голлю. Он представил генералу доклад об обстановке во Франции. «Решающим условием всех дальнейших успехов Сопротивления Мулен считал немедленную помощь со стороны английского правительства и генерала де Голля. Он просил оказать организациям Сопротивления политическую и моральную поддержку, предоставить им в распоряжение средства связи и финансовую помощь»{195}. Мулен произвел сильное впечатление на главу

Свободной Франции. Благодаря ему генерал впервые получил достоверные сведения о движении, развернувшемся на родине. Де Голль решил возложить на этого человека трудную, опасную и ответственную миссию — объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение его руководству. 1 января 1942 года Мулен спрыгнул с парашютом в южной Франции.

Де Голль пристально следил за развитием событий на фронтах войны. В январе 1942 года он поздравил советский народ, победивший немцев в битве под Москвой: «Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России… Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией. Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака бездны к солнцу величия»[196].

На некоторое сближение со Свободной Францией пошли Соединенные Штаты. Они вступили в войну с Японией и нуждались в удобных военно-морских базах на Тихом океане. Под властью де Голля уже находились островные владения Франции — Новая Каледония, Новые Гебриды, Маркизские острова, Таити, Туамоту и острова Общества. Рузвельт признал власть над ними Французского национального комитета, чтобы получить к ним доступ.

В конце февраля 1942 года в Лондон с островов Сен-Пьер и Микелон вернулся адмирал Мюзелье. На первом же заседании комитета, где он присутствовал после долгой отлучки, у адмирала опять возник конфликт с де Голлем. На этот раз Мюзелье был не согласен с дипломатической подоплекой военной операции, которой его отправили руководить. Генерал сразу же пресек дебаты по этому поводу. В ответ адмирал обвинил председателя комитета в «стремлении к диктатуре» и «некомпетентности» и подал в отставку[197]. Де Голль не стал больше его удерживать. Так их сотрудничество навсегда закончилось.

Благодаря деятельности Жана Мулена связи Свободной Франции с представителями Сопротивления стали приобретать более или менее систематический характер. При лондонском комитете был создан комиссариат по информации, который возглавил Сустель. В его функции входило главным образом поставлять информацию о деятельности Свободной Франции различным радиостанциям мира, а также подпольным изданиям, выходящим на территории Франции. Начиная с весны 1942 года некоторые деятели Сопротивления стали склоняться к признанию де Голля. В Лондон стремились попасть руководители различных

группировок, чтобы лично познакомиться с генералом. У него побывали представители Социалистической партии Пьер Броссолет, Феликс Гуэн, Кристиан Пино, Андре Филип, радикал Пьер Мендес-Франс, беллетрист, автор нескольких книг о Сопротивлении Эммануэль д'Астье де Ля Вижери. В одной из них он описал свою первую встречу с де Голлем и так представил его: «Он вещает, словно на его плечах груз тысячелетней истории или словно он видит свое имя на ее страницах через сотню лет. Мне вдруг начинает казаться, что его мрачное рвение вызвано одним желанием воодушевить французский гений и заставить его вновь обрести свое национальное и историческое могущество, единственное, во что он верит»[198].

Большое значение имел визит в Лондон весной 1942 года Кристиана Пино. Он привез проект составленного им Манифеста, в котором глава Свободной Франции именовался представителем французского народа. Де Голль лично переработал Манифест, и Пино увез его обратно во Францию. В июне 1942 года он был опубликован в нелегальной печати. В Манифесте осуждался режим Третьей республики и режим Виши, сотрудничавший с фашистами. В нем также говорилось, что по окончании войны должно произойти «восстановление целостности территории Франции, ее Империи, ее достояния, восстановление полного суверенитета нации». «Как только французы будут освобождены от вражеского угнетения, — подчеркивалось в документе, — все их внутренние свободы должны быть им возвращены. После изгнания врага с нашей территории все мужчины и женщины изберут национальную ассамблею, которая сама решит судьбы нашей страны»[199]. По существу такой текст свидетельствовал о признании де Голлем общих демократических принципов. В нем было дано обещание созвать после освобождения полномочный парламент и восстановить в стране демократические свободы. Появление Манифеста самым положительным образом сказалось на отношениях Свободной Франции с внутренним Сопротивлением. Многие некоммунистические организации теперь примкнули к де Голлю.

«Свободные французы» по-прежнему принимали участие в военных операциях. В Ливии под командованием генерала Кёнига в мае-июне 1942 года они сдержали наступление немецкой армии во главе с Роммелем в местечке Бир Хакейм. Глава Свободной Франции был рад этому успеху и отправил Кёнигу следующее послание: «Знайте и передайте вашим войскам, что вся Франция смотрит на вас и гордится вами»[200].

Примерно в то же время глава Свободной Франции получил и новый удар от англичан. Без ведома генерала британское

правительство высадило свои войска на контролируемом Виши острове Мадагаскар. Соединенные Штаты поддержали действия Англии. Помимо того, вашингтонская администрация подписала с Петэном договор об использовании американцами для своих военных баз острова Мартиника в Карибском море, остававшимся под контролем Виши. Де Голль был вне себя. Он воспринял эти события как прямое посягательство со стороны союзников на французские территории и игнорирование интересов Французского национального комитета.

24 мая де Голль встретился с прибывшим в Лондон наркомом иностранных дел СССР Вячеславом Михайловичем Молотовым и просил его о поддержке Свободной Франции в новом конфликте с союзниками. Нарком ответил, что «понимает трудности положения Национального комитета и выражает свое сочувствие Движению свободных французов и желание Советского правительства оказать ему поддержку. В частности, это может относиться и к вопросу о Мартинике и Мадагаскаре»{201}.

6 июня де Голль решает выразить свое негодование по поводу Мадагаскара Черчиллю. Он передает ему следующее: «Если бы на Мадагаскаре, в Сирии или в других местах Франции вследствие действий ее союзников пришлось бы потерять что-либо из того, что ей принадлежит, наше прямое сотрудничество с Великобританией, а также, возможно, и с Соединенными Штатами лишилось бы всякого оправдания. Мы оказались бы вынужденными покончить с таким положением дел. И это привело бы к тому, что мы сосредоточили бы все свои силы на освобожденных (ныне или в будущем) территориях, с тем чтобы продолжать борьбу всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, но в одиночестве и в своих собственных интересах»{202}. 11 июня министр иностранных дел Великобритании Антони Иден при личной встрече заверил генерала в том, что Англия не собирается захватывать французские территории.

Страсти понемногу улеглись, и де Голль начал готовиться к празднованию второй годовщины своего знаменитого призыва. 18 июня 1942 года генерал произнес в Лондоне перед «свободными французами» длинную, полную патетики речь.

> «Шамфор говорил: "Благоразумные существовали. Страстные жили", — напомнил де Голль собравшимся и продолжил: — Вот уже два года Франция, преданная Бордо, тем не менее продолжает войну благодаря оружию, территориям и духу Сражающейся Франции. В течение этих двух лет сколько же мы пережили, будучи

людьми сильных страстей. Но мы и просуществовали, так как мы одновременно и благоразумны… Объединенные, чтобы сражаться, мы дойдем до нашей конечной цели, до национального освобождения. И тогда мы просто скажем Франции словами Пеги: "Матушка-родина, примите ваших сыновей, которые так доблестно за вас сражались"»{203}.

Словно услышав эти слова, американцы, наконец, сделали первый серьезный шаг навстречу Свободной Франции. 9 июля 1942 года США опубликовали меморандум, в котором говорилось: «Правительство Соединенных Штатов признает вклад генерала де Голля и усилия Французского национального комитета в дело поддержания духа французских традиций и институтов. Оно считает, что осуществлению целей, необходимых для эффективного ведения войны…будет наилучшим образом способствовать оказание Французскому национальному комитету, являющемуся символом Французского Сопротивления державам оси, всяческой военной помощи и поддержки»{204}.

Сражающаяся Франция

В канун праздника 14 июля 1942 года де Голль принимает решение переименовать возглавляемую им Свободную Францию в Сражающуюся Францию. Он объявляет, что тем самым включает в свою организацию все силы, борющиеся против общего врага, то есть все группировки движения Сопротивления. В речи по Би-би-си генерал призывает французов не оккупированной зоны отметить главный национальный праздник: «Пусть завтра каждый дом будет украшен трехцветным национальным знаменем. Французы и француженки, соберитесь в каждом городе и каждой деревне в одном месте и спойте "Марсельезу" в полный голос, на едином дыхании, со слезами на глазах»[{205}]. И действительно, многие жители Франции услышали призыв из Лондона и исполнили пожелание де Голля.

28 июля генерал в подтверждение своей идеи о расширении созданной им организации ввел в состав Французского национального комитета приехавшего из Франции социалиста Андре Филипа. Он был назначен комиссаром внутренних дел.

Заседания комитета проходили в Лондоне на Карлтон-Гарденс-4. Вот как описал их Жак Сустель. «Де Голль всегда стремился, чтобы заседания комитета хотя бы более или менее походили на заседания Совета министров. Но атмосфера, которая на них царила, не напоминала, как там, похоронную. Де Голль председательствовал. Он сидел в комнате, отделанной деревом, под большими настенными часами. На столе перед ним были рассыпаны сигареты, которые он закуривал одну за другой. Обсуждения проходили очень оживленно. Каждый присутствовавший энергично отстаивал свою точку зрения, и сам председатель не пренебрегал участием в дискуссиях. По возвращении в свой кабинет он терпеливо рассматривал тысячи просьб и жалоб, поступавших на его имя от свободных французов (среди них бывали даже жалобы жен, огорченных ветреным поведением своих мужей). Затем он вместе со своими сотрудниками и посетителями обсуждал военное и политическое положение»[{206}].

Табак был настоящей страстью де Голля. Он выкуривал сорок сигарет за день да плюс к этому две сигары. Генерал также имел всегда при себе фляжку с легким, сладким, почти безалкогольным шампанским. Время от времени он отхлебывал из нее маленький глоточек[{207}].

С начала августа по конец сентября 1942 года де Голль совершает большое путешествие по территориям «сражающихся

французов» в Африке и на Ближнем Востоке. 5 августа он отправляется в Каир. Генерал прибыл в египетскую столицу почти одновременно с Черчиллем, который следовал через Тегеран в Москву на встречу со Сталиным.

Глава Сражающейся Франции тоже хотел побывать в Москве. 8 августа в Лондоне профессор Дежан явился от его имени к Богомолову и заявил: «Если советское правительство хочет пригласить де Голля в Москву для личного свидания, то он будет очень рад принять такое приглашение, использовав свое пребывание на Ближнем Востоке как удобный случай для визита в СССР»{208}. В тот же день Роже Гарро в Москве повидался с заместителем наркома иностранных дел Владимиром Георгиевичем Деканозовым и сказал: «Де Голль находится в Каире. Он был бы готов, если советское правительство сочтет это желательным, прибыть в Москву на 2–3 дня»{209}. Однако приглашения приехать в столицу СССР де Голль не получил. На это Гарро пожаловался секретарю Коминтерна Андре Марти. «Как жаль, — подчеркнул он в разговоре, — что на просьбу де Голля пригласить его сюда ему не дали никакого ответа. Это единственный случай в моей тридцатилетней карьере, что с 8 августа я не получил никакого ответа, после того как встречался с Деканозовым. Я понимаю, когда мне объясняют, что обстановка неудачная. Но что сейчас думает генерал, не получая от меня никакого ответа по его запросу?»{210}

Действительно, Сталину было не до де Голля. Немцы вышли к Сталинграду. А Великобритания из-за большой опасности на северных морях на время отказалась от отправки конвоев с военными грузами в Архангельск. Вопрос об открытии второго фронта тоже откладывался. Обо всем этом Сталин и беседовал с Черчиллем в Москве 12 августа. А де Голль пока смог добиться от СССР только разрешения на создание французской эскадрильи «Нормандия» для ее последующей отправки на Восточный фронт.

Объехав свои африканские владения, 25 сентября 1942 года де Голль вернулся в Лондон. Он не был доволен положением Сражающейся Франции. Камнем преткновения между ним и союзниками оставалась ситуация с Ливаном, Сирией и Мадагаскаром. Генерал упорно добивался, чтобы Великобритания и Соединенные Штаты признали его власть над этими территориями. Но Черчилль и Рузвельт не торопились это сделать и вообще считали претензии де Голля необоснованными.

30 сентября глава Сражающейся Франции в очередной раз при личной встрече пытался потребовать от премьер-министра Англии признания за собой приоритетных прав на Сирию, Ливан и Мадагаскар. Однако Черчилль не уступал. Де Голль пришел в

ярость и заявил, что он положит конец их сотрудничеству. Тогда британский премьер закричал:

«Вы говорите, что вы — Франция! На самом деле вы — не Франция! Я не признаю вас как Францию. Где эта ваша Франция?»

Де Голль постарался сдержаться, но все-таки не преминул заметить: «Если я не Франция, то почему вы ведете со мной этот разговор?» А Черчилль не унимался: «Самый худший враг для Вас Вы сами. Работать с Вами невозможно. Вы сеете раздор везде, где появляетесь… Вместо того, чтобы вести войну с Германией, Вы ведете ее с Великобританией»{211}. Собеседники расстались, так ни о чем и не договорившись.

В своих воспоминания Черчилль так охарактеризовал де Голля: «Я знал, что он не был другом Англии, но я всегда признавал в нем дух и идею, которые навсегда утвердят слово "Франция" на страницах истории. Я понимал его и, негодуя, одновременно восхищался его высокомерным поведением. Эмигрант, покинувший свою страну, приговоренный к смерти, он находился в полной зависимости от доброжелательности сначала английского правительства, а затем правительства Соединенных Штатов. Немцы захватили его родину, у него нигде не было настоящей точки опоры. Тем не менее он противостоял всему. Всегда, даже тогда, когда он поступал наихудшим образом, он, казалось, выражал индивидуальность Франции, великого государства со всей его гордостью, властностью и честолюбием»{212}. Но эти строки были написаны после войны, когда оба политика оказались уже не у дел. А пока главе Сражающейся Франции еще не раз придется отстаивать перед союзниками свое право на существование.

В октябре де Голль принимал в Лондоне лидеров Сопротивления. На территории Франции объединением различных группировок в единое целое занимались Жан Мулен в южной зоне и Жильбер Рено (известный под псевдонимом полковника Реми) в оккупированной немцами части страны. Де Голль поручил Реми войти в контакт с коммунистами, игравшими решающую роль в движении Сопротивления, и просить их прислать в Лондон своего представителя. Однако лидер действующей в подполье ФКП Жак Дюкло, получавший директивы из Москвы от руководителей Коминтерна Георгия Димитрова и Андре Марти и находившегося в СССР Мориса Тореза, пока не выходил на связь с голлистами.

В конце октября де Голль проехал с инспекциями по английским портам, где базировались морские силы «сражающихся французов». Генерал повидался с сыном, смог побыть немного с ним вместе, отдохнуть, расслабиться. Они

прошли в сумерках вдоль гавани Портсмута. Де Голль задумчиво, как в молодости, смотрел вдаль. Ему так хотелось разглядеть французский берег. Сколько морей он повидал за годы войны! Генерал вспоминал огромные синие с белыми барашками волны Атлантического океана, подступающие к столице Габона Либревилю, лазурные воды Средиземного моря, плещущиеся у берегов Бейрута. И вот теперь эти суровые серые волны, разбивающиеся вдребезги о британские утесы. Смотря на них, де Голль тихо прочитал сыну строки стихотворения Гюго:

On doute
La nuit
J'écoute:
tout fuit
tout passe
l'espace efface
le bruit{213}.

Мрак слышит
Ночной,
Как дышит
Прибой,
И вскоре
В просторе
И в море
Покой[23].

Ноябрь принес главе Сражающейся Франции новые испытания, по сравнению с которыми предыдущие казались не столь серьезными. 8 ноября 1942 года началась высадка крупного англо-американского десанта под командованием генерала Эйзенхауэра в Алжире. Рузвельт и Черчилль решили овладеть французской Северной Африкой, где стоял крупный военный контингент Виши. Американцы нашли двух высокопоставленных французских военных, которые по их замыслу должны были помочь им привлечь на сторону союзников вишистских офицеров и солдат в Алжире. Первым был адмирал Франсуа Дарлан, вице-премьер правительства Виши, командующий сохранившейся частью французской эскадры. Вторым — генерал армии Анри

Жиро, бежавший из немецкого плена и обосновавшийся в южной зоне. Дарлан находился в Алжире якобы случайно. Жиро американцы сами вывезли из Франции. Адмирал приказал войскам в Северной Африке не оказывать сопротивление соединениям союзников и заявил, что он берет власть «от имени маршала». Американцы сразу назначили его верховным комиссаром Северной Африки. В ответ на это немецкая армия оккупировала южную зону Франции, Корсику и Тунис.

Де Голля о готовящейся операции союзники даже не предупредили, он оказался просто перед фактом их действий у него за спиной. Настроение генерала было подавленным. Он понимал, что все случившееся спланировали и осуществили американцы. 14 ноября де Голль с негодованием писал Черчиллю: «Приход к власти Дарлана в Северной Африке с помощью американцев и "от имени маршала" являет собой, на мой взгляд, одно из главных событий этой войны. Я думаю, что для французской нации этот факт будет иметь более серьезные последствия, чем капитуляция Бордо. Французский народ теперь понимает, что Соединенные Штаты уже не только признают власть, базирующуюся на предательстве Франции и ее союзников, тираническую, вдохновляемую нацистами и состоящую из людей, сотрудничающих с немцами, но и сами присоединились к этой власти, этому режиму и этим людям»{214}. Впрочем, насчет Черчилля де Голль также не испытывал никаких иллюзий. Он понимал, что все было сделано с его согласия. Генерал давно считал британского премьера «лейтенантом Рузвельта»{215}.

19 ноября глава Сражающейся Франции обратился с посланием уже ко всем союзным правительствам: «Совершенно очевидно, что гнев, горечь и ошеломление, спровоцированные во Франции этой политической операцией, произвели на сопротивление французского народа и его доверие к союзникам такое ужасное впечатление, какое даже невозможно было представить»{216}.

После таких заявлений де Голля лишили возможности выступать по Би-би-си. Ему пришлось использовать для эфира радиостанции Бейрута и Браззавиля. Правда, 14 декабря, наконец-то, Иден подписал с генералом соглашение о передаче власти на Мадагаскаре Французскому национальному комитету. Глава Сражающейся Франции был удовлетворен этим событием. Однако всеми своими помыслами он уже устремился в Алжир. Де Голль понимал, что его пытаются отстранить от участия в важных событиях, его, единственного француза, призвавшего свой народ продолжать сражаться, основателя Свободной Франции, столько достигшего за два с половиной года исключительно

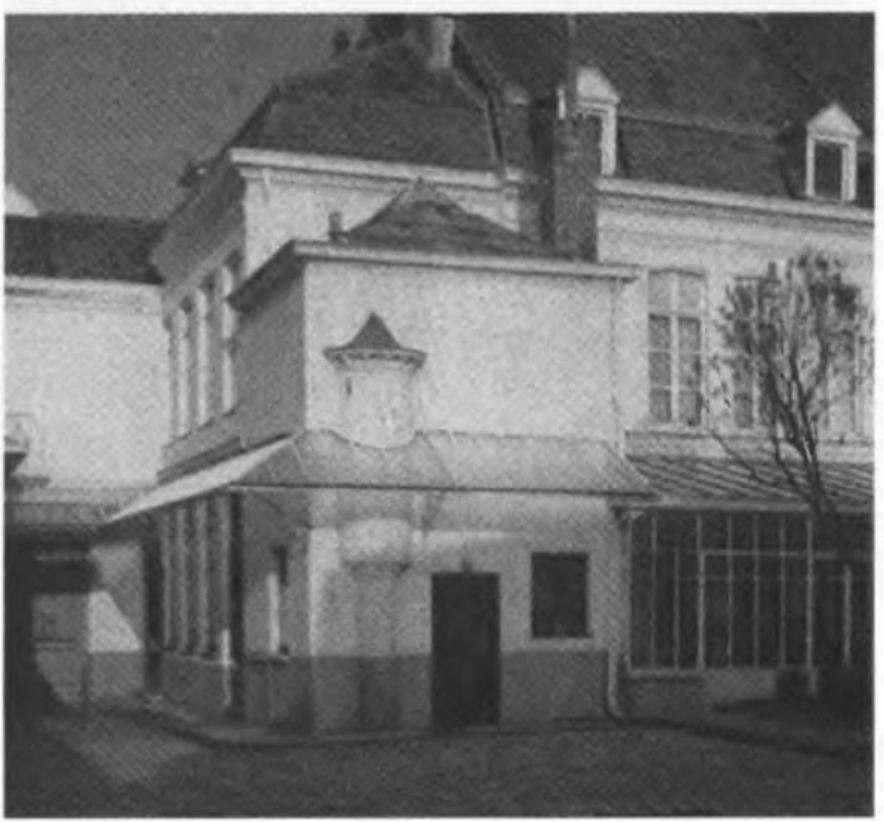
собственными усилиями, волей и упорством! Нет, он этого ни за что не допустит.

И генерал опять начинает действовать. Он знал, что в Алжире есть и его сторонники. К тому же за ним стоят практически все силы движения Сопротивления. Дарлана, как и любого другого вишиста, де Голль считал предателем, с которым нельзя иметь никаких дел. А вот с Жиро генерал хотел встретиться, но тот отказался. Тогда глава Сражающейся Франции добился отправки в Алжир своего представителя, генерала Франсуа д'Астье де Ля Вижери, брата беллетриста Эммануэля. В алжирской столице в окружение Дарлана входил еще один их брат, Анри д'Астье де Ля Вижери. Посланник де Голля должен был изучить ситуацию на месте и доложить о ней генералу.

Франсуа д'Астье де Ля Вижери пробыл в Алжире с 19 по 22 декабря. А 24 декабря адмирал Дарлан был застрелен в своем служебном кабинете студентом Алжирского университета Фернаном Бонье де Ля Шапелем. На следующий день студента расстреляли без суда и следствия. Кто стоял за убийством адмирала? Распутать хитросплетения алжирских событий далекого декабря 1942 года не удалось до сих пор. Друг Бонье де Ля Шапеля Филипп Рагено утверждал, что тогда они своей небольшой студенческой группой патриотов постановили, что убьют адмирала-предателя. Они тянули жребий. Идти «на прием» к верховному комиссару выпало Фернану{217}. Сам де Голль много лет спустя подчеркивал, что вишиста Дарлана «не убили, а казнили»{218}. Как бы то ни было, глава Сражающейся Франции горевать по поводу кончины адмирала не стал. Он отнесся к этому факту спокойно, как христианин и военный. Даже когда в 1916 и 1940 годах вверенные ему подразделения несли большие потери, он говорил просто: «Наш полк потерял достаточно перышек»{219}. Дарлан, конечно, был не перышком, а крупной птицей. Ну так что ж? Отправили к праотцам, и теперь только Бог ему судья.

Иллюстрации

Родители Шарля де Голля Жанна Майо и Анри де Голль.



Дом в городе Лилль, где родился Шарль де Голль.

Дети де Голлей.

Слева направо: Ксавье, Мари-Аньес, Шарль, Жак и Пьер. *Конец 1890-х гг.*

Шарль в возрасте семи лет.

Анри де Голль (сидит первый справа) с учениками коллежа иезуитов.

Во втором ряду второй слева — его сын Шарль.

Париж в конце XIX века.

Де Голль ученик - Сен-Сира. *1910 г.*

Де Голль (в центре) среди офицеров полка в городе Аррас. *1912 г.*

Маршал Франции Филипп Петэн, первый полковой командир де Голля. *Фото 1920-х гг.*

Проводы французских солдат на фронт. *Август, 1914 г.*

Де Голль на фронте, *Начало 1916 г.*

Братья де Голль, вернувшиеся с войны.
Слева направо: Шарль, Ксавье, Пьер и Жак. *1919 г.*

Свадьба Шарля де Голля и Ивонны Вандру. Кале, *6 апреля 1921 г.*

Де Голль, командир 19-го егерского полка (в первом ряду третий слева) среди офицеров. *Трир, 1927 г.*

Де Голль с женой (на первом плане) в Ливане. *1930 г.*

Де Голль с дочерьми (слева — Элизабет, на коленях у отца — Анна) и тещей Маргаритой Вандру. *1932 г.*

Друзья де Голля: слева — Эмиль Мейер, справа — Люсьен Нашен.

Члены правительства Франции. Третий слева — председатель кабинета Поль Рейно, крайний справа— Шарль де Голль. *Начало*

июня 1940 г.

Де Голль обращается к поверженной Франции. Лондон, *1940 г.*

Де Голль инспектирует войска Свободной Франции. *Лондон. 1940 г.*

Адмирал Франсуа Дарлан.

На конференции под Касабланкой. Слева направо: генерал Анри Жиро, Франклин Рузвельт, Шарль де Голль и Уинстон

Черчилль. *Январь 1943 г.*

Филипп Петэн — глава правительства Виши.

Де Голль на борту военного корабля. *1944 г.*

Высадка союзных войск в Нормандии. *Июнь 1944 г.*

Де Голль награждает летчиков эскадрильи «Нормандия — Неман». *Москва, 9 декабря 1944 г.*

Подписание советско-французского договора о взаимной помощи.

Стоят в центре Сталин и де Голль, сидит Молотов. *Москва, 10 декабря 1944 г.*

Де Голль в освобожденном городке Лаваль. *Август 1944 г.*

Все сначала

Ситуация в Северной Африке после кончины Дарлана отнюдь не изменилась в пользу главы Сражающейся Франции. Американцы приняли решение назначить на место адмирала Жиро, который получил титул «гражданского и военного главнокомандующего». Окружение Жиро состояло из вишистов, да и сам он явно сочувственно относился к режиму Виши и более чем благосклонно к американцам. Рузвельта это очень устраивало, а Черчилль не находил никаких оснований ему перечить. Таким образом, де Голль опять оставался в стороне. Американский президент иронично заметил по его поводу: «Интересно, что будет делать теперь этот бригадный генерал, который утверждал, что он проиграл только битву, а не войну, и вообразил, что может на равных разговаривать с могущественной Америкой»[{220}]. А бригадный генерал прекрасно понимал, что придется практически с нуля начинать борьбу за собственное признание. Опять ему вспомнились строки Киплинга:

> …the things you gave your life to broken.
> And stoop and build 'em up with worn-out tools

> …вся жизнь разрушена и снова
> Ты должен все воссоздавать с основ[24].

В январе 1943 года Рузвельт и Черчилль встретились на конференции в Марокко, в городе Касабланка. На ней, в частности, рассматривался и «французский вопрос». Туда пригласили Жиро и де Голля. Союзники очень хотели, чтобы под их бдительным оком два генерала договорились, вернее, желали, чтобы де Голль подчинился силам Жиро, который всегда будет действовать по их указке. Понимая это, глава Свободной Франции вообще не хотел лететь в Марокко. Он считан также, что «французский вопрос» должен быть решен французами, без посредников. Де Голль писал: «С тех пор как Америка вступила в войну, Рузвельт решил, что мир будет миром американским, что именно ему принадлежит право диктовать условия организации

этого мира, — он хотел, чтобы страны, раздавленные испытаниями войны, признали за ним право судить, и считал, что, в частности, он станет спасителем Франции и вершителем ее судеб»{221}.

Явиться в пригород Касабланки Анфу де Голлю все же пришлось. Он вел там переговоры с Рузвельтом, Черчиллем, Жиро, английским министром Гарольдом Макмилланом, уполномоченным британского премьера в Алжире и генеральным консулом США в Алжире Робертом Мэрфи. Все они давали понять главе Свободной Франции, что он должен подчиниться Жиро. Генерал категорически отказался и хотел уехать с инспекциями в Ливию. Черчилль же, желая наказать де Голля за «плохое поведение», предоставил ему лишь место в самолете, отбывавшем в Лондон.

«Все последующие дни, — вспоминал де Голль, — были для меня мучительны… Состязание между Вашингтоном и Лондоном в неблагожелательности к нам нашло свое более чем широкое отражение. В прессе и радиовещании, за редкими и благородными исключениями, газеты и комментаторы в Америке и даже в самой Великобритании, казалось, не сомневались в том, что французское единение должно произойти вокруг Жиро. Почти во всех газетах и выступлениях по радио в отношении меня выносились самые суровые суждения. Некоторые говорили: "жалкая гордыня" или "несбывшиеся притязания", но большинство заявляло, что я кандидат в диктаторы, что мое окружение, кишащее фашистами и кагулярами, толкает меня на установление во Франции после освобождения личной абсолютной власти; что, в противоположность мне, генерал Жиро, простой солдат без всяких политических притязаний и намерений, является опорой демократии; что французский народ может довериться Рузвельту и Черчиллю, которые помешают мне поработить французов»{222}.

Но разве он когда-нибудь сдавался? Не сдастся и на этот раз. Де Голль докажет союзникам, что не станет никому подчиняться, потому что Францию, французский народ представляет только он. Для этого генерал продолжал утверждать свою власть внутри своей страны, внутри движения Сопротивления.

В этом направлении глава Свободной Франции сделал значительные успехи. Пока он в декабре и январе состязался с союзниками, его представитель, полковник Реми удачно провернул целую операцию по доставке к де Голлю в Лондон делегата-коммуниста.

После высадки союзников в Северной Африке и оккупации южной зоны Франции в Коминтерне, наконец, приняли решение о

необходимости сотрудничества ФКП и Сражающейся Франции. В постановлении исполнительного комитета Коминтерна от 25 ноября четко указывалось: «Коммунистическая партия должна согласовывать деятельность уже организованных национальных сил, установить и поддерживать непосредственный контакт с де Голлем»{223}. После этого Дюкло получил из Москвы шифротелеграмму: «Учитывая новую ситуацию, считаем необходимым, чтобы вы послали представителя в Лондон при де Голле»{224}.

Выбор ФКП пал на Фернана Гренье. Он еще в молодости вступил в ряды партии и перед войной стал депутатом парламента. Это был добрый искренний человек, веривший в идеалы коммунистического движения и самоотверженно выполнявший партийные задания. В начале войны его как коммуниста арестовали и отправили в концентрационный лагерь, откуда в 1941 году он смог бежать. Гренье добрался до Парижа и сразу включился в подпольную работу. Средства к существованию он с женой получал только от связного. Однажды в 1942 году тот не вышел на связь и супруги остались без денег и продуктов. «Я страшно исхудал, — писал впоследствии Гренье. — Достаточно мне было пройти десять минут по улице, как у меня начиналось головокружение»{225}. Помог случай. Жена Гренье случайно встретила на улице бывшую секретаршу мужа. Так связи с партией восстановились.

Лидер ФКП Жак Дюкло в условиях строжайшей секретности лично встретился с Фернаном Гренье, сообщил ему, что партия отправляет его в Лондон к де Голлю, и дал инструкции. 31 декабря Дюкло получил из Москвы еще одну шифровку: «Почти полностью военное и гражданское окружение де Голля крайне подозрительно с разных сторон. Поэтому советуем вашему делегату при де Голле быть чрезвычайно осторожным со всех точек зрения: политической, организационной, связи с вами и личной. Выберите делегата умного и твердого. По приезде он должен увидеть советского представителя при де Голле Богомолова, который даст ему полезные советы»{226}.

Полковника Реми познакомили с Гренье в самом начале января. Агент де Голля предупредил делегата-коммуниста о том, чтобы он не брал никакого багажа, и назначил свидание 8 января на вокзале Монпарнас в Париже. Путешественники должны были сначала отправиться поездом в Кемпер — город на юге Бретани.

Делегат-коммунист явился точно к указанному времени. Каково же было удивление худого, изможденного, обеспокоенного предстоящей миссией, строго подчинившегося инструкции (никакого багажа!) Фернана Гренье, когда он увидел

Реми. Тот шел уверенной походкой, разодетый, в сопровождении нескольких молодых людей, тащивших за ним тяжелые вещи. Гренье просто обомлел. Он особенно удивился большому серому пакету полутораметровой высоты. Контролер вообще запретил грузить его в вагон. Но попутчики Реми все же как-то смогли протащить пакет. Когда поезд тронулся, Гренье осмелился спросить Реми, что же это такое. И тот ему спокойно ответил: «Горшок с азалией для мадам де Голль».

В Кемпере Реми нанял носильщика, доставившего его вещи в гостиницу. Он пригласил Гренье позавтракать в хороший ресторан. Коммунист, после своей тяжелой жизни в подполье, с ужасом констатировал, что Реми за один завтрак потратил такую сумму, на которую он с женой в Париже жил бы месяц. Днем путешественники сели в автобус и отправились в Понт-Авен, городок на Атлантическом побережье. Опять возникли трудности с азалией. Ее пришлось укрепить на крыше. Автобус был битком набит — стояла страшная духота. Обессиленному Гренье стало плохо. Реми страшно перепугался. Тогда открыли окно. Бедного делегата быстро привели в чувство и усадили на освободившееся место. В Понт-Авен прибыли вечером. Остановились в небольшом домике, где Реми все хорошо знали.

Утром, когда едва рассвело, двух мужчин взял на борт небольшой рыболовецкий катер. С него они должны были в открытом море пересесть на английское судно. Но в этот день поднялся страшный шторм. В результате французский траулер не смог доплыть до английского корабля к назначенному часу. Пришлось вернуться в Понт-Авен. Оба путешественника даже обрадовались этому. Все время, проведенное на воде, Гренье страдал от морской болезни, а Реми что-то попало в глаз, и он тоже не находил себе места.

На следующий день все повторилось сначала. На сей раз удалось добраться вовремя до английского катера. Когда французское судно оказывалось на гребне волны, все желающие перебраться на соседний катер сильно отталкивались и прыгали прямо в руки английских матросов. Последней «перепрыгнула» азалия. И вот, через несколько часов — долгожданный конец мучительного переезда, английский порт Фалмут.

Реми сразу же уехал в Лондон. А Гренье пока отвезли на уединенную виллу в лесу. Там он пробыл, скорее всего, дней десять, под надзором хозяина. Такую процедуру проходили все прибывающие из оккупированных стран. В это время английские разведывательные службы Интеллидженс Сервис наводили о них справки{227}.

Фернан Гренье встретился с де Голлем в первый раз после

того, как тот вернулся из Марокко. Следуя инструкции, которая была дана Дюкло, делегат ФКП посетил и Богомолова. Но здесь произошло недоразумение. Посол явно не был оповещен о приезде Гренье и поэтому с недоумением сообщил о случившемся в Москву своему куратору Деканозову. А тот, в свою очередь, немедленно, 3 февраля 1943 года отписал Димитрову в Коминтерн:

> «В Лондоне к нашему послу товарищу Богомолову явился Фернан Гренье, назвавшийся уполномоченным Национального Комитета Французской Коммунистической партии для связи с де Голлем. Он рассказал, что Центральный Комитет Французской Компартии получил от де Голля предложение о создании постоянной связи. Дюкло, Торез и др. якобы решили послать его — Гренье.
>
> По сообщению Богомолова, Гренье 41 год, рыжеватый, лысый, нос длинный, глаза карие, выглядит старше своих лет… Находится в Лондоне около месяца. В Национальном комитете ему дали работу по пропаганде внутри Франции.
>
> Просьба сообщить, что Вам известно о Гренье и его связи с де Голлем»{228}.

На следующий день Димитров незамедлительно отвечает Деканозову:

> «Товарищ Гренье нам хорошо известен. Он бывший депутат Компартии Франции и председатель французского общества "Друзей Советского Союза". Честный и преданный.
>
> Он был послан ЦК Компартии Франции в качестве ее представителя при Национальном комитете де Голля. Учитывая плохое окружение де Голля, ему было дано, с нашего согласия, поручение время от времени просить у Богомолова необходимую информацию, чтобы он мог лучше ориентироваться в лондонской обстановке…»{229}

Таким образом небольшой инцидент был исчерпан. А 26 февраля уже сам Гренье посылает в Москву подробное письмо на имя Андре Марти: «Несмотря на тридцать истекших, очень трудных месяцев и суровые лишения, со мной, как сказал доктор, ничего серьезного нет: побольше еды и все будет… х-а-р-а-ш-о! Но какая же прекрасная у нас партия и как хорошо держались наши

мужчины перед врагом… Мне предстоит здесь большая работа… выступления по лондонскому радио и с различными статьями»{230}. Отдельный раздел своего письма Гренье озаглавил «Генерал де Голль».

В нем он подчеркнул: «…на подаренной мне фотографии он надписал: "Моему другу. Сражающемуся французу Фернану Гренье". У меня вообще складывается впечатление, что де Голль очень изменился за последние два года. Он все более и более отчетливо понимает, что во Франции завтрашнего дня ничего нельзя будет сделать без рабочих масс»{231}.

В начале 1943 года у де Голля в Лондоне побывали многие представители различных политических направлений Сопротивления. Среди них — социалисты Венсан Ориоль и Андре Лё Трокёр, радикал Анри Кей, лидер правой Республиканской Федерации Луи Марэн. 15 февраля в английскую столицу прибыл Жан Мулен. На него генерал возложил новую ответственную миссию объединения всех организаций Сопротивления и партий, выступавших против оккупантов и вишистов в единый Национальный совет Сопротивления. Мулен вернулся во Францию во второй половине марта и сразу приступил к работе. Еще до этого де Голль назначил генерала Делестрена командующим тайной армией.

Де Голль рассчитывал, что в схватке с американцами, англичанами и Жиро его поддержит СССР. Москва внимательно наблюдала за тем, что происходит в Северной Африке, однако не считала нужным вмешиваться. Еще 16 января 1943 года Майский в своем дневнике записал: «Москва не хочет втягиваться в генеральские комбинации, не рекомендует делать никаких заявлений британскому правительству. Но де Голля предпочитает Жиро»{232}.

Глава Сражающейся Франции сам проявляет инициативу. 1 апреля, вскоре после отправки Мулена в оккупированную Францию, он приходит в Лондоне к Богомолову и заявляет ему, что хочет приехать в СССР и встретиться со Сталиным{233}. Просьбу де Голля советская сторона опять оставляет без внимания.

В апреле противостояние главы Сражающейся Франции и Жиро переходит в решающую стадию. Союзники требовали немедленного прибытия де Голля в Алжир и подписания соглашения с Жиро. Генерал медлил и пока послал туда в качестве своего представителя Катру. Он ждал вестей из Франции, от Мулена.

В мае потерявшие терпение Рузвельт и Черчилль были склонны вообще «покончить» с несговорчивым главой

Сражающейся Франции. В письме Антони Идену британский премьер прямо его спрашивает: «Не следует ли сейчас устранить де Голля как политическую силу?» А Рузвельт напоминает Черчиллю, как генерал настойчиво требовал передать ему власть над Мадагаскаром. «Так, может быть, — пишет он, — сделать его губернатором острова?»{234} Доброжелательную позицию по отношению к де Голлю занял только Иден, заявивший, что отстранить его от дел уже невозможно.

27 мая во Франции был создан Национальный Совет Сопротивления. Жан Мулен стал его председателем. Он отправил главе Сражающейся Франции телеграмму, в которой говорилось, что «французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрейшего учреждения в Алжире Временного правительства под председательством генерала де Голля»{235}.

Так, получив крупный козырь и представ перед общественным мнением в качестве национального лидера, пользующегося безоговорочной поддержкой движения Сопротивления, де Голль 30 мая прибыл в Алжир.

Французский комитет национального освобождения

30 и 31 мая де Голль встречался в алжирской столице с Жиро. Они вели переговоры о создании «нового органа французской власти» и о том, кто должен в него войти. Взаимопонимания у собеседников не возникло. Глава Сражающейся Франции требовал немедленного устранения бывших вишистских губернаторов Буассона, Ногеса и Пейрутона. Жиро противился. И все-таки двум генералам удалось договориться. 3 июня 1943 года они подписали в Алжире ордонанс, учреждающий Французский комитет национального освобождения (ФКНО) и его первую декларацию. Посол СССР в Лондоне Майский записал по этому поводу в своем дневнике: «Де Голль требовал отставки Пейрутона, даже не посоветовавшись с Жиро. Произошла ссора. Жиро был в бешенстве, и соглашение повисло в воздухе. В конечном счете Макмиллану удалось утихомирить разбушевавшиеся страсти и свести вместе развоевавшихся генералов. Комитет был образован. Макмиллан даже доносил в Лондон, что в конце длинного заседания де Голль и Жиро обнялись. Забавный народ эти французы!»{236}

В комитет вошли де Голль и Жиро в качестве председателей, а также еще пять человек — генералы Катру и Жорж, Андре Филип, Рене Массигли и Жан Монне. Свои задачи ФКНО видел в том, чтобы вместе с союзниками продолжать борьбу «до полного освобождения французских территорий и территорий союзников, до победы над всеми враждебными державами». Комитет обязался «восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим»{237}.

7 июня были сформированы комиссариаты (министерства) ФКНО, а его состав расширен. По предложению де Голля в него вошли Рене Плевен, Анри Бонне, Андре Дьетельм и Адриен Тиксье. По предложению Жиро — Морис Кув де Мюрвиль и Жюль Абади. Теперь членов комитета стало четырнадцать, причем девять из них принадлежали к Сражающейся Франции. О своей поддержке де Голля заявили также Монне и Кув де Мюрвиль. Таким образом расстановка сил сложилась в его пользу, и он одержал свою первую победу в Алжире.

Де Голль, конечно, считал, что за спиной Жиро и его ставленников стоят англичане и американцы. 12 июня он писал жене, пока остававшейся в Лондоне: «Ты даже не можешь себе представить ту атмосферу лжи и обмана, в которую меня

погрузили наши замечательные союзники и их здешние милые друзья. Нужно быть не из робкого десятка и думать только о Франции, чтобы не послать все ко всем чертям»[238].

Соединенные Штаты и Великобритания, действительно, как и прежде, поддерживали Жиро. А вот Москва сразу взяла сторону де Голля. После образования комитета Майский отмечал в дневнике: «…во всех публичных выступлениях СССР для Жиро не существует! Нас он либо совсем не упоминает, либо, когда не может этого избежать, упоминает скороговоркой, вскользь, так, чтобы никто не заметил. Вредный человек Жиро. Де Голль тоже не идеал, но все-таки он неизмеримо более приемлем»[239].

Скорее всего, посол поделился своими мыслями и с наркомом иностранных дел. Во всяком случае, уже 16 июня 1943 года Молотов послал Богомолову в Лондон следующую телеграмму: «Сообщаем Вам для ориентировки и руководства, что в вопросе об отношении к де Голлю и Жиро следует держаться следующей установки.

Первое. Мы даем предпочтение де Голлю, так как он является непримиримым к правительству Виши и гитлеровской Германии, тогда как у генерала Жиро отсутствует такая непримиримость.

Второе. Мы предпочитаем поддерживать де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями, тогда как генерал Жиро проявляет враждебность в отношении республиканско-демократических традиций Франции»[240].

Собственной главной целью де Голль считал борьбу за скорейшее освобождение Франции. Накануне приезда в Алжир он подчеркивал в одном из писем: «Надо по-новому воссоздать Францию. Случившаяся страшная трагедия, по крайней мере, предоставляет нам такую возможность. Горе нам навсегда, если мы ее не используем»[241]. О прошлом и будущем отечества генерал говорил и в речи 14 июля 1943 года. «Французы, — заявил он, — вот уже пятнадцать веков мы есть Франция, пятнадцать веков наша родина существует и в своей скорби и в своей славе. Наши испытания еще не пришли к концу, но уже определяется исход самой тяжелой драмы в нашей истории. Выше головы, по-братски сплотимся друг с другом и пойдем все вместе к нашим новым судьбам»[242].

Генерал предпринял ряд энергичных мер по ликвидации вишистских порядков во французской Северной Африке. Это повысило престиж де Голля в глазах участников Сопротивления. Все его организации, в том числе ФКП, выступили за признание созданного в Алжире комитета. После оккупации немцами территории всей Франции действовать в подполье стало все

труднее. Гестапо начало аресты. В июне 1943 года были схвачены руководитель тайной армии генерал Делестрен и председатель Национального Совета Сопротивления Жан Мулен. В начале следующего года арестовали Пьера Броссолета[25].

Не избежали преследований и родные де Голля. В 1943 году братьям генерала Ксавье и Жаку удалось перебраться в Швейцарию. Но его младший брат Пьер и сестра Мари-Аньес с мужем были депортированы. Несколько племянников де Голля бежали из Франции к нему в Алжир. В конце июля 1943 года в алжирскую столицу перебрались Ивонна с Анной. Генералу и его семье выделили небольшую виллу «Оливковые деревья», построенную в мавританском стиле. Элизабет пока оставалась в Англии. Она заканчивала учебу на филологическом факультете одного из Оксфордских колледжей и приехала к родителям только в 1944 году. Филипп служил на обедом корабле, участвовавшем в операциях против немецких конвоев у берегов Нормандии и Бретани.

26 августа 1943 года Французский комитет национального освобождения одновременно признали США, Великобритания и СССР, правда, с разными формулировками. Самым благосклонным к ФКНО было заявление Советского Союза, в котором указывалось, что правительство СССР решило признать комитет «как представителя государственных институтов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании»{243}.

Представителями Англии и Соединенных Штатов при ФКНО оставались Макмиллан и Мерфи. Англичане и американцы долго противились тому, чтобы в Алжир из Лондона переехал Богомолов. Они опасались, что присутствие при комитете посла СССР, явно поддерживающего де Голля, послужит укреплению его положения и ослаблению позиций Жиро. Тем не менее в Москве нашли выход из создавшейся ситуации. Было принято решение использовать для связи с де Голлем так называемую Комиссию по репатриации, имевшую ставку в Алжире. СССР входил в ее состав. В качестве представителя комиссии из Тегерана в алжирскую столицу в августе 1943 года вылетел опытный советский разведчик Иван Иванович Агаянц. Под фамилией Авалов он вошел в контакт с де Голлем и поддерживал с ним постоянную связь вплоть до октября, когда в Алжире, наконец, появился Богомолов{244}.

Как только Авалов прибыл в алжирскую столицу, к нему пришел Гастон Палевски, ставший директором кабинета де Голля, и заявил: «Де Голль намерен… при первой возможности выехать в Москву для личной встречи с руководителями вашего

правительства. Этой поездкой он намерен добиться установления тесного франко-советского сотрудничества, укрепить свои позиции в самой Франции, а также свои внешние позиции, считая, что встреча с И. В. Сталиным явится важным международным событием… Возможно, что предварительно он поедет в Лондон или Вашингтон»[245].

3 сентября генерал лично повидался с Аваловым, после чего тот сообщил в Москву: «В целях возможности выработки единого мнения по вопросам о принципах политической организации будущей Европы де Голль хочет поехать в Москву для встречи со Сталиным. Он считает, что дату свидания должна установить Москва. Он интересовался маршрутом поездки и климатическими условиями»[246]. Ответ де Голль получил 13 октября 1943 года от прибывшего в Алжир Богомолова. Посол СССР сказал ему, что «поставленный им вопрос о желании посетить Москву был встречен благожелательно, но что дата посещения потребует согласования, и если он хочет приехать в Москву, то пусть даст свои предложения»[247].

Де Голль был рад, что Сталин согласился с ним встретиться. Однако в ближайшее время он не счел возможным отправиться в столицу СССР. Пока ему предстояло решить ряд важных вопросов в Алжире. Больше всего его волновала «проблема Жиро». Член ФКНО Морис Кув де Мюрвиль утверждал: «Совершенно очевидно, что Жиро не мог сравниться с де Голлем. Он был прекрасным военным, но политический ум у него просто отсутствовал. Жиро не имел ни малейших представлений о том, какой должна быть политика, особенно при тех сложных обстоятельствах, в которых в то время находилась Франция. Поэтому само собой разумеется, что де Голль завоевал авторитет, возглавил работу комитета и взял все в свои руки еще до того, как Жиро удалился»[248].

Де Голль, действительно, один начал принимать важные решения, на которые Жиро просто не был способен. Однако сразу отстранить его от дел не удалось. Но бывший глава Сражающейся Франции нашел путь, следуя которому он смог это сделать. Сначала де Голль с согласия Жиро назначил его главнокомандующим французскими военными силами, а потом уже вынудил оставить пост председателя ФКНО. Генерал убедил Жиро, что совмещать две такие ответственные должности невозможно. 6 ноября члены комитета приняли решение о разделении военного командования и политической власти, 9 ноября де Голль переформировал ФКНО и стал его единоличным председателем.

Союзники немедленно отреагировали на такое событие. В своем отчете Богомолов писал в Москву: «Переворот 6 ноября

1943 года, то есть освобождение ген. Жиро от обязанностей председателя Нацкомитета, а также смена ряда нацкомиссаров — все это явилось крупной победой де Голля. Политическое поражение ген. Жиро было ловко замаскировано потрепанным французским принципом: "Армия вне политики". Жиро оказывали знаки уважения, но устраняли от политической власти»[249].

Англичане и американцы быстро смирились со случившимся. 13 ноября посол США в Москве Аверелл Гарриман в беседе с заместителем наркома иностранных дел Андреем Януарьевичем Вышинским «охарактеризовал Жиро как военного человека, а не политического деятеля, добавив, что американское правительство рассчитывало на политическую активность Жиро, но эта надежда не оправдалась»[250].

Еще до устранения Жиро де Голль приступил к осуществлению широкой политической программы. Он думал о грядущей Франции и стремился уже в Алжире создать основы для ее будущих государственных институтов. 17 сентября 1943 года ФКНО принял ордонанс об учреждении в алжирской столице подобия парламента — Временной Консультативной Ассамблеи. Ее сформировали из 94 человек — представителей организаций Сопротивления, бывших парламентариев и делегатов населения освобожденных территорий. Восемь из них были коммунистами. В начале ноября члены комитета приняли решение о введении в свой собственный состав представителей основных политических течений и организаций Сопротивления. В него теперь входили Эммануэль д'Астье де Ля Вижери, Франсуа де Мантон, Анри Френэ, Рене Капитан, Андре Филип, Андре Лё Трокёр, Пьер Мендес-Франс, Анри Кей и другие. Обсуждался вопрос о вхождении в состав ФКНО коммунистов. Но он был решен лишь через некоторое время.

На первом заседании ассамблеи 3 ноября 1943 года де Голль выступил с речью перед собравшимися депутатами. Она была красивой и торжественной. Генерал сказал: «На тернистом пути, которым идет нация и который шаг за шагом приближает ее к спасению и величию, созыв Консультативной ассамблеи знаменует собой выдающийся этап, значение которого очевидно для всех»[251]. Председатель ФКНО также заявил о программе реформ, которую собирался осуществить после освобождения Франции, и выразил надежду, что они будут поддержаны ее народом. В несколько замысловатой и завуалированной форме де Голль выдвинул идею «сильного государства», указав, что Франция, конечно, «хочет, чтобы люди, которым она поручит управление страной, обладали возможностью делать это достаточно последовательно и энергично, подчиняя всех граждан

внутри страны высшему авторитету государства и проводя за его пределами достойную Франции политику»{252}. Далее генерал высказал уверенность в том, что Франция «хочет положить конец экономической системе, в которой основные источники национального богатства не принадлежат нации, где важнейшие процессы производства и распределения ускользают из-под ее контроля, где организации трудящихся отстранены от деятельности предприятий»{253}. Последнее заявление явно свидетельствовало о желании председателя ФКНО заручиться поддержкой левых сил, коммунистов, социалистов, профсоюзов, играющих важнейшую роль в движении Сопротивления.

Осенью 1943 года после освобождения союзниками Сицилии и Южной Италии и создания там правительства маршала Пьетро Бадольо, объявившего войну Германии, была создана Консультативная комиссия по Италии. В нее вошли представители США, Великобритании, СССР, а также ФКНО. В октябре французские войска совместно с солдатами Бадольо освободили Корсику. Это было несомненным успехом. Правда, в конце ноября де Голля не пригласили на Тегеранскую конференцию. И, тем не менее, он уже прочно утвердился у власти. Генерал стал не только политиком, но и бесспорным главой будущей Франции, которая ждала освобождения.

На родной земле

С начала 1944 года де Голль всецело посвятил себя французской политике. В конце января по его инициативе в Браззавиле была проведена конференция по проблемам развития стран французской Африки. Глава ФКНО прибыл в столицу Конго и произнес перед собравшимися длинную речь. Он вспомнил о недавнем прошлом французских колоний, подчеркнув, что «в том отчаянном положении, в какое Франция была поставлена временным поражением, именно ее заморские территории, население которых во всех частях света ни на минуту не отказало ей в своей верности, явились для страны прибежищем и базой для организации борьбы за свое освобождение… в результате этого между метрополией и империей отныне существуют нерасторжимые узы»{254}.

Генерал также дал понять, что в будущем колониальная политика Франции непременно претерпит изменения. «Подобно тому как камень, брошенный по склону холма, — отметил он, — катится вниз с возрастающей скоростью, так и дело, начатое нами в Африке, неизменно возлагает на нас все большие и большие обязанности. К началу нынешней мировой войны уже становилась очевидной необходимость изменить основы, на которых строилось использование природных богатств наших владений в Африке, улучшить жизненные условия ее населения и осуществление французского суверенитета»{255}.

Связи комитета и его председателя с Сопротивлением постоянно расширялись. Де Голль старался привлечь на свою сторону как можно больше представителей некоммунистических организаций с тем, чтобы после освобождения они поддержали его действия. В начале 1944 года таких людей было уже достаточно много. Среди них — будущие активные деятели голлистского движения — Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдмон Мишле, Раймон Трибуле, Луи Терренуар, Луи Валлон и другие.

10 января де Голль подписал в Алжире ордонанс, санкционировавший деление территории Франции на региональные комиссариаты во главе с комиссарами, соответствовавшие существующим ранее префектурам. Комиссары должны были заменить по всей стране вишистских префектов. Именно на них де Голль рассчитывал опереться в провинции. Поэтому важный процесс выбора кандидатур он возложил на своих твердых сторонников, в частности на Дебре.

Председатель ФКНО был окончательно признан

Национальным Советом Сопротивления, который в марте опубликовал собственную программу. В ней вместе с требованием коренных демократических преобразований во Франции выдвигалось также условие создания Временного правительства республики во главе с де Голлем.

Сам глава ФКНО продолжал оглашать в Алжире свою политическую программу. Выступая перед депутатами консультативной ассамблеи 18 марта 1944 года, он заявил, что «сущность и форма французского общества завтрашнего дня могут быть определены лишь представительным органом нации, избранным на основе всеобщих, прямых и свободных выборов… Что касается правительства, которому национальное представительство доверит функции исполнительной власти, то для их осуществления оно должно обладать силой и устойчивостью, как этого требует авторитет государства и роль Франции в международных делах»{256}.

В июне 1944 года настал долгожданный час освобождения Франции. 3 июня ФКНО провозгласил себя Временным правительством Французской Республики. В тот же день де Голль вылетел в Лондон. 6 июня началась высадка союзных войск в Нормандии, получившая название операции «Овер-лорд». Ею командовал английский фельдмаршал Бернард Монтгомери. Общее руководство силами вторжения осуществлял американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. Вместе с англичанами и американцами в операции принимали участие французские войсковые соединения, сформированные еще ФКНО. Их возглавляли генералы Леклерк, Кёниг и Габриэль Коше.

14 июня председатель Временного правительства прибыл в Нормандию. В городке Байё он лично руководил торжественной передачей власти. Сместив вишистского префекта, де Голль назначил на его место Раймона Трибуле.

В конце июня генерал выехал в Италию, чтобы провести в Неаполе инспекцию войск Временного правительства, участвовавших в освобождении Апеннинского полуострова. Затем де Голль отправился в Рим, где 30 июня по его просьбе был принят папой Пием XII. Они вели беседу о будущем Европы и католицизма. Генерал придал большое значение своей встрече со святым отцом и нашел его «благочестивым, сострадательным, благоразумным, внушающим глубокое уважение»{257}.

В начале июля председатель Временного правительства по приглашению Рузвельта отправился в США. По существу, его прием в Белом доме означал, что «могущественная Америка» и ее великий президент, который еще два года назад и слышать ничего не хотел о мятежном французском генерале, теперь

признал его как главу Франции. После Вашингтона председатель Временного правительства побывал в Нью-Йорке, а затем — в канадской столице Оттаве и Монреале.

Из Америки де Голль вернулся в Алжир и 25 июля перед депутатами Национальной ассамблеи провозгласил: «В отношении политического строя мы свой выбор сделали. Мы избрали демократию и республику. Дать высказаться народу, другими словами, в наикратчайший срок заложить основы свободы, порядка и уважения прав и тем самым создать условия для проведения всеобщих выборов, в результате которых будет созвано Национальное учредительное собрание, — вот та цель, к которой мы стремимся»{258}.

15 августа началась операция «Энвил». Американские и французские войска высадились в южной Франции, в районе Марселя.

Известие об этом и послужило сигналом к национальному восстанию, за которое горячо ратовали коммунисты. Эту идею сначала поддержал и де Голль, опасавшийся, что в противном случае союзники захотят осуществлять управление в освобожденной Франции при помощи своей военной администрации. Национальное восстание быстро охватило 40 департаментов из 90. Под руководством коммунистов его готовились поднять и в Париже. Такой факт взволновал главу Временного правительства, который считал, что ФКП сможет «встать во главе восстания наподобие своеобразной коммуны»{259}. Представители де Голля, действующие во Франции, тоже опасались этого. Они сконцентрировали в столице боевые группы некоммунистических организаций Сопротивления и договорились об их поддержке силами парижской полиции и жандармерии, уже согласившихся перейти на сторону Временного правительства. Сторонники де Голля хотели, чтобы к Парижу как можно быстрее подошли войска союзников и предотвратили восстание. Шабан-Дельмас, назначенный де Голлем своим национальным военным делегатом и только что получивший за храбрость и отвагу чин бригадного генерала, даже добрался до Лондона, чтобы убедить английское командование срочно двинуть одно из войсковых подразделений на Париж{260}.

Союзники согласились выполнить такую просьбу и направили во французскую столицу бронетанковую дивизию под командованием генерала Леклерка. Правда, еще до ее прихода в город восстание все-таки началось. 24 августа, когда танки Леклерка вступили в Париж, его основная часть уже была освобождена французскими патриотами. 25 августа командующий войсками парижского района коммунист Жорж

Роль-Танги и генерал Леклерк приняли официальную капитуляцию немецкого гарнизона.

В тот же день в Париж прибыл председатель Временного правительства. Леклерк встретил его на вокзале Монпарнас. В это время там находился и Шабан-Дельмас, который впервые в жизни увидел де Голля. Он оставил в своих мемуарах такое воспоминание об их первой встрече: «Де Голль оказался выше, чем я предполагал. Худой, твердо стоящий на ногах, с сосредоточенным видом, со сверкающим и в то же время печальным взглядом. Я был просто покорен его лицом, которое выражало уверенность в своей судьбе. Это была сама Франция. "Мой генерал, — спросил его Леклерк, — вы знакомы с генералом Шабаном?" Тогда он опустил на меня свой взгляд. Я уже был готов провалиться сквозь землю, как вдруг в его орлином взгляде промелькнуло что-то похожее на нежность. Статуя оживилась. Я был удостоен крепкого рукопожатия, а его голос в это время произнес всего два слова, но таких, перед которыми поблекли бы любые почести и награды: "Молодец, Шабан". Этим было все сказано»{261}.

Де Голль сел с Леклерком в машину, и они направились в военное министерство на улицу Сен-Доминик. Глава Временного правительства отдал приказ о восстановлении порядка в столице. Потом он поднялся в свой кабинет, где работал на посту заместителя военного министра в страшные дни июня 1940 года. Генерал окинул взором комнату. Кипы досье с письменного стола исчезли, но стояли те же телефонные аппараты. Он прошел к дальнему углу, заметив там за мебелью стоявший железный сундучок. Де Голль с тревогой открыл его и взял в руки свою сенсирскую саблю{262}. Она простояла здесь все четыре с лишним года, терпеливо дожидаясь хозяина. И он вернулся, он наконец дома.

Из военного министерства председатель Временного правительства выехал в городскую ратушу — Отель де Виль, — где его ждали Жорж Бидо, глава Национального Совета Сопротивления и другие его представители, а также члены парижского комитета освобождения, главные участники парижского восстания.

26 августа рано утром де Голль покинул военное министерство и обошел весь квартал вокруг дворца Инвалидов. Он шагал по улицам, где ему с детства были знакомы каждый дом и каждый дворик. Ноги сами принесли его к церкви Сен-Франсуа-Ксавье, в которую его с братьями и сестрой водили еще родители{263}. Ничего не изменилось. Как будто бы он и не пережил суровых лет изгнания.

Столица Франции ликовала. Днем председатель Временного правительства приехал на площадь Звезды и торжественно зажег под Триумфальной аркой вечный огонь на могиле неизвестного солдата, потушенный оккупантами четыре года назад.

От площади Звезды де Голль отправился пешком по Елисейским Полям. Многотысячная толпа заполнила весь проспект. Люди буквально висели на окнах, балконах, крышах, фонарях. Он вспоминал, что шел тогда «взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликованье невозможно описать… сопровождаемый громом голосов, выкрикивающих его имя»{264}.

Родной любимый Париж приветствовал его. Он пришел в первый раз к Триумфальной арке маленьким мальчиком, которого держал за руку отец. Он прощался со столицей юношей перед отъездом на фронт Первой мировой, мечтая совершить доблестный подвиг. Он пытался десять лет назад убедить тех, кто правил в этом городе, следовать выдвинутой им военной доктрине, чтобы не случилось беды. Он покидал Париж в июньских сумерках 1940 года, возвещавших кошмар фашистского нашествия. И вот он вернулся — победителем, национальным героем, председателем Временного правительства Французской Республики. Возможно ли в это поверить? Да! Он выковал свою судьбу, смог сорвать с неба свою звезду и все свои мечты сделал явью.

Куда он шел сейчас? Конечно, к собору Парижской Богоматери. Именно туда приезжали французские короли, чтобы воздать хвалу Господу за победы, одержанные над врагом. Генерал вошел в собор, чтобы присутствовать на Магнификате, торжественной похвальной молитве. Через несколько дней он скажет сыну: «Если бы ты знал, сколько раз за эти страшные четыре года мне слышались звуки музыки этого победного Магнификата, на котором я присутствую в окружении моих солдат!»{265}

29 августа де Голль впервые произнес речь по парижскому радио. «Франция воздает должное всем, — услышали французы, — кто своим участием содействовал парижской победе. И в первую очередь народу Парижа, который в глубине души никогда ни на один миг не мирился с поражением и гнетом, отважным людям, мужчинам и женщинам, долгое время оказывавшим упорное сопротивление поработителю, а потом они помогли разгромить его солдатам Франции, которые его разбили и уничтожили, воинам, явившимся сюда из Африки после множества тяжелых боев, и отважным бойцам, по собственному почину объединившимся в частях внутреннего Сопротивления.

Однако превыше всего Франция чтит тех, кто отдал свои жизни за родину на полях сражений или на виселицах»[266].

В начале сентября генерал Эйзенхауэр дал де Голлю согласие на участие в боях против Германии французских подразделений. Продолжал воевать и сын генерала Филипп. Он пришел в Париж с войсками, высадившимися в Нормандии, и теперь отправлялся на Западный фронт. В конце сентября во французскую столицу из Алжира переехали Ивонна с Элизабет и Анной.

9 сентября де Голль переформировал свое правительство. В него вошли как соратники генерала по Сражающейся Франции и Алжиру (Андре Дьетельм, генерал Катру, Рене Плевен, Луи Жакино, Рене Капитан, Рене Мейер), так и представители движения Сопротивления от правого до левого лагерей (правые Жюль Жаннене и Жорж Бидо, радикалы Пьер Мендес-Франс и Поль Джакоби, социалисты Робер Лакост и Франсуа Танги-Прижан, коммунисты Шарль Тийон, Франсуа Бийу и другие).

12 сентября генерал выступил во дворце Шайо перед представителями организаций Сопротивления, возрождающихся партий, профсоюзов и деловых кругов страны. В своей речи де Голль в общих чертах обрисовал планы правительства и заявил, что его кабинет останется у власти вплоть до окончания Второй мировой войны и возвращения на родину всех французских пленных и депортированных лиц. Сразу после этого будут проведены всеобщие выборы в Национальное собрание, которое решит судьбу Франции.

Де Голль указал, что одну из своих важнейших задач видит в укреплении авторитета Франции на мировой арене и что станет добиваться ее участия во всех важнейших международных конференциях союзников. Он отметил также, что его кабинет намеревается наказать предателей родины, конфисковать предприятия коллаборационистов, национализировать ряд важных отраслей экономики и всемерно способствовать восстановлению разрушенного войной хозяйства, поддержанию твердых цен и повышению, по мере возможности, жизненного уровня народа[267].

В течение осени глава Временного правительства вместе с представителями своего кабинета совершил целый ряд поездок по различным департаментам страны. Он знакомился с ситуацией на местах и давал указания комиссарам республики.

23 октября Временное правительство Франции было признано Соединенными Штатами, СССР и Великобританией. В начале ноября в Париж приехали Черчилль и Иден. Де Голль добился от британского премьера выделения для Франции зоны оккупации Германии.

Осенью 1944 года генерал возобновил переговоры с Богомоловым, переехавшим из Алжира в Париж, о своем посещении СССР. 13 ноября он получил от Молотова официальное приглашение. В Европе еще шли ожесточенные бои, поэтому де Голлю пришлось добираться через Африку и Азию. Сначала он прибыл в Каир, оттуда долетел до Тегерана. 27 ноября в столице Ирана его взял на борт советский военный самолет, приземлившийся в Баку.

Де Голля встретили представители Комиссариата иностранных дел. Вечером он в Азербайджанском оперном театре слушал оперу Узеира Гаджибекова «Кёр оглы». 30 ноября глава Временного правительства Франции был уже в Сталинграде, откуда он спецпоездом 2 декабря прибыл в Москву. На вокзале перед микрофоном и кинокамерами де Голль сказал: «Я счастлив и польщен тем, что нахожусь в столице Советского Союза, принеся сюда дань уважения Франции»{268}.

В тот же вечер де Голль впервые встретился со Сталиным. Начавшиеся переговоры оказались непростыми. Камнем преткновения стал «польский вопрос». Глава Временного правительства Франции упорно не соглашался на настоятельное предложение советской стороны признать поддерживаемый СССР Польский комитет национального освобождения. Никита Сергеевич Хрущев, присутствовавший на переговорах, понял, что переубедить генерала очень трудно. Он писал: «Де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового»{269}.

Сам глава Временного правительства Франции внимательно присматривался к Сталину. Он охарактеризовал его как «одержимого жаждой власти, измученного болезнью заговоров, вынужденного скрывать свое истинное лицо, воспринимающего Россию как мистическую, сильную и стойкую… принявшую его самого как царя». Де Голль назвал Сталина дьяволом, целью которого было «объединить славян, раздавить германцев, распространить свое влияние в Азии и достичь дальних морей»{270}. Генерал внимательно слушал генералиссимуса. Одна из его фраз запала ему в память навсегда: «В конечном счете все побеждает смерть»{271}.

В перерывах между встречами с советскими руководителями французы — вместе с де Голлем в СССР приехали министр иностранных дел Франции Жорж Бидо, а также генерал Жуэн, Морис Дежан, Гастон Палевски и Жан Лялуа — знакомились с Москвой. Короткие декабрьские дни были мрачными и морозными. Заснеженная столица Советского Союза не

показалась гостям приветливой. И все же они выходили из здания Французской дипломатической миссии, особняка Игумнова на Большой Якиманке, где остановились, на прогулки и экскурсии. Де Голля впечатлили Кремль и московское метро. Один раз председатель Временного правительства присутствовал на мессе во французской католической церкви — костеле Людовика на Малой Лубянке. 3 декабря он был на балете Адана «Жизель» в Большом театре, а 6 декабря смотрел концерт Краснознаменного ансамбля песни и пляски в Доме Советской Армии. 9 декабря де Голль в особняке Игумнова наградил французскими орденами и медалями бойцов эскадрильи «Нормандия-Неман».

По прошествии недели сторонам удалось достичь компромисса по спорному «польскому вопросу», и 10 декабря 1944 года в 4 часа утра в Кремле де Голль, Бидо, Сталин и Молотов подписали советско-французский договор о взаимной помощи.

Генерал был очень доволен, что переговоры увенчались успехом. Перед отъездом на родину он вручил руководителю СССР памятные подарки — старинную гравюру, изображающую прием Петра Великого королем Людовиком XV в Париже 11 мая 1717 года, настольные часы с «невидимым механизмом» и шесть бутылок коньяка 1859 года розлива, взятых в Государственной коллекции французских вин{272}. Сталин, несмотря на ранний час, пригласил всех присутствующих к столу. Он поднял бокал «за Францию, которую теперь возглавляют решительные и непоколебимые руководители, и пожелал ей стать великой и могущественной»{273}.

Председатель Временного правительства придавал заключению советско-французского договора большое значение. По возвращении в Париж он посвятил этому событию отдельную речь, произнесенную в консультативной ассамблее. «Договор о взаимной помощи, — указал он, — который Франция заключила с Советской Россией, отвечает тенденции, ставшей в обеих странах естественной и традиционной… Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла.

Эта истина, вытекающая для народов из всего, что им пришлось пережить, господствовала, могу сказать, на переговорах в Москве, оба правительства на такой основе пришли к выводу о необходимости особого союза между Россией и Францией. Это, по мнению обеих сторон, основной этап победы, а завтра — безопасности»{274}.

Часть III
САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ИЗ ФРАНЦУЗОВ

Испытание республикой

В начале 1945 года войска союзников освободили территорию всей Франции от оккупантов, и она постепенно возвращалась к мирной жизни. Престиж де Голля в стране был очень высок. Большинство французов видели в нем освободителя отечества. Председатель Временного правительства стремился представить себя главой всей нации. В действительности он, конечно, тяготел к правому политическому лагерю. Ведь генерал с юных лет воспринял и впитал в себя его важнейшие атрибуты — национализм, католицизм, идею сильного государства. Но правые дискредитировали себя, передав в 1940 году власть Петэну. В движении же Сопротивления, сыгравшем огромную роль в борьбе против нацистов и их пособников, главной составляющей были левые силы — коммунисты и социалисты. Они пользовались в освобожденной Франции большим влиянием. Де Голль, безусловно, не разделял их партийных взглядов. Тем не менее он понимал, что дух времени требует воплотить в жизнь некоторые левые идеи. Именно поэтому генерал еще в Алжире начал сотрудничество с социалистами и коммунистами, включив их сначала в ФКНО, а потом во Временное правительство. Теперь он приступил к проведению во Франции прогрессивных реформ, о которых говорил еще будучи председателем ФКНО.

Прежде всего де Голль подписал закон о национализации. Согласно ему в государственный сектор экономики перешли угледобывающая и газовая промышленность, электроэнергетика, морское судоходство, воздушный транспорт, авиапромышленность, автомобильные заводы «Рено», центральное эмиссионное учреждение — Французский банк, четыре крупнейших депозитных банка, сберегательные кассы, страховые компании. Всем владельцам государство выплатило компенсации. Исключение составил лишь Луи Рено, который активно сотрудничал с оккупантами.

Правительство провело ряд очень важных мероприятий в социальной сфере — восстановило профсоюзные свободы, увеличило в среднем на 50 % заработную плату, утвердило оплачиваемые отпуска, ввело систему семейных пособий для многодетных матерей и страхования по болезни, беременности, старости. Впервые во Франции было предоставлено право голоса женщинам на общенациональных выборах.

В течение 1945 года в стране провели чистку государственного аппарата от вишистов. Почти 40 тысяч коллаборационистов приговорили к тюремному заключению, 2

тысячи — к смертной казни. Все министры Виши во главе с маршалом Петэном и Лавалем предстали перед судом по обвинению в государственной измене. Суд приговорил Петэна и Лаваля к высшей мере наказания. Де Голль не вмешивался в судебные заседания и ни разу не присутствовал на их слушаниях. Маршал давно перестал его интересовать. Однако он помиловал 89-летнего Петэна, заменив ему смертную казнь пожизненным заключением. Лаваль же был расстрелян.

Внешней политике страны де Голль посвящал ничуть не меньше времени, чем внутренней. Он продолжал всеми силами бороться за восстановление международного авторитета Франции. Однако председателя Временного правительства ждали новые разочарования. В феврале 1945 года союзники не пригласили генерала на Ялтинскую конференцию. Там встретились только Сталин, Рузвельт и Черчилль. В отсутствие де Голля они подтвердили, что Франция получит свою зону оккупации Германии и войдет наравне с США, Великобританией и СССР в так называемый Союзный контрольный совет. Франция получила также одно из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности формирующейся Организации Объединенных Наций (ООН). Это были явные успехи. И тем не менее главу Временного правительства очень огорчил тот факт, что его не захотели видеть в Ялте, скорее всего по настоянию американского президента. На обратном пути в США Рузвельт сделал остановку в Алжире. Он просил де Голля приехать в алжирскую столицу, чтобы повидаться с ним. Обиженный генерал отказался{275}.

Французские подразделения участвовали в последних битвах войны в Европе и дошли до Берлина и Вены. 8 мая 1945 года Франция в лице генерала Жана-Мари де Латра де Тассиньи участвовала в подписании акта капитуляции Германии. Председатель Временного правительства пристально наблюдал за событиями на фронтах и затем следил за развитием ситуации во французской зоне оккупации. 3 июня он писал де Латру де Тассиньи: «Я удивлен, что с момента окончания военных действий, получил от вас всего несколько отчетов. Прошу вас писать мне ежедневно об администрировании австрийских и немецких территорий силами, находящимися под вашим руководством, о политической и экономической ситуации, о моральном состоянии населения и его отношении к войскам, об атмосфере, царящей в нашей армии, и ее связях с союзниками»{276}.

18 июня в Париже, на холме Валерьен, председатель Временного правительства присутствовал на церемонии, посвященной годовщине его исторического призыва к

французам[26].

В августе открылась Потсдамская конференция, на которую де Голля тоже не пригласили. Он с горечью отмечал в своем дневнике: «Еще раз все происходит таким образом, что сначала все решают без нас, а потом уже спрашивают нашего согласия, не сомневаясь, что оно поступит»{277}. Но, конечно, генерал одобрил постановления Потсдамской конференции, одним из которых Францию вместе с США, Англией и СССР ввели в Совет министров иностранных дел. Он был призван решать проблемы мирного урегулирования. В конце августа глава Временного правительства отправился в Соединенные Штаты по приглашению нового президента Гарри Трумэна. 2 сентября от имени Франции генерал Лекрерк подписал капитуляцию Японии. В октябре де Голль побывал во французской зоне оккупации Германии.

В Париже председатель Временного правительства продолжал работать в здании военного министерства на улице Сен-Доминик, а жил с семьей в небольшом доме около Булонского леса. В часы отдыха он вел переписку с родными и близкими. Генералу присылали письма и свои произведения известные французские писатели. Он отвечал им, читал некоторые присланные романы, принимал писателей у себя. Де Голль навсегда запомнил фразу Цезаря — «С самых ранних лет я понял, что истинные поэты и историки — лучшее украшение страны» — и был полностью солидарен с великим римлянином. Он по собственной инициативе познакомился с Франсуа Мориаком, Жоржем Дюамелем, Андре Мальро, Жоржем Бернаносом. 5 февраля 1945 года генерал писал Дюамелю: «Подарок вашего замечательного издания "Страсть Жозефа Паскье" — меня очень тронул. Я не утерял вкус к красивым книгам и благодарен вам за то, что вы напомнили мне о их существовании»{278}.

В конце 1944 года председатель Временного правительства познакомился с Клодом Мориаком, публицистом, сыном известного писателя. Постепенно они сблизились. Мориак начал постоянно бывать у де Голля (одно время был даже его секретарем), вести записи их разговоров на самые разные темы. Так он стал своего рода «придворным историографом» генерала{279}. «Наши первые встречи с де Голлем, — писал Мориак, — произвели на меня такое впечатление, что любое свидание с ним мне казалось очень важным». И далее он обрисовал портрет генерала: «Этот величественный человек всегда держался на расстоянии и как бы охранял свой престиж. Но лишь только я оставался с ним наедине во время наших бесед, он становился более доступным. Даже если перед ним была тысяча людей, он излучал из себя какое-то сияние, заставлявшее

видеть его одного. Подписывая или читая письма, которые я ему давал, он всегда комментировал текст, часто воскрешая в памяти прошлое, своих бывших друзей или красоту девушек ушедших времен. И вот вдруг за незначительными размышлениями неожиданно проскальзывало признание, откровение, ставившее под сомнение самые серьезные государственные дела»[280]. Со временем де Голль позволил приблизиться к нему французскому журналисту Жану-Раймону Турну, который также в течение многих лет вел записи и затем опубликовал их[281].

Многие писатели, историки, публицисты сами расценивали председателя Временного правительства как «лучшее украшение страны». Ему было посвящено уже несколько десятков книг. В 1944 году о нем написал его старый друг Люсьен Нашен[282], а известный писатель Поль Клодель посвятил генералу оду[283]. Однако среди французских писателей были и такие, которые в годы оккупации активно сотрудничали с фашистами. При всей своей любви к литературе де Голль считал, что действиям этих людей не может быть оправдания. Когда писателей Робера Бразийяша и Поля Шака суд приговорил к смертной казни, глава Временного правительства не стал заменять ее пожизненным заключением. Еще один известный писатель-коллаборационист Пьер Дрё Ля Рошель, не дожидаясь заключения под стражу, покончил с собой.

Общественно-политическая жизнь Франции в 1945 году набирала обороты. Прежде всего это выразилось в возрождении политических партий. Свою деятельность возобновили Французская коммунистическая партия (ФКП) во главе с Жаком Дюкло и вернувшимся из СССР Морисом Торезом и Социалистическая партия (СФИО), возглавляемая Леоном Блюмом и Ги Молле. На левом фланге Рене Плевеном и Франсуа Миттераном была образована небольшая партия Демократический и социалистический союз Сопротивления (ЮДСР)[27]. Вновь стало действовать одно из старейших политических объединений Франции — Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов. Одним из его лидеров был Пьер Мендес-Франс.

Традиционные французские правые партии — Демократический альянс и Республиканская федерация, — серьезно дискредитировавшие себя во время войны сотрудничеством с вишистским режимом, фактически прекратили свое существование. Перед французской буржуазией встала задача создания новых политических объединений. В конце 1944 года была образована партия, получившая название Народно-республиканское движение (МРП). Ее основателями стали

бывший председатель Национального Совета Сопротивления Жорж Бидо и соратник генерала де Голля Морис Шуман. На правом фланге появилась также Республиканская партия свободы (ПРЛ).

Де Голль, стремившийся представить себя единственным лидером страны в целом, не хотел создавать собственной партии и не желал, чтобы его отождествляли с каким-либо политическим объединением. Именно поэтому целый ряд его сторонников отошел от него и включился в борьбу внутри различных группировок. Тем не менее были и люди, именовавшие себя голлистами и твердо решившие связать свою дальнейшую судьбу только с де Голлем. Среди них оказались некоторые его министры, соратники по Лондону и Алжиру, участники внутреннего Сопротивления — Гастон Палевски, Жак Сустель, Андре Дьетельм, Рене Капитан, Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Жак Бомель, Раймон Трибуле. Постепенно к основному ядру, сложившемуся в годы войны, примыкали новые лица. В 1945 году де Голль познакомился со своим будущим преемником Жоржем Помпиду.

В июле 1945 года Временное правительство приняло решение о всеобщих выборах в Национальное собрание и наметило их на октябрь. Де Голль назначил также на день выборов всеобщий референдум, на котором избирателям предлагалось ответить на два вопроса. В первом спрашивалось: хотите ли вы, чтобы избранное сегодня собрание было Учредительным? Отрицательный ответ выразил бы желание избирателей вернуться к политической системе Третьей республики, базировавшейся на Конституции 1875 года. Положительное голосование означало бы, что французы ратуют за разработку новой конституции страны. Для тех избирателей, которые намеревались ответить «да» по первому вопросу, имелся второй: хотите ли вы, чтобы государственные власти до введения в действие новой конституции были организованы в соответствии с положениями проекта закона, помещенного на обороте избирательного бюллетеня? Этот проект предусматривал ограничение деятельности Учредительного собрания семью месяцами. Отрицательный ответ означал бы избрание полностью суверенного собрания, положительный — согласие с тем, что собрание займется разработкой новой конституции и получит лишь некоторые законодательные полномочия.

В стране началась первая послевоенная предвыборная кампания. Де Голль и его сторонники призывали ответить положительно на оба поставленных вопроса. Их поддержали социалисты и МРП. В результате на референдуме, прошедшем 21

октября 1945 года, большинство французов ответили «да» и на первый и на второй вопрос.

Одновременно с референдумом по пропорциональной системе прошли выборы в собрание, которое стало Учредительным. На первое место по числу собранных голосов вышли коммунисты, на втором оказалась партия МРП, на третьем — социалисты. Они сформировали в собрании три самых крупных фракции. По существу, в стране возродилась классическая французская республика с ее многопартийной системой, существовавшей с 1875 по 1940 год.

Результатами референдума де Голль был доволен. Он, как и обещал, восстановил в стране демократию и республику. Поступить иначе генерал и не мог. Однако теперь глава Временного правительства и управлять Францией должен был согласно давно установившейся практике совместно с парламентом, а точнее, с заседавшими в нем партиями. Учредительное собрание единогласно предоставило генералу право сформировать новый кабинет. Но тут же возникли и первые сложности. Коммунисты, получившие самое большое число мест в собрании, справедливо потребовали себе одно из трех главных министерств: внутренних дел, иностранных дел или военное. Де Голль был согласен с тем, что в его правительство должны входить представители всех политических сил страны. Однако требование коммунистов он выполнить отказался. Инцидент разрешился путем компромисса. ФКП получила портфель министра вооружений. Его отдали Шарлю Тийону. Но образовали также министерство военных сил, которое возглавил преданный сторонник генерала Эдмон Мишле. Соратники де Голля получили еще несколько портфелей. Одним из четырех государственных министров стал Луи Жакино (остальные трое — коммунист Морис Торез, социалист Венсан Ориоль и Франсиск Гэ от МРП). Жак Сустель был назначен министром колоний, Поль Джакоби — министром народного образования. Пост министра информации глава правительства предложил писателю Андре Мальро. Помимо этого в кабинет вошли еще три коммуниста, четыре социалиста, четыре представителя МРП, два члена ЮДСР и один радикал.

Некоторые известные сторонники де Голля, хотя и не стали членами правительства, заняли ряд важных постов и работали в тесном сотрудничестве с генералом и под его руководством. Шабан-Дельмас трудился в министерстве информации и занимался проблемами возрождения французской прессы. Дебре де Голль поручил разработку административной реформы.

В декабре 1945 года у председателя Временного правительства вновь возник конфликт с собранием, когда на

обсуждение депутатам был представлен проект бюджета на следующий год. Социалистическая фракция тут же потребовала сократить на 20 % статью военных расходов. Генерала это вывело из себя. Он окончательно понял, что такое управлять парламентской республикой. Через много лет де Голль скажет своему министру Алену Пейрефиту: «Вы даже не можете себе представить, как враждебно были тогда настроены против меня партии»{284}. Именно в них генерал видел главное зло. Они привели в 1940 году страну к национальной катастрофе. Потом он в течение нескольких лет невероятными усилиями спасал Францию от позора. И вот теперь эти самые партии указывают ему, как надо руководить страной, оспаривая его решения.

Глава Временного правительства четко осознал, что управлять вместе с политическими объединениями он не сможет. «Иногда, — как говорил Жак Сустель, — когда кто-нибудь оказывал ему устойчивое сопротивление, де Голль на все махал рукой, заявляя: "Пусть они катятся ко всем чертям"»{285}. Так и случилось на этот раз. Генерал принял решение об отставке. Оставалось только выбрать удобный момент.

Наедине с собой

Новый, 1946 год начался для главы Временного правительства хорошо. 3 января он со своими близкими родственниками присутствовал на свадьбе дочери. Элизабет вышла замуж за капитана Алена де Буассьё. В 1940 году он попал в немецкий плен и был интернирован на территорию СССР. Через год молодой военный сумел оттуда бежать и добрался до Лондона, где присоединился к Свободной Франции. Генерал остался доволен выбором дочери. Свадьба Элизабет стала для него поводом повидаться и с сыном, который решил продолжать службу в морской авиации. Филипп проходил стажировку в Соединенных Штатах, но в связи со знаменательным семейным событием вернулся в Париж. Де Голль как бы невзначай бросил сыну: «Буря прошла, и этот несчастный народ возвращается к свинству и слабоволию, которые его в свое время привели к 1940 году. Возможно, я уйду в отставку»{286}. Сын удивился. Сразу после свадьбы председатель Временного правительства объявил, что хочет отдохнуть и берет на восемь дней отпуск.

Он уехал с женой, младшим братом Пьером и шурином Жаком Вандру на Средиземное море под Ниццу, в курортное местечко Эден Рок. У моря настроение генерала стало меланхоличным, под стать погоде. Было холодно, дождливо, над водой часто висел туман. Де Голль впервые за много лет надел штатскую одежду. Он неприкаянно ходил вдоль скалистого берега в длинном пальто, в шляпе, с тростью в руке и курил одну сигарету за другой. Может быть, ему вспоминались стихи Поля Верлена, выписанные в дневник еще в молодости:

И pleure dans mon coeur
Comme il pleut sur la ville;
Quelle est cette langueur
Qui pénetre mon coeur?{287}

Сердце тихо плачет,
Словно дождик мелкий.
Что же это значит,
Если сердце плачет?[28]

Глава Временного правительства вернулся в Париж 14 января. 20 января он попросил всех министров собраться на улице Сен-Доминик и сделал заявление об отставке. «Моя миссия окончена, — заявил генерал, — потому что вновь возродился режим преобладания политических партий. Я его отвергаю. Но у меня нет средств помешать этому эксперименту, кроме разве что установления сильной диктатуры, чего я не желаю и что, несомненно, кончилось бы плохо.

Итак, мне нужно уйти. Я сегодня же направлю письмо председателю Национального собрания, извещая его об отставке правительства»[288].

В следующем месяце де Голль писал сыну: «Ты, конечно, поймешь основные причины, заставившие меня решить дать развиваться, установившейся политической практике уже без меня. Нельзя быть одновременно человеком, испытанным бурей, и человеком низких политических комбинаций»[289].

Решение председателя Временного правительства было вполне осознанным. Но на что он рассчитывал? Хотел ли действительно отойти от политики? Естественно, нет. Его приближенные понимали это. Эдмон Мишле писал о надеждах генерала вскоре вернуться к власти[290]. Мишель Дебре говорил об уверенности де Голля в том, что его очень быстро опять призовут возглавить правительство[291]. Жак Сустель утверждал, что генерал никак не предполагал, что устанавливающаяся республика просуществует так долго[292]. Так или иначе, но расчеты теперь уже бывшего председателя Временного правительства не оправдались. Призыва к нему не последовало. Социалист Феликс Гуэн сформировал новый кабинет, в который вошли коммунисты, социалисты и представители МРП. Во Франции начался период правления трехпартийной коалиции. А де Голль, спаситель отечества, остался не у дел и стал в свои 55 лет частным лицом, одним из французов.

Пока генерал жил в Париже. Его имение Буассери в Коломбэ-ле-дез-Эглиз во время войны было разрушено и разграблено. Де Голль взял кредит, чтобы провести там капитальные строительные и отделочные работы. В начале 1946 года они шли полным ходом. В столице генерал снял небольшой особнячок Марли, где поселился с женой и младшей дочерью Анной. На какое-то время он погрузился в семейные дела. В феврале пришла печальная весть о кончине брата де Голля Жака, болевшего почти двадцать лет рассеянным склерозом. В апреле только в кругу родных и близких генерал скромно отметил серебряную свадьбу.

30 мая, наконец, закончились реставрационные работы в

Коломбэ и семья перебралась в Буассери. К дому пристроили трехэтажную круглую башенку, на первом этаже которой генерал разместил свой кабинет. Сразу после переезда де Голль заявил жене: «Ивонна, можете радоваться, я здесь надолго». А она ему шутливо ответила: «Шарль, вы достаточно потрудились, пусть теперь другие поработают»{293}. Супруги всегда были на «вы». Так же обращались к отцу и дети генерала. Он звал на «ты» только сына, а к дочери Элизабет после ее замужества стал обращаться тоже на «вы».

Политика вовсе не перестала интересовать де Голля. Он самым внимательным образом следил за тем, что происходило в государственных кругах, и отзывался об этом с некоторым пренебрежением. «Посмотрите на собрание, — говорил генерал своему личному адъютанту Клоду Ги. — Ни единого человека, который бы заботился об общем интересе. Ни одного, кто защищал бы Государство. Все наоборот. Так как депутаты и даже министры не могут возражать себе самим или собственной партии, они набрасываются на своих коллег и другие партии, а главное — на Государство или на тех, кто его представляет, — высокопоставленных чиновников, дипломатов, генералов»{294}.

Особенно пристально де Голль наблюдал за тем, как Учредительное собрание занимается разработкой основного закона Франции. Оно еще в апреле одобрило проект конституции, которая отводила преобладающее место в жизни страны однопалатному парламенту, обладающему широкими полномочиями и контролировавшему деятельность правительства. Этот же парламент должен был избирать президента республики, не имеющего реальной власти. Однако 5 мая на всеобщем референдуме французы незначительным большинством в 52 % отвергли проект. Де Голля это обрадовало.

Вскоре из Коломбэ он известил своих сторонников, что считает нужным представить стране собственный конституционный проект. Для этого было быстро найдено определенное место и время. Местом стал небольшой нормандский городок Байё, тот самый, который союзники два года назад первым освободили от захватчиков и куда прибыл де Голль. Датой стало 16 июня, так как шесть лет назад именно в этот день начиналась уже вошедшая в историю лондонская эпопея генерала.

Бывший председатель Временного правительства прибыл в Байё в прекрасный летний день. Город встретил его цветами, звоном колоколов, развевающимися на ветру национальными флагами. В окружении своих соратников, генералов Леклерка, Кёнига, Жуэна, адмирала Тьерри д'Аржанлье, Мориса Шумана,

Жака Сустеля, Рене Капитана, Андре Мальро, де Голль присутствовал на торжественной мессе и затем отправился на главную площадь города. Жители встретили его овацией. Со всех сторон раздавались крики «Де Голля к власти»{295}. Перед собравшимися генерал произнес речь, в которой сформулировал свою конституционную идею. Она заключалась в том, что исполнительную и законодательную власти надо разделить и что самые широкие полномочия нужно отдать главе государства. «Именно его миссия — подчеркивал де Голль, — назначать министров и прежде всего премьер-министра, возглавляющего политику и работу правительства. Глава государства должен утверждать законы и принимать декреты, потому что именно посредством их на граждан возлагается ответственность по отношению к государству, он обязан возглавлять заседания совета министров и таким образом постоянно осуществлять свое влияние, без которого нации не обойтись. В его компетенцию нужно включить функцию арбитра в различных политических ситуациях. Он может их выполнять посредством консультаций или, в сложных условиях, вынести свое суверенное решение на референдум. Наконец, ему должно принадлежать право, если его отечество находится в опасности, быть гарантом национальной независимости и пактов, заключаемых Францией». В конце своей речи де Голль напомнил, как древние греки спрашивали у мудрого Солона: «Какая конституция самая лучшая?», а он им отвечал: «Скажите сначала, для какого народа она предназначена и для какой эпохи?»{296} Само собой разумеется, что для своего народа в данную эпоху генерал считал лучшим проект, предложенный им самим.

Речь де Голля была услышана по всей стране. Она широко комментировалась по радио, ее опубликовали многие крупные периодические издания. Но обратило ли на нее должное внимание Учредительное собрание? Генерал рассчитывал на поддержку своих конституционных идей со стороны партии МРП. Однако этого не произошло. Народно-республиканское движение совместно с другими партиями разработало новый проект конституции, который явился результатом компромисса между коммунистами, социалистами и самого МРП. Согласно этому проекту, парламент делился на две палаты — нижнюю, Национальное собрание, и верхнюю, Совет республики (или сенат). В руках первой палаты была по существу сосредоточена вся власть. Именно она принимала законы и контролировала деятельность правительства. Президенту республики, выбираемому на семь лет косвенным голосованием (коллегией выборщиков), отводились второстепенные функции. На 13

октября был назначен всеобщий референдум, на который выносился новый проект.

Безоговорочно защищать и отстаивать конституционные идеи, выдвинутые де Голлем в Байё, взялся только созданный осенью 1946 года Рене Капитаном Союз голлистов. Однако к нему присоединились лишь самые преданные сторонники генерала. Внушительным политическим объединением он стать не смог. К тому же сам де Голль открыто не поддержал Союз, предпочитая по-прежнему оставаться «надклассовым» арбитром и не желая отождествлять себя с каким бы то ни было политическим объединением.

Только от своего имени генерал выступил с резкой критикой новой конституции и призвал избирателей ответить «нет». Тем не менее 52,5 % участвовавших в голосовании французов высказались положительно. 27 октября конституция вступила в силу. 10 ноября прошли выборы теперь уже в Национальное собрание Франции. Большого успеха вновь добились коммунисты, социалисты и МРП. У власти продолжала оставаться трехпартийная коалиция. Так начала свое существование Четвертая республика. Она была, как и предыдущая Третья, парламентского типа правления и мало чем отличалась от нее.

Произошедшие политические перемены раздосадовали де Голля. Франция шла вперед без него, а он окончательно стал частным лицом. Генералу прислали анкеты, которые он должен был заполнить, чтобы получать пенсию. Бывший председатель Временного правительства числился в них как полковник. Его же не успели в 1940 году утвердить в звании генерала. Де Голль только покачал головой. Он отказался заполнять анкеты и сказал близким, что никогда ни при каких обстоятельствах не будет получать государственной пенсии{297}. А между тем финансовое положение семьи де Голлей было весьма скромным. Генерал унаследовал от матери ферму на севере Франции. Ивонне от родителей тоже досталась ферма. Но в годы послевоенной разрухи они не приносили никакого дохода. Пришлось брать кредиты и иногда даже продавать фамильные вещи{298}.

Жизнь в Буассери шла спокойно, размеренно. Де Голль вел переписку, читал, гулял, как всегда, очень много курил. Одним из его излюбленных занятий стало раскладывание пасьянса на небольшом ломберном столике. Оживление в доме наступало, когда в Коломбэ приезжали дочь или сын генерала. Тогда за обедом разговор обязательно заходил о политике. Бывшему председателю Временного правительства все давали советы. «Папа, — говорил ему Филипп, — вы должны создать собственную партию». А жена твердила: «Нет, нет, Шарль, не

соглашайтесь. Как только вы наведете в лавочке порядок, вас предадут». — «Ивонна, — бурчал в ответ генерал, — вы рассуждаете как ребенок»{299}.

В 1946 году де Голль задумал писать «Военные мемуары». Он обсуждал их замысел с Франсуа Мориаком. Бывший глава Временного правительства вознамерился изложить свои достижения, создать собственную легенду. Осенью он начал писать. Генерал работал необычайно вдумчиво и тщательно. «Он, — как вспоминал Клод Ги, — писал часами напролет, что-то расшифровывая, переписывая, зачеркивая, вновь начиная. Обдумывая или записывая какое-нибудь выражение, он играл, передвигая пальцами, со своей вечной сигаретой, обводил кончики букв, расставляя перекладинки на "т", штриховал зачеркивания. И вот, наконец, в его голове складывалась совершенная фраза, лаконичная, звонкая как звук трубы»{300}.

Мемуары де Голля открывались его размышлениями о Франции:

> «За годы моей жизни я составил собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувством. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждавшиеся французы, но не гений самой нации.
>
> Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь тогда является подлинной Францией, если стоит в первых рядах; что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего ее народу; что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией»[29].

Когда генерал работал над этими строками, его сыну вручили орден Почетного легиона. 2 декабря 1946 года де Голль писал Филиппу:

«Поздравляю тебя с получением ордена Почетного легиона. Будь уверен, что как отец я горжусь, что ты удостоен такой награды. Ты заслужил ее своей отвагой в боях так же, как твой дед в войне 1870 года и отец в войне 1914–1918 годов. Но из нас троих ты стал кавалером ордена в самом молодом возрасте. Такова судьба нашей гордой и благородной французской семьи, которая сливается с судьбой самой Франции»{301}.

Объединение французского народа

В начале 1947 года де Голль в Коломбэ, казалось, еще больше погрузился в работу над мемуарами. Он, как всегда, и много читал. Сейчас генерал с удовольствием перечитывал «Замогильные записки» Шатобриана. Он цитировал фразу писателя: «Отчизна, я прошу для себя немного славы, но лишь для того, чтобы приумножить твою»[302]. Мысли о современном положении отечества не покидали де Голля. 7 января в письме Элизабет де Мирибель он отмечал:

> «Сейчас наблюдается закат изнуренной Франции, хотя мы всеми силами пытались предотвратить это. Теперь мы ушли и свернули наш парус. И все-таки глубокий источник не иссяк, просто пока есть препятствия, которые не дают ему выбиться наружу. Да, многие французы отказались от величия, но Франция помнит его и мечтает о нем»[303].

Ближайшие события показали, что де Голля главным образом и заботило, как вернуть стране ее величие. 2 февраля 1947 года генерал сказал Клоду Мориаку: «Я очень страдаю от того, что Франция находится в таком состоянии… Я попробую создать Объединение»[304]. Бывший председатель Временного правительства решил действовать. Раз французы не выступают с призывом к нему, он сам призовет их на бой с ненавистной Четвертой республикой. Де Голль пригласил в Коломбэ своих верных соратников Жака Сустеля, полковника Реми, Андре Мальро, Гастона Палевски, Жака Бомеля, Мишеля Дебре и заявил им, что хочет создать и возглавить объединение, имеющее целью бороться за возрождение Франции и против, ее пагубной политической системы[305]. Вскоре они, выполняя поручение генерала, совершили ряд поездок по Франции и оповестили бывших участников движения Сопротивления о том, что де Голль готовит создание объединения, и подали это событие как повторение призыва 18 июня[306].

Бывший глава Временного правительства решил создать не политическую партию, а именно объединение, имеющее как бы надклассовый характер и включающее в себя все компоненты французской нации. Основание новой голлистской организации было провозглашено в несколько этапов весной 1947 года. 30 марта де Голль выступил в нормандском городке Брюневаль. Туда съехались почти 50 тысяч человек. В окружении своих соратников

— адмирала Тьерри д'Аржанлье, генерала Лармина, полковника Реми, Сустеля, Мишле, Шумана — генерал произнес речь. В ней он отдал дань событиям прошедшей войны, но в заключение в одной несколько замысловатой фразе сказал самое главное:

> «Настанет день, когда огромное количество французов объединится, чтобы отвергнуть бесполезные политические игры и реформировать плохое устройство, при котором нация сбивается со своего пути, а государство деградирует»[307].

Через неделю, 7 апреля, де Голль уже в Страсбурге. Он прибыл туда на празднование второй годовщины освобождения Эльзаса от немецких захватчиков. В эльзасскую столицу, так же как и в Брюневаль, съехалось много народа со всей страны. Все гостиницы города и окрестностей были переполнены. Генерал прибыл вместе с Мальро, Сустелем, Палевски, Шабан-Дельмасом, Мишле, Капитаном, Дьетельмом. Днем с балкона городской ратуши он выступил перед огромной толпой собравшихся. На этот раз его речь носила политический характер. Де Голль выразил свое отрицательное отношение к Конституции 1946 года, подверг критике деятельность правительств Четвертой республики и выдвинул программу действий с целью изменения французской политической системы и установления «сильной власти». В конце выступления бывший глава Временного правительства заявил:

> «Настало время, чтобы было создано Объединение французского народа, которое смогло бы осуществить и заставить восторжествовать над различными мнениями большой порыв всеобщего блага и коренную реформу государства. Таким образом, в ближайшем будущем, объединяя волю и действие, Французская республика создаст новую Францию»[308].

Официальное заявление об образовании своей организации де Голль сделал 14 апреля. В опубликованном коммюнике говорилось:

> «Сегодня создано Объединение французского народа. Я взял на себя руководство им. Его цель — обеспечить, пренебрегая всякими разногласиями, единство нашей нации в ее стремлении к возрождению и преобразованию государства. Я приглашаю присоединиться ко мне и моему объединению всех

француженок и французов, которые хотят быть вместе… как они это уже сделали один раз для освобождения и победы Франции»{309}.

Еще через десять дней в Париже генерал выступил на пресс-конференции. В течение двух часов он отвечал на вопросы журналистов. Они касались различных политических проблем — государственных институтов, политических партий, избирательного закона, финансовой, экономической и международной политики Франции. Но главный вопрос, который интересовал всех, касался, конечно, Объединения французского народа (РПФ), его сущности и будущей деятельности. Де Голль подтвердил, что основной задачей объединения будет борьба за реформу конституции в духе предложений, высказанных в Байё{310}. Так он бросил вызов Четвертой республике и вступил на путь открытой борьбы за воплощение в жизнь своих идей.

Летом и осенью 1947 года РПФ развернуло активнейшую пропагандистскую деятельность. Сторонники де Голля организовывали по всей стране митинги и манифестации. Бывший председатель Временного правительства почти неизменно на них присутствовал. В течение нескольких месяцев он исколесил всю Францию.

В РПФ вошли многие известные соратники де Голля — Рене Капитан, Жак Шабан-Дельмас, Мишель Дебре, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Раймон Дронн, Лео Амон, Кристиан Фуше, Раймон Трибуле, Леон Ноэль, Андре Асту, Роже Фрей. К объединению примкнули также некоторые деятели французской науки и культуры — писатели Поль Клодель, Андре Мальро, Жан Амруш, политолог Раймон Арон, профессора Марсель Прело и Марсель Валин. Во всех департаментах страны были организованы инициативные комитеты. Через них желающие могли вступить в ряды объединения. «Невозможно описать, — вспоминал Андре Асту, — что происходило в каждом департаменте, в каждом населенном пункте. Энтузиазма было где-то больше, где-то меньше, организовано все где-то лучше, где-то хуже, число вступающих в РПФ везде разнилось. Однако повсюду объединение сразу заявило о себе как о политической силе, с которой нельзя было не считаться»{311}. К концу лета РПФ уже насчитывало в своих рядах миллион человек.

В августе 1947 года усилиями голлистов в Национальном собрании была образована так называемая интергруппа. В нее вступил 41 человек — депутаты МРП, партии радикалов, ЮДСР и ПРЛ, заявившие о своем положительном отношении к идеям и деятельности де Голля.

В середине 1947 года важнейшие изменения произошли в международной ситуации, выразившейся в резкой конфронтации между СССР и его бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Начиналась эпоха «холодной войны». Франция быстро втянулась в процесс размежевания политических сил в Западной Европе. Ее сильная и сплоченная коммунистическая партия пользовалась большим влиянием. Она была частью международного коммунистического и рабочего движения, следовавшего указаниям Сталина. Такое положение дел в условиях разворачивающейся «холодной войны» резко изменило отношение правящих кругов Франции к коммунистам. В мае 1947 года премьер-министр страны социалист Поль Рамадье вывел их из состава своего кабинета. Де Голль присоединился к антикоммунистической кампании. Он назвал представителей ФКП «сепаратистами» и обвинил их в том, что они предают интересы своей страны{312}. Впрочем, почти так же генерал отзывался и о политиках, стоящих у власти. Когда осенью 1947 года во Франции было образовано правительство «третьей силы»[30], состоявшее из членов МРП, радикалов и социалистов, де Голль тут же назвал его «кораблем без кормчего»{313}.

В сентябре 1947 года в стране началась подготовка к муниципальным выборам. Глава РПФ еще весной заявил, что его объединение будет участвовать во всех выборах страны. Поэтому голлисты развернули активную кампанию. Генерал считал необходимым выставить кандидатов РПФ в каждом округе. В канун выборов он огласил послание избирателям, в котором призывал голосовать только за представителей его объединения, чтобы «преградить путь опасности, угрожающей изнутри и извне; положить конец беспорядку, ведущему к несчастью; осуществить, исходя из справедливости ко всем и уважая право каждого, всеобщее стремление к французскому возрождению; сделать государство беспристрастным и сильным, способным оберегать французов от бед и нищеты; идти к спасению вместе, одним потоком, с одним сердцем»{314}.

Результаты выборов, прошедших в октябре 1947 года, превзошли все ожидания. Сам де Голль назвал их «триумфальными». Объединение опередило все политические партии страны и собрало около 40 % голосов избирателей. Голлисты одержали победу в тринадцати крупнейших городах Франции, в том числе Париже, Марселе, Бордо, Лилле, Страсбурге, Нанси, Реймсе, Гренобле. В столице муниципальный совет возглавил младший брат генерала Пьер де Голль, мэром Бордо стал Жак Шабан-Дельмас.

27 октября глава РПФ сделал заявление, в котором

подчеркнул, что, «по его мнению, нынешнее Национальное собрание должно быть как можно скорее распущено…В любом случае Объединение французского народа будет следовать поставленной перед ним задаче. Открытое для всех, кто хочет служить Франции, оно станет непременно расширять свои ряды и организовываться для того, чтобы при любых обстоятельствах обеспечить спасение нации»{315}.

Заявление де Голля не встретило ни малейшего энтузиазма в правящих кругах страны. На его требование распустить Национальное собрание никто не посчитал нужным откликнуться. В результате, несмотря на большой политический успех, взять Четвертую республику первым штурмом не удалось. Но в голлистских кругах никого это особенно не огорчило. Победа на выборах настолько воодушевила сторонников генерала, что они жили ожиданием власти и рассчитывали получить ее в самом ближайшем будущем. И сам де Голль полагал, что режиму не обойтись без него, и политические деятели Франции будут вынуждены призвать его на помощь.

Конец 1947-го — начало 1948 года были омрачены для де Голля двумя печальными событиями. В ноябре его ближайший сподвижник военных лет генерал Леклерк погиб в Алжире в авиационной катастрофе. Бывшего главу Временного правительства потрясла эта трагедия.

В феврале в Коломбэ умерла младшая дочь де Голля Анна, которой едва исполнилось двадцать лет. Генерал очень переживал ее кончину. В ответ на присланные соболезнования он писал своему старому другу Люсьену Нашену: «Наша бедная девочка была, увы, ребенком без будущего. Но именно поэтому мы бесконечно любили Анну»{316}. На ее похоронах де Голль сказал жене: «Не плачьте, Ивонна, теперь она стала такой, как все»{317}. Генерал с супругой приняли решение основать Фонд Анны де Голль. Они купили в городке Милон-Ла-Шапель, в департаменте Ивелин в Центральной Франции небольшой обветшалый замок. Пришлось опять взять кредит. Правда, сразу поступили и многочисленные финансовые пожертвования. Замок быстро отремонтировали, и в нем был устроен интернат для умственно отсталых детей. Первые постояльцы появились в Милон-Ла-Шапель уже в конце 1948 года[31].

Генерал ощущал, что без этой беспомощной больной девочки его дом опустел. Сын приезжал редко. В конце декабря 1947 года он женился на Генриэтте де Монталамбер, с которой поселился в портовом городе Йер в департаменте Вар на юго-востоке страны. Он стал профессиональным офицером морской авиации и служил в эскадрилье Морской школы. Свои увольнительные Филипп с

молодой женой всегда стремился проводить у родителей в Коломбэ. Повидаться с Элизабет генерал имел возможность только раз в год. Ее муж, военный, Ален де Буассьё получил назначение в столицу Конго Браззавиль. Семья приезжала во Францию лишь во время отпуска. Де Голль всегда очень радовался встречам с детьми в родном Буассери.

В начале 1948 года генерал написал несколько инструкций по организационному устройству РПФ{318}. Они были положены в основу структуры объединения, которая носила явно авторитарный характер. Как некогда в Свободной Франции, в Объединении французского народа все было подчинено власти лидера.

«Руководство объединением осуществляет председатель»{319}. Такова первая фраза раздела об управлении РПФ. И действительно, только де Голль руководил им, удерживая в своих руках всю полноту власти. Он назначал генерального секретаря и членов исполнительного комитета, давал всем им инструкции и решал, каким конкретным видом деятельности каждый из них должен заниматься. Пост генерального секретаря РПФ получил Жак Сустель. В исполнительный комитет входили Жак Бомель, Гиен де Бенувиль, Ален Бозель, Андре Дьетельм, Кристиан Фуше, Андре Мальро, Леон Мазо, Гастон Палевски, Жан Помпеи, полковник Реми, Жак Сустель, Луи Пастёр Валлери Радо и Луи Валлон.

Заседания исполнительного комитета проходили раз в неделю, обычно по средам, в главной ставке РПФ на улице Сольферино-5. Де Голль всегда председательствовал. Он продолжал жить в Коломбэ, но каждую неделю приезжал в Париж. Генерал останавливался в одной и той же гостинице «Ла Перуз» недалеко от площади Звезды и уже оттуда отправлялся в ставку объединения.

Председатель появлялся всегда вовремя, здоровался со всеми присутствующими за руку, после чего сразу приступали к обсуждению намеченной повестки дня. «Генерал разговаривал с нами, — вспоминал Леон Ноэль, — очень просто и непринужденно. Иногда он был ироничен и даже язвителен, но его оценки всегда отличались ясностью и строгостью, особенно когда дело касалось анализа какой-либо ситуации. Он всегда как бы объявлял свои суждения с проникновенностью Монтескье или Токвиля, а порой так красноречиво и с такой богатой экспрессией выражений, что напоминал Боссюэ или Шатобриана. Бывало, что, прежде чем изложить свою позицию, он сначала спрашивал каждого из нас, что мы об этом думаем»{320}.

Руководители РПФ поделили всю страну на особые регионы,

которые примерно совпадали с историческими областями Франции. Во главе каждого из них стоял региональный делегат, назначаемый центром. Один раз в месяц председатель и генеральный секретарь вызывали всех делегатов в Париж. Каждый из них делал месячный отчет и получал инструкции. Директивы всегда были очень четкими. Никакой самодеятельности не допускалось. Нужно было только правильно выполнять задачи, поставленные руководством. Недаром голлист Жак Дебю-Бридель писал: «Какими бы ни были рвение, талант и достижения региональных делегатов, их роль сводилась лишь к тому, чтобы поддерживать и раздувать пламя, которое разжег генерал»{321}.

Де Голль и сам постоянно «подбрасывал дрова» в очаг своего нового дома, именуемого Объединение французского народа. Он почти каждый месяц отправлялся в поездки по стране, присутствуя на съездах, пленумах и митингах РПФ, проходивших в обстановке большого воодушевления и собиравших порой многие тысячи людей. Генерал всегда появлялся в окружении приверженцев и обязательно произносил пылкую речь, клеймя позором нынешнюю политику Франции. Вслед за ним, как правило, выступал кто-нибудь из членов исполнительного комитета. Часто это был Андре Мальро. Своими вдохновенными, торжественными, импровизированными речами писатель буквально завораживал слушателей. «Мы с вами вместе с генералом де Голлем, — восклицал писатель, — потому что из его уст прозвучал голос Франции из самого глубокого безмолвия, и сейчас, когда зазвучали ваши первые аплодисменты, мне показалось, что я услышал, как в тишине забилось большое уснувшее сердце, которое все считали сердцем Франции и уже не надеялись, что оно когда-нибудь пробудится»{322}.

Для председателя РПФ и его сподвижников быстро пролетел 1949 год, сменившийся 1950-м. Голлисты поняли, что добиться досрочного роспуска Национального собрания им не удастся. Поэтому им ничего не оставалось, как набраться терпения и ждать следующего 1951 года с его очередными выборами в нижнюю палату парламента. Пока же де Голль и его сторонники, помимо практической деятельности, занялись и теоретической работой.

Именно в конце 40-х — начале 50-х годов окончательно сложилась идеология голлизма, которая стала крупнейшим идейно-политическим течением современной Франции. Она состояла из внутриполитических, внешнеполитических и социально-экономических взглядов.

Главным стержнем внутриполитических воззрений де Голля была идея «сильного государства». Генерал неоднократно говорил

о том, что во главе Франции он хотел бы видеть наделенного широкими полномочиями, независимого от партий президента республики. Председатель РПФ, разрабатывая эту концепцию, специально изучал труды французских и зарубежных правоведов. Ее также развили многие голлисты — Мишель Дебре, Жак Сустель, Жорж Помпиду, Жак Шабан-Дельмас, Рене Капитан.

Внешнеполитическая доктрина голлизма базировалась на идее «национального величия» Франции. Де Голль считал, что французской нации совершенно необходимо осознавать свое величие, могущество и авторитет. Для этого внешняя политика Франции всегда должна быть направлена на защиту ее национальных интересов.

Социально-экономическая концепция голлизма разрабатывалась в духе реформизма. Необходимость в проведении социальной политики де Голль почувствовал на завершающих этапах войны и в первые послевоенные годы, когда во Франции наблюдался мощный подъем народно-демократических сил и широкие слои трудящихся и интеллигенции требовали демократических преобразований во французском обществе. Разрабатывая социально-экономическую доктрину, генерал и его сторонники выдвинули идею «ассоциации труда и капитала», то есть установления системы, объединяющей лиц, обеспечивающих работу предприятия. Занимались ее развитием так называемые левые голлисты — Рене Капитан, Луи Валлон, Лео Амон. По их мнению, «ассоциация» была бы единственным решением, позволяющим отмежеваться от традиционных капитализма и социализма. В ее основе лежал контракт, заключаемый между главами предприятий (представителями капитала) и персоналом (трудящимися). Подписывая его, наемный работник становился своеобразным акционером, чей вклад (труд) уравнивался по важности и значению с вкладом капитала, а вознаграждение в той или иной мере зависело от производительности и прибылей.

Отношения де Голля с подчиненными по РПФ складывались не всегда легко. Он, как и во время войны, не терпел никаких возражений своим действиям и суждениям. Мало того, без его ведома голлисты не принимали ни одного важного решения. Если случалось так, что было необходимо срочно что-то предпринять, а генерал не находился в это время в Париже, то приходилось ехать к нему в Коломбэ. Телефону не доверяли. «За каждым "да" и за каждым "нет", — писал Жак Сустель, — нужно было пускаться в нескончаемое путешествие»{323}. Горе тому, кто этим пренебрегал. Де Голль не прощал своим соратникам, если они делали то, что ему не нравилось, или даже думали не так, как он.

В апреле 1950 года у председателя произошел конфликт с одним из его сподвижников времен войны, полковником Реми. Тот написал в журнале «Каррефур» статью, в которой заявил, что де Голль был мечом Франции, а Петэн — ее щитом. Генерал возмутился подобным сравнением. Поставить в один ряд его, вопреки всему продолжавшего борьбу, и предателя национальных интересов, обрекшего свой народ на порабощение! Прочитав статью, председатель РПФ процитировал фразу Тита Ливия: «Рабство всегда обходится гораздо дороже, чем война»{324}. 13 апреля 1950 года он написал Реми:

> «Мой дорогой друг,
>
> Для меня в этом деле есть три вещи.
>
> Первое — это моя дружба, мое уважение, мое восхищение Реми. Это нерушимо. Здесь нет никаких вопросов.
>
> Второе — это позиция, которую вы публично заняли по отношению к Виши и Свободной Франции. Она не совпадает с моей. Мы как-нибудь поговорим об этом.
>
> Третье — это то, как вы действовали. Учитывая, что вы входите в исполнительный комитет и у меня с вами сложились доверительные отношения, вы не должны были публиковать статью на такой сюжет, не переговорив предварительно со мной.
>
> Вот так, ну а дальше пусть все идет своим чередом…»{325}

Реми не стал вступать с де Голлем в дискуссию, но ряды РПФ покинул.

В семье де Голль был совсем другим. Его отношения с женой, детьми, братьями, многочисленными племянниками, родными жены всегда отличались теплотой. В Коломбэ «царствовала» Ивонна. Генерал подчинялся установленному ею распорядку дня, всегда вовремя появляясь из кабинета или библиотеки в столовой к завтраку, обеду и ужину. Председатель РПФ не стал возражать, когда в доме поселился ангорский котенок Пусси, носившийся по комнатам за какой-нибудь ленточкой или бумажным шариком и играющий своими маленькими лапками со шнурками ботинок генерала{326}. Ивонна очень хотела, чтобы ее муж бросил курить. И де Голль сделал это в 1948 году. Ему было трудно. Генерал повторял:

> «Мне говорили, что из-за табака я стал плохо видеть. И я перестал курить. С глазами все осталось по-

прежнему. Так что я напрасно лишил себя удовольствия»{327}.

В конце 40-х годов де Голль с женой несколько раз ездил в имение ее родителей Сетфонтэн. Теперь им владел младший брат Ивонны Жан. Генерал не участвовал в традиционно устраиваемой там облавной охоте, но с удовольствием общался с родными жены и вспоминал проведенные здесь дни молодости. Однажды в Сетфонтэн он прочитал стихи Анны де Ноай[32], которые записал в свой дневник именно здесь в далеком 1924 году:

Pourtant, un jour, de moi, tu t'en iras, jeunesse,
Tu t'en iras portant l'amour entre tes bras
Je souiffrirai, je pleurerai, tu t'en iras…
Jusqu'a ce que plus rien de toi ne m'apparaisse{328}.

И вот однажды, молодость, покинешь ты меня,
Уйдешь и унесешь с собой любовь,
Страдать я буду, плакать без тебя,
Но даже твой осколочек не возвратится вновь[33].

Надежды и разочарования

Приближался 1951 год, на который председатель РПФ и его сторонники возлагали большие надежды. В стране должны были состояться очередные парламентские выборы. Еще в октябре 1950 года де Голль писал сыну:

> «Франция по-прежнему близка к банкротству, потому что ею управляют люди, которые не в состоянии действовать. Я надеюсь, что наше движение на выборах докажет, что перемены состоятся»{329}.

Председатель РПФ, генеральный секретарь и члены исполнительного комитета самым серьезным образом начали предвыборную кампанию. В особой инструкции де Голль подчеркивал:

> «Грядущие парламентские выборы имеют для страны жизненно важное значение. Они должны завершиться приходом к власти Объединения французского народа. Поэтому нам необходимо добиваться сплоченности всех тех, кого выберут, потому что режим, который мы хотим изменить, сделает все, чтобы их разобщить… Нам нужно очень тщательно отбирать кандидатов»{330}.

За пять месяцев предвыборной кампании "председатель РПФ лично посетил более половины департаментов страны. Все шло хорошо. Но режим, действительно, сделал все, чтобы осложнить голлистам путь к власти. В апреле 1951 года Национальное собрание приняло новый избирательный закон, предусматривающий отказ от пропорциональной системы выборов и вводивший голосование по мажоритарной системе с правом аппарантирования[34].

Введение нового закона вызвало замешательство в рядах РПФ. Де Голль был принципиальным противником любых соглашений с политическими партиями страны и решительно отказался от аппарантирования. Однако некоторые голлисты, в том числе члены исполнительного комитета, воспротивились такому решению. Они понимали, что, заключив предвыборные союзы, объединение явно получило бы больше мандатов. Так в рядах РПФ возник первый серьезный конфликт. Председатель с присущей ему твердостью настоял на своем. Объединение не воспользовалось правом аппарантирования.

В результате парламентских выборов, прошедших в июне 1951 года, РПФ собрало чуть более 22 % голосов избирателей и получило 118 мандатов в Национальное собрание. Коммунисты заняли 103 места, социалисты — 104. Радикалы получили 94 мандата, Народно-республиканское движение (МРП) — 85. Еще 98 мест заняла недавно образованная правая партия Национальный центр независимых и крестьян («независимые»). Такое собрание быстро окрестили шестигранным.

Хотя РПФ и вышло на первое место по числу полученных мест, его результаты были далеки от ожидаемых. Сам де Голль с сожалением отмечал, что надеялся на лучшие{331}. Генерал был разочарован, но не сломлен. В письме к сыну он замечал:

> «У нас в новой палате 118 мест. Если бы не махинации с аппарантированием, мы бы получили еще 35. Но, исходя из того, что есть, мы будем продолжать и расширять наше дело. Я тверд в моем намерении. Другого возможного выхода для нации нет. Нужно создавать политическое окаймление Франции, которое заменит систему партий»{332}.

В действительности после выборов РПФ оказалось в сложном положении. С одной стороны, оно имело самую большую группу в Национальном собрании и таким образом вполне могло претендовать на власть. На пресс-конференции 22 июня 1951 года де Голль прямо заявил: «Именно Объединению французского народа, следуя демократическим принципам и руководствуясь национальными интересами, необходимо принять на себя основную ответственность в руководстве французской политикой. Да, именно мы должны возглавить новое правительство и мы к этому готовы… Мы согласимся управлять со всеми, кто захочет нам помочь»{333}. С другой стороны, председатель РПФ отказался возглавить коалиционное правительство на паритетных началах. В результате главой кабинета стал Рене Плевен. Новая правительственная комбинация, состоявшая из нескольких партий, вскоре получила название правоцентристский блок. РПФ же со своими 118 мандатами продолжало оставаться в оппозиции.

Внутри голлистского объединения после выборов произошли кадровые перестановки. Жака Сустеля, ставшего депутатом, де Голль попросил выполнять обязанности председателя парламентской группы, а генеральным секретарем РПФ назначил Луи Терренуара.

Следуя давно выработанной генералом тактике, РПФ продолжало в парламенте критику «слабого режима» с его бесконечной сменой кабинетов и придерживалось в

Национальном собрании строгой дисциплины голосования. Однако очень скоро депутаты голлистского объединения начали выражать недовольство этим. Уже в августе Жак Сустель вместе с Андре Дьетельмом и Гастоном Палевски ездили к генералу в Коломбэ, чтобы обсудить вопрос о свободе голосования{334}. Де Голль отказался ее предоставить депутатам, а заодно и сенаторам-голлистам. Он продолжал твердо держаться линии, отвергающей какие-либо соглашения с политической системой Четвертой республики. Пришлось подчиниться. Тем не менее недовольство среди депутатов, почувствовавших возможность интегрироваться в систему и получить от нее различные выгоды, например правительственные посты, нарастало. Выступить открыто против тактики председателя никто пока не смел. Но в голлистских кругах проблема отказа от дисциплины голосования все время муссировалась.

В начале 1952 года де Голль пребывал в несколько подавленном состоянии духа. Оба его глаза поразила катаракта. Левым он уже почти ничего не видел. Председатель РПФ понимал, что операция неизбежна. Впервые в жизни он почувствовал, что возраст дает о себе знать. В середине января генералу пришла в голову мысль написать завещание. До конца своих дней он не внес в него ни одной поправки. «Я хочу, — писал де Голль, — чтобы меня похоронили в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз… рядом с моей дочерью Анной, там, где однажды будет похоронена и моя жена. Надпись: Шарль де Голль (1890—….). И ничего другого. Я не хочу национальных похорон. Не должно быть ни президента, ни министров… Присутствовать могут лишь представители армии, но только сами по себе… без музыки и фанфар…»{335}

От грустных мыслей де Голля отвлекли новые разногласия со сторонниками. В январе после очередного правительственного кризиса президент Франции социалист Венсан Ориоль пригласил к себе в Елисейский дворец главу парламентской группы РПФ Жака Сустеля и предложил ему начать консультации с целью формирования нового кабинета. Бывший генеральный секретарь голлистского объединения дал предварительное согласие и отправился к де Голлю в Коломбэ. Он подробно объяснил ему, почему не стал сразу отвергать предложение Ориоля, хотя и понимал, что успехом его попытка формирования кабинета увенчаться не может. Среди главных причин Сустель назвал следующие:

> «Придать парламентской группе объединения уверенность в самой себе, попробовать наладить путем

предложенных консультаций контакты с лидерами различных политических группировок, использовать в течение двух-трех дней недоступные средства массовой информации, чтобы изложить перед общественным мнением наши цели и идеи, получить доступ к финансовым, военным и дипломатическим досье и таким образом иметь самые достоверные сведения о политической обстановке в стране»{336}.

Де Голль слушал председателя фракции РПФ почти полночи. По словам Сустеля, он одобрил его действия{337}. Через несколько дней претендент в премьеры отказался от консультаций. Однако случившийся прецедент стал словно вбитым клином между генералом и одним из «голлистов первого часа». Как сказал Жак Шабан-Дельмас, «тогда в их отношениях образовалась первая трещина»{338}. Через десять лет уже по другим причинам она превратится в зияющую пропасть. А пока, возможно, председатель РПФ и глава его парламентской фракции просто не поняли друг друга. Ведь Сустель, по некоторым свидетельствам, был одним из самых преданных сторонников генерала — подчинялся ему всегда и во всем и даже «говорил его устами»{339}. В данной ситуации он, наверное, хотел сделать как лучше, но вызвал лишь раздражение генерала. И хотя де Голль ничего ему не сказал, он был явно недоволен тем, что Сустель не заявил президенту республики, что только председателю РПФ можно предлагать формировать правительство.

В голлистских кругах все были буквально взбудоражены создавшейся ситуацией. Одни осуждали председателя группы и считали, что он поступил бестактно по отношению к генералу, другие одобряли его поступок. А некоторые даже полагали, что Сустель в действительности был бы рад стать премьер-министром{340}. Самого председателя группы раздосадовал некоторый разлад отношений с де Голлем. Через несколько месяцев он по личной инициативе уступил свое место главы фракции Андре Дьетельму.

В марте президент республики предложил сформировать очередной кабинет «независимому» Антуану Пине. Новый претендент выступал за защиту интересов классической французской правой. Его некоторые программные установки вполне устраивали часть депутатов РПФ и они решили поддержать его правительство. Жак Шабан-Дельмас писал в своих мемуарах:

«Настал такой момент, когда РПФ оказалось перед проблемой, как ему быть дальше — продолжать вести

войну против партий или же если не входить в состав правительств, то хотя бы поддерживать попытки тех, чья деятельность тоже в какой-то мере была направлена на национальное обновление»{341}.

Накануне избрания Пине состоялось совместное заседание исполнительного комитета и парламентариев РПФ. На нем некоторые депутаты отозвались положительно о программе нового претендента в премьеры. Но де Голль категорически отверг возможность поддержать Пине. В день голосования 6 марта Андре Дьетельм от имени группы РПФ заявил в Бурбонском дворце, что голлисты не удовлетворены предложениями претендента по конкретной политике, которую он намерен проводить. Однако 27 депутатов голлистского объединения впервые нарушили дисциплину голосования и поддержали Пине. В результате он стал премьер-министром. В руководящих кругах РПФ такое поведение депутатов расценили как диссидентское. Объединение получило настоящий удар, причем не откуда-нибудь извне, а изнутри. Кризис был налицо.

Непристойное поведение 27 депутатов стало поводом для начала «войны» между ними, с одной стороны, и главой РПФ и верных ему голлистов — с другой. «Ортодоксы» наступали, «диссиденты» защищались. Уже 10 марта де Голль выразил сожаление, что некоторые депутаты его объединения поддержали правительство Пине. Затем в печати стали появляться прямые обвинения «ортодоксов» в адрес «диссидентов». В ответ на это последние направили послание самому де Голлю, в котором отстаивали свои позиции. Они заявили, что не согласны с идеей постоянной и безоговорочной оппозиции режиму Четвертой республики и что считают вполне допустимым интегрироваться в существующую политическую систему. К таким заявлениям де Голль и его окружение отнеслись резко отрицательно. Председатель РПФ в своем ответном письме указал, что «объединение не намерено больше терпеть беспорядок и растерянность, и меры, необходимые для восстановления единства, будут немедленно приняты»{342}.

Ждать санкций «диссидентам» действительно долго не пришлось. В резолюции очередного пленума РПФ подчеркивалось, что по всем вопросам, касающимся «утверждения в парламенте государственной политики Франции, должна неукоснительно соблюдаться дисциплина голосования»{343}. «Диссиденты» назвали такую линию руководства для себя неприемлемой и 12 июля образовали в Национальном собрании собственную фракцию. В ответ де Голль немедленно выступил с

декларацией, в которой указывалось, что любой депутат или сенатор, покидающий парламентскую фракцию РПФ, исключается из рядов голлистского объединения{344}.

Казалось бы, наконец единство восстановилось. Но это была лишь видимость. Депутаты и сенаторы, оставшиеся в рядах РПФ, также то и дело выражали недовольство чересчур строгими установками руководства. Как сказал Жак Сустель, «ров между Бурбонским и Люксембургским дворцами с одной стороны и улицей Сольферино с другой[35] становился пропастью»{345}.

Пока руководители РПФ занимались выяснением отношений с парламентской группой, ситуация на местах вышла из-под их контроля. В результате голлистское движение во многих районах страны начало клониться к упадку. Оливье Гишар свидетельствовал, что в 1952 году объединение утеряло свою монолитность и являло собой уже «два мира, два климата и две различные сложные проблемы для генерала — парламентскую группу и депутатов и рядовых членов партии»{346}.

Ситуация внутри РПФ огорчала и даже раздражала де Голля. Однако он отнюдь не был занят только распутыванием противоречий, в которых увязли его сторонники. Генерал не переставал наблюдать за тем, что происходило во французской политике, главным образом внешней.

В начале 50-х годов Франция активно включилась в процесс европейской интеграции. В 1951 году премьер-министр страны Робер Шуман выступил инициатором объединения производства и сбыта угля и стали западноевропейскими государствами. «План Шумана» отклонила Великобритания. Однако в следующем году Франция совместно с ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом подписала договор о Европейском объединении угля и стали (ЕОУС). Сразу после этого другой премьер-министр страны Рене Плевен по довольно настоятельному требованию Соединенных Штатов начал разрабатывать проект договора, учреждавшего Европейское оборонительное сообщество (ЕОС). Он предполагал объединить страны, вступившие в ЕОУС. «План Плевена» предусматривал создание наднациональной европейской армии, подчиняющейся главнокомандующему войсками Североатлантического блока (НАТО)[36]. Таким образом, Франция, как и другие члены ЕОС, должна была лишиться контроля над собственной армией. В 1952 году кабинет Пине подписал и этот договор. Правда, он мог вступить в силу только после его ратификации Национальным собранием.

Де Голль положительно отнесся и к вступлению Франции в НАТО, и к распространению на нее действия «плана Маршалла»[37]. Сам он был одним из инициаторов объединения

европейских государств в конфедерацию. Еще в декабре 1948 года председатель РПФ заявил: «Никто более чем я не убежден в необходимости строительства Европы»{347}. Однако договоры о ЕОУС и ЕОС генерал сразу воспринял отрицательно. Де Голль считал, что они, и особенно «план Плевена», подчиняют Францию «американской стратегии и отнюдь не гарантируют ей защиты»{348}.

Председатель РПФ не хотел такой европейской конфедерации, которой диктовали бы из-за океана, что и как надо делать. В отношении договора о ЕОС генерал прямо сказал:

> «Нет! Он не должен быть одобрен французским народом. Многие французы, я в этом убежден, так же как и я сам, ни за кем не признают право подчинить их и дать распоряжаться своей судьбой иностранцам, лишая себя таким образом возможности пользоваться национальной защитой»{349}.

В декабре 1952 года председатель РПФ перенес операцию по удалению катаракты и в течение некоторого времени восстанавливал свои силы после нее. Между тем новый, 1953 год начинался для голлистского движения в унылой обстановке. Генеральный секретарь Луи Терренуар записал в дневнике: «Как мне не хотелось открывать эту страницу. Ведь уже полгода по РПФ как по парламентскому объединению не перестает звучать похоронный колокольный звон»{350}. И буквально через несколько дней, прямо в подтверждение таких слов, депутаты РПФ опять нарушили дисциплину голосования. Многие из них поддержали нового кандидата в премьеры — правого радикала Рене Мейера. Они проголосовали за него потому, что он пообещал голлистам не ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе, против которого объединение во главе со своим председателем боролось уже год.

Де Голль прекрасно понимал, что звездный час РПФ прошел. Созданное им движение явно клонилось к упадку. Но что было делать? Пока он не знал. В марте генерал решил совершить путешествие по африканским владениям Франции и посмотреть, что делается на подвластных ей территориях. Председатель РПФ пробыл в Африке целый месяц. Его везде принимали с энтузиазмом. Но, когда он в начале апреля 1953 года вернулся во Францию, его ждало еще одно разочарование.

На прошедших в мае муниципальных выборах голлисты получили всего 10,6 % голосов избирателей, то есть почти в четыре раза меньше, чем в 1947 году. После такой серьезной неудачи де Голль все же начал склоняться к тому, что РПФ пора

ликвидировать. Однако одним махом пресекать его деятельность он не стал. Пока он решил избавиться от «предателей»-парламентариев. 7 мая генерал выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что «хотя Объединение французского народа не прекращает своего существования, его депутаты и сенаторы отныне не будут считаться членами РПФ и могут вести парламентскую деятельность только от собственного имени»{351}.

Такие слова председателя объединения вызвали некоторую растерянность в рядах парламентариев РПФ. В Национальном собрании от основной фракции откололось еще несколько человек, которые перешли в парламентские группы правых и центристских объединений. В результате в голлистской фракции осталось 77 депутатов. Она приняла название Союз республиканского и социального действия, так как де Голль потребовал, чтобы название РПФ не фигурировало больше в парламентской жизни страны. Возглавлял группу сначала Андре Дьетельм, а потом Раймон Трибуле. Аналогичная фракция существовала и в сенате. Ее работой руководил Мишель Дебре.

В июне голлисты почти всем составом проголосовали за утверждение на посту премьера «независимого» Жозефа Ланьеля. В ответ на такую благосклонность они впервые в истории Четвертой республики получили пять министерских портфелей. Как только об этом стало известно, де Голль немедленно опубликовал коммюнике, в котором подчеркнул:

> «За то, что произошло, объединение не несет ни прямой, ни косвенной ответственности. Каждый представитель РПФ, вошедший в правительство, будет исключен из его рядов»{352}.

Генерал, конечно, был огорчен поведением своих соратников, совсем недавно следовавших только его тактике по отношению к слабому режиму — ни при каких обстоятельствах никакого сотрудничества. Однако он понимал, что при создавшейся ситуации голлистские парламентарии оставались не у дел, по существу становились «безработными». Некоторым из них пришлось серьезно подумать о смене рода деятельности. Осознавая это, де Голль «закрыл глаза» на то, что часть депутатов-голлистов нашла прибежище в правительственных кругах Четвертой республики{353}.

Осенью генерал решил выяснить, каково положение Объединения французского народа на местах. Он вызвал в Париж региональных делегатов, чтобы они доложили ему об обстановке. В один голос прибывшие говорили об упадке движения, о его постепенном угасании. Де Голль подбодрил своих сторонников и

просил их «всеми силами поддерживать истлевающий огонек»{354}.

В доме на улице Сольферино-5 стало намного меньше сотрудников. Де Голль в каждый приезд в столицу наведывался туда, хотя уже не проводил еженедельных заседаний исполнительного комитета. Тем не менее генерал приглашал побеседовать с ним Андре Мальро, Жака Сустеля, Рене Капитана, Луи Терренуара. Разговор всегда, шел на одну и ту же тему: как быть дальше с голлистским движением, куда его вести? И ни от кого председатель не мог получить удовлетворяющий его ответ. Но одно стало окончательно ясно — надежды, связанные с Объединением французского народа, не оправдались.

В Коломбэ

Явно неудавшаяся затея с Объединением французского народа огорчала де Голля. Он постепенно отходил от политической деятельности и все прочнее обосновывался в Коломбэ. Правда, почти весь октябрь 1953 года генерал с женой путешествовал по французским владениям в Индийском океане. Эту продолжительную поездку, как и предыдущую, африканскую, организовали сторонники де Голля. Вместе с ним и Ивонной в странствия отправился и секретарь его личной канцелярии Оливье Гишар, только что сменивший Жоржа Помпиду.

Председатель РПФ вылетел на небольшие острова в Индийском океане, сделав остановку в Тунисе и на Мадагаскаре, а возвратился через Джибути и Эфиопию. Путешествие доставило огромное удовольствие Ивонне. Она очень любила летать на самолете и с интересом знакомилась с экзотическими странами. Жена генерала впоследствии говорила сыну, что чувствовала себя той осенью самой счастливой на земле{355}. Наконец-то ее Шарль принадлежал только ей! В самолете она всегда сидела у иллюминатора, а де Голль, расположившись рядом, обязательно что-нибудь читал. Ивонна наблюдала за тем, что происходит внизу, на земле. Она с восторгом дергала мужа за рукав и восклицала: «Шарль, смотрите, слоны!» А он, не отрываясь от книги, бурчал: «Оставьте, Ивонна»{356}. В конце октября супруги возвратились в Коломбэ.

Всю первую половину 1954 года де Голль посвятил своим «Военным мемуарам». К лету первый том был закончен. Генерал попросил Жоржа Помпиду выступить в роли посредника между ним и издателями. Как только стало известно, что «освободитель Франции» собирается опубликовать воспоминания, многие из них предложили председателю РПФ свои услуги. Прежде всего это был Этьен Репессе из «Берже-Левро», у которого де Голль публиковал свои первые книги. Однако на сей раз генерал предпочел остановить выбор на известном издательстве «Плон», которое некогда выпустило в свет мемуары знаменитых французов Третьей республики — маршала Фоша, Жоржа Клемансо, Раймона Пуанкаре. Представители «Плона» были обрадованы решением де Голля. Так началось многолетнее сотрудничество генерала с этим издательством[38].

Тем временем депутаты-голлисты продолжали интегрироваться в систему Четвертой республики. В июне 1954 года премьер-министром Франции стал радикал Пьер Мендес-Франс. В его кабинет вместе с представителями ЮДСР, радикалов

и «независимых» вошли и голлисты. Одним из основных направлений деятельности нового правительства было урегулирование французских колониальных проблем. Мендес-Франс решил положить конец военным действиям в Индокитае, длившимся уже восемь лет. В июле 1954 года Франция подписала Женевские соглашения о прекращении войны. В следующем месяце кабинет предоставил внутреннюю автономию французскому протекторату Тунису. Другой же протекторат — Марокко — на требование независимости получил отказ.

Голлистская фракция в Национальном собрании поддержала почти все начинания правительства Мендес-Франса. Однако, когда премьер-министр, как и многие его предшественники, представил на рассмотрение парламенту договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), голлисты начали активную кампанию против его ратификации. В результате 30 августа 1954 года договор был отвергнут Национальным собранием и окончательно похоронен. Де Голля обрадовали усилия его сторонников в этом направлении. Провал договора о ЕОС стал последней крупной акцией, которую еще как-то можно было связать с политической деятельностью РПФ и его лидера.

В октябре первый том мемуаров де Голля — «Призыв» увидел свет. Он вызвал неподдельный интерес, разошелся большим тиражом и принес автору солидный гонорар. Финансовое положение семьи де Голлей сразу значительно улучшилось. Это подняло настроение автору. Генерал, возможно, рассчитывал, что французы, прочитав о его знаменитом призыве 18 июня, захотят, чтобы он вновь спас нацию. Во всяком случае 12 октября де Голль писал сыну: «Мне кажется, что едва заметное дуновение чего-то нового начинает будоражить спящие воды, в которые превратилась наша страна»{357}.

В то же время многие представители правящих кругов Франции считали, что политическая карьера генерала завершена. Когда осенью 1954 года новый посол СССР в Париже Сергей Александрович Виноградов встретился с министром иностранных дел Жоржем Бидо, тот сказал ему: «Ехать повидаться с де Голлем бесполезно. Он конченый человек»{358}. Но Виноградов оказался более дальновидным, чем Бидо. 9 ноября в гостинице «Ла Перуз» он встретился с генералом. Собеседники говорили о международных проблемах и французской политике, в частности, об отклонении Национальным собранием договора о ЕОС. Де Голль заявил послу СССР, что его ратификация «нанесла бы ущерб национальным интересам Франции»{359}.

1955 год не внес каких-нибудь существенных перемен в

жизнь генерала. Начался он еще с одной потери. В начале февраля умер старший брат де Голля Ксавье. В апреле председатель РПФ лег в больницу, на операцию по удалению катаракты на втором глазу. Летом генерал опять погрузился в написание мемуаров. Он уже почти год работал над вторым томом — «Единство».

Де Голль всегда радовался приездам в Коломбэ родных. Теперь особое удовольствие ему доставляло общение с внуками. У Филиппа было три сына. В 1948 году на свет появился Шарль, в 1951-м — Ив и в 1953-м — Жан. Генерал любил катить перед собой коляски с мальчишками, пока они еще не умели ходить. А когда внуки немного подросли, он водил их на прогулки по парку Буассери и играл с ними.

Все больше времени в Коломбэ проводила дочь де Голля Элизабет. Она печатала на машинке текст мемуаров отца, написанный от руки. Иногда, когда в Буассери съезжались сын, невестка, зять, шурин, племянники генерала, он принимался декламировать какой-либо отрывок своих воспоминаний. «Пока он читал, — писал Жак Вандру, — его голос менял тембр и тональность. Он был поочередно обычным, суровым, ироничным, а иногда очень выразительным. Время от времени наш чтец останавливался, чтобы прокомментировать какой-нибудь кусочек текста или событие в нем упомянутое, а иногда и разъяснить, почему он принял то или иное решение»{360}. Зять де Голля Ален де Буассьё добавил к этому: «Генерал был прекрасным оратором и, как все люди его поколения, умел читать текст. Поэтому мы всегда присутствовали на исключительном спектакле»{361}.

Председатель РПФ из Коломбэ следил за тем, что происходит во французской политике, но сам публичных заявлений почти не делал. 31 августа 1955 года в письме Мишелю Дебре он замечал:

> «Да, падение Франции продолжается. Вы предлагаете мне что-нибудь сказать или написать об этом. Но разве я в течение четырнадцати лет мало говорил, мало писал, мало действовал? И вот вам!»{362}

В сентябре, наконец, де Голль принял решение официально объявить о роспуске Объединения французского народа и таким образом признать свое «поражение». Он распорядился приостановить сбор членских взносов и всякую деятельность на местах{363}. Голлистское движение замерло, «погрузилось в сон».

Осень обычно наводит на грустные размышления. А эта, 1955 года, особенно располагала к ним. Согласно опросам общественного мнения, только два процента французов верили, что де Голль еще может вернуться к власти. Из головы генерала

не выходили стихи его любимого Верлена:

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotone

Издалека
Льется тоска
Скрипки осенней —
И, не дыша,
Стонет душа
В оцепененье*.

Перевод А. Гелескула.

«Переход через пустыню»

Когда де Голль оставил своих сторонников на произвол судьбы, для них тоже настали не лучшие времена. Только самые преданные соратники генерала осенью 1955 года объявили о своем намерении продолжать борьбу за голлистские идеалы. Они провозгласили создание новой организации — Национального центра социальных республиканцев. Голлисты заявили, что их объединение — «партия верности генералу де Голлю» и что оно будет «преследовать те же цели, что РПФ»{364}. Так открылась следующая страница голлистского движения. Она стала, пожалуй, самой сложной и тяжелой за весь период его существования. Сторонники генерала вступили на путь испытаний и невзгод. Позднее они назовут этот этап своей деятельности «переходом через пустыню». Председателем объединения стал Жак Шабан-Дельмас, генеральным секретарем — бывший региональный делегат РПФ Роже Фрей. К ним примкнули Жак Сустель, Мишель Дебре, Эдмон Мишле, Луи Терренуар, Раймон Трибуле и другие. «Социальные республиканцы» занимались в основном парламентской деятельностью и выступали на страницах прессы в столице, а в провинции были фактически предоставлены самим себе.

Среди лидеров нового голлистского объединения существовало две точки зрения о том, что им делать без генерала. Одни считали, что «социальные республиканцы» должны находиться в постоянной непримиримой оппозиции к «слабому режиму» и добиваться его краха. Другие же более терпимо относились к политической системе Четвертой республики и считали, что голлисты вполне могут вступать в соглашения с партиями, входить в правительственное большинство и занимать министерские посты.

Главным представителем первого тактического направления был Мишель Дебре, возглавлявший группу «социальных республиканцев» в сенате. Он не терял надежды на возвращение генерала к государственным делам и не желал вступать ни в какие отношения с «системой», хотя ему не раз предлагали портфель министра. Перейти из оппозиции в правящий блок Дебре мыслил только вместе с де Голлем. Главой второго направления был Жак Шабан-Дельмас, не раз в период Четвертой республики становившийся министром. Такой же тактической линии придерживался и Жак Сустель.

Во французской политике в середине 50-х годов на первый план постепенно выдвинулась «алжирская проблема». Она

возникла, когда в момент правления кабинета Мендес-Франса в Алжире под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) вспыхнуло национальное восстание против французских властей.

Алжир занимал совершенно особое место в системе французской колониальной империи. Он был завоеван Францией еще в 1830 году и на протяжении всего последующего времени заселялся европейцами. В середине 50-х годов XX столетия население страны насчитывало примерно 9,5 миллиона человек, из которых более миллиона составляли французы. В руках этой одной девятой части населения находилась вся полнота политической и экономической власти в Алжире. Юридически он не считался ни колонией, ни протекторатом, а просто причислялся к заморским департаментам Франции. В течение долгих десятилетий многим поколениям французов со школьной скамьи внушалось, что Алжир является неотъемлемой частью их страны и что защита ее интересов на этой земле — патриотический долг каждого гражданина республики. Именно поэтому правительство Мендес-Франса сразу же после начала восстания взяло курс на его подавление. Началась кровопролитная колониальная война.

В январе 1955 года Мендес-Франс предложил пост министра-резидента Алжира Жаку Сустелю. Он согласился и занимал эту должность в течение года. В заморских департаментах Сустель сблизился с ультраколониалистами, отстаивавшими лозунги — «Алжир — это Франция», «французский Алжир». Будучи министром-резидентом, он даже выдвинул идею интеграции Алжира с Францией.

Особенно сложная для голлистов ситуация создалась накануне парламентских выборов 1956 года. Социалистическая партия во главе с Ги Молле, ЮДСР, возглавляемый Рене Плевеном и Франсуа Миттераном, и часть радикалов, сплотившихся вокруг Мендес-Франса, объединились перед выборами в так называемый Республиканский фронт. «Социальные республиканцы» сначала не хотели заключать никаких соглашений. Однако без них для голлистов шансы попасть в парламент равнялись бы почти нулю. Их движение без де Голля не могло рассчитывать на успех. Раймон Трибуле заметил даже: «Мы понимали, что находимся под угрозой полного исчезновения»{365}. Поэтому накануне выборов Жак Шабан-Дельмас объявил, что «социальные республиканцы» присоединяются к Республиканскому фронту.

Выборы в Национальное собрание принесли большой успех левым. На первое место вышла Французская коммунистическая

партия, получившая 150 мандатов. Социалистическая партия заняла 95 мест, радикалы вместе с ЮДСР — 91. Народно-республиканское движение получило 73 мандата, «независимые» — 95. «Социальные республиканцы» сумели провести в собрание только 21 человека. Новый кабинет сформировал Ги Молле. В него вошли лишь партии Республиканского фронта, Жак Шабан-Дельмас занял в правительстве пост государственного министра.

Де Голль продолжал в Коломбэ работу над мемуарами. Летом 1956 года увидел свет их второй том — «Единство». Генерал не вмешивался в дела «социальных республиканцев». Однако верные голлисты приезжали к бывшему председателю РПФ в Коломбэ. Время от времени у него в Буассери появлялись Мальро, Дебре, Сустель, Мишле, Палевски, Терренуар. Голлисты замечали, что их лидер погружен в собственные мысли и в свои, порой отнюдь не политические, замыслы. Однажды, когда де Голль поехал проводить Луи Терренуара на вокзал в Бар-сюр-Об, он показал ему возвышающийся холм недалеко от Коломбэ и рассказал, что, по преданию, великий Цезарь осаждал засевшие на нем войска мятежных галлов. Генерал замыслил установить на холме огромный каменный лотарингский крест, чтобы его было видно издали{366}.

О планах на будущее де Голль ничего никому не говорил. И тем не менее по его отдельным высказываниям и отрывкам из писем было ясно, что он пока не распрощался с мыслью о возвращении в политику. В мае 1956 года бывший председатель РПФ писал генералу Жуэну:

> «Я тронут твоей верой в меня. Но в настоящий момент я думаю, что мое молчание — это самая впечатляющая, производящая эффект на общественное мнение, позиция. А если я однажды и заговорю, то призову действовать. И тогда, я уверен, мы еще раз будем с тобой вместе»{367}.

В августе 1956 года де Голль с женой совершил третье путешествие по французским колониям. На сей раз он посетил острова Тихого океана — Гваделупу, Мартинику, Антильские острова и Гвиану. Его везде встречали радушно. Генерал выступал с приветственными речами, знакомился с местными обычаями, с удовольствием пересекал океанскую гладь на пароходах. В сентябре он заехал еще на Цейлон и через Корсику возвратился в Париж.

Зимой бывший председатель РПФ приступил к завершающему тому мемуаров — «Спасение». Ему минуло 66 лет. Темными вечерами он сидел в гостиной за пасьянсом в ожидании

сводки последних новостей и вспоминал фразу Фенелона[39] — «Часы длинны, а жизнь коротка»{368}. Генерал полностью погрузился в мысли о жизни и ее смысле.

Да, жизнь коротка. Вот уже и зима сменилась весной. Все зазеленело. Де Голль стал больше гулять. Теперь он мог, прохаживаясь по лесным тропинкам и лугам, сорвать для Ивонны первые фиалки и маргаритки{369}. Генерал сделал и первый набросок завершающих страниц мемуаров. Он решил написать о том, как живет сейчас в Буассери, обрисовать свой автопортрет. Отрывок получился совершенно необыкновенный и по стилю, и по содержанию. Де Голль создал маленькую философскую новеллу.

«В моем доме царит безмолвие. Из угловой комнаты, в которой я провожу большую часть дня, я могу все время смотреть вдаль, в ту сторону, где заходит за небосклон солнце. На протяжении четырнадцати километров не видно ни одного строения. Передо мной открываются равнины и леса. Мой взор скользит вдоль холмов, тянущихся до долины заката, а потом перемещается на соседние склоны. Из верхней части сада я охватываю взглядом глухие чащи. Лес так обволакивает собою всю местность, что кажется, будто море бьется об острые выступы суши. Я наблюдаю, как на этот пейзаж опускается ночь. И тогда, созерцая звезды, я чувствую, как во мне пробуждаются мысли о бренности вещей.

Конечно, письма, радио, газеты приносят в мою уединенную обитель новости нашего мира. Во время моих коротких поездок в Париж я принимаю посетителей. Из разговоров с ними я могу судить, каково состояние людских душ. Во время каникул дети и внуки окружают нас своей молодостью. Нет только нашей дочери Анны, которая покинула этот мир раньше нас. Сколько часов уходит. Я читаю, пишу, мечтаю, и ни одна иллюзия не смягчает горькой безысходности в моей душе.

Однако в моем маленьком парке — я обошел его уже четырнадцать тысяч раз — деревья, с которых холод снимает их одежду, вновь надевают свой зеленый наряд, и цветы, посаженные моей женой, увядают и опять распускаются. Все дома в нашей местности давно обветшали, но из них выбегают смеющиеся девчонки и мальчишки. Когда я выхожу погулять в окрестные леса, их сумрачный вид уже начинает наводить на меня тоску, и вдруг щебет птички, солнечный отблеск на ветке или набухающая почка напоминают мне, что жизнь, с тех пор как она появилась на земле, ведет вечный бой и никогда его не проигрывает. И вот я ощущаю, как ко мне возвращается какая-то тайная уверенность. Ведь все рано или поздно начинается снова. И после того, как

меня самого уже не будет, то, что я сделал, станет началом нового порыва.

Я старею, и мне ближе становится природа. Каждый раз четыре времени года для меня как четыре урока. Их мудрость меня утешает. Природа поет весной: "Что бы ни случилось потом, сейчас все только начинается. Вокруг так светло, несмотря на мимолетные ливни, так молодо, хотя у деревьев еще невзрачный вид, так красиво, включая даже пока пустые поля. Любовь вселила в меня столько силы и радости. Кажется, что они никогда не иссякнут!"

Она утверждает летом: "Моя гордость — это мое изобилие. С большим усилием я даю то, что кормит все живое. Каждая жизнь зависит от моего тепла. Зёрна, плоды, стада, залитые сейчас солнцем, — это достижение, которое никто не сможет уничтожить. Отныне будущее принадлежит только мне!"

Осенью она вздыхает: "Моя задача близка к завершению. Я отдала мои цветы, мои плоды, мой урожай. И теперь я стою, призадумавшись. Посмотрите, как я еще хороша в моем платье из золота и пурпура под ослепительным солнцем. Увы, скоро ветры и непогода сорвут мое убранство. Но однажды на моем обнаженном теле вновь расцветет моя молодость!"

Зимой она жалуется: "И вот я бесплодная и ледяная. Сколько растений, животных, птиц, которых я породила и лелеяла, умирают под моим покровом, потому что я уже не могу ни согреть, ни накормить их. Но неужели в этом судьба? Неужели навсегда победила смерть? Нет! В моих недрах мало-помалу начинается скрытая работа. Еще неподвижная в самой глубине тьмы, я предчувствую чудесное возвращение света и жизни".

Старая земля, разъеденная временем, источенная дождями и бурями, истощенная растительностью, но готовая бесконечно производить все, что нужно, чтобы род людской продолжался.

Старая Франция, обремененная Историей, истерзанная войнами и революциями, идущая без устали от величия к падению, но от века к веку распрямляемая своим гениальным стремлением к возрождению.

Старый человек, изнуренный испытаниями, отстраненный от дел, чувствующий приближение вечного холода и все-таки не перестающий ждать, когда во мраке блеснет луч надежды».

Пока де Голль предавался размышлениям в Коломбэ, во французской политике произошли некоторые изменения. Режим Четвертой республики начал испытывать серьезные трудности. Причиной тому была все ширившаяся алжирская война.

Французская армия, познавшая горечь поражения в Индокитае, стремилась взять реванш в Алжире, но терпела

неудачи. Удрученные этим офицеры и солдаты постепенно проникались ультраколониалистскими настроениями. Они стали применять пытки к пленным, расстреливать заложников. Однако Фронт национального освобождения Алжира упорно продолжал сопротивление и расширял военные действия, что сильно раздражало французское командование. Оно было также крайне недовольно правительственной политикой. С одной стороны, все кабинеты держались курса на подавление национально-освободительного движения алжирцев, а с другой, за спиной армии, — вели секретные переговоры с ФИО{370}. В рядах армейской верхушки быстро росло убеждение, что правительство вообще неспособно разрешить «алжирский вопрос». Такого же мнения придерживались и алжирские ультраколониалисты. Армия и «ультра» начали открыто возлагать ответственность за неудачи в колониальной войне на правящие круги Парижа. Они по существу перешли в оппозицию к правительству.

Де Голль сразу понял всю серьезность создавшейся ситуации. Он хотел сам посетить Алжир и ознакомиться с происходящим на месте. Но ехать туда официальные власти ему не разрешили. Тогда в марте 1957 года генерал отправился во французскую Сахару, чтобы побывать хотя бы рядом с горячей точкой. В конце июня в письме к племяннице бывший председатель РПФ отмечал: «Алжирское дело затянулось, несмотря на большие усилия и затраты. Чем дольше оно длится, тем более зловещим и мрачным становится. Я даже не представляю, как нынешний режим сможет с ним справиться»{371}. Четвертая республика, действительно, дала трещину. Это понял не только де Голль, но и его верные сторонники. Они интуитивно почувствовали, что слабой «системе партий» можно, наконец, нанести решающий удар.

И вот осенью 1957 года «социальные республиканцы» начинают широкую кампанию за возвращение своего лидера к власти. Они решили развернуть ее в прессе, а также провести по всей Франции серию митингов и банкетов с целью пропаганды идей голлизма. Мишель Дебре в ноябре основал собственный небольшой журнал «Курьер гнева», на страницах которого постоянно требовал немедленного создания во Франции правительства общественного спасения во главе с де Голлем.

В начале 1958 года «социальные республиканцы» поняли, что самая благоприятная почва для их агитации сложилась в самом Алжире. Сторонники де Голля решили воспользоваться тем, что Жак Шабан-Дельмас занимал пост министра обороны в стоявшем у власти кабинете радикала Феликса Гайяра, и послать в алжирскую столицу в качестве официальных представителей министерства голлистов Леона Дельбека и Люсьена Нейвирта.

Основной целью их деятельности должна была стать агитация за возвращение к власти де Голля, а также привлечение на его сторону двух основных сил, отстаивающих лозунг «французский Алжир», — «ультра» и командование армии{372}. Именно в них «социальные республиканцы» увидели своих возможных сторонников.

В январе 1958 года Дельбек и Нейвирт появились в Алжире. Они создали в алжирской столице «Антенну», личное представительство министерства обороны, имеющее прямую связь с Парижем. Через «Антенну» Дельбек изо дня в день информировал Шабан-Дельмаса обо всех алжирских событиях и получал указания голлистских лидеров".

Дельбек сразу установил контакт с организациями алжирских «ультра». Он смог объединить их в так называемый Комитет бдительности под лозунгом борьбы за «французский Алжир» и уже в его рамках начал агитацию за возвращение к власти «освободителя Франции». Последнее оказалось делом непростым, так как лидеры «ультра» — Пьер Лагайярд, Жозеф Ортиз, Бернар Лефевр — отнюдь не считали своей задачей содействие приходу к власти де Голля.

Еще сложнее было с военными. Французскую армию в Алжире возглавлял Рауль Салан. Ему подчинялись командующие разными родами войск — генералы Жак Аллар, Эдмон Жуо, Жак Массю и адмирал Обуано. На установление «Антенны» они отреагировали спокойно. Однако, когда Дельбек попытался вступить с ними в контакт, отнеслись к этому без энтузиазма. Салан принял явившихся в его ставку голлистов более чем сдержанно. Тогда они отправились к командиру парашютно-десантной дивизии Массю. Но тот тоже не оказал им теплого приема. По словам одного из его подчиненных, полковника Томазо, военным «тогда казалось очень странным, что проблема Алжира связывалась с приходом к власти де Голля»{373}. И все-таки первые контакты были налажены.

Тем временем алжирская война становилась все ожесточеннее. А Дельбек и Нейвирт продолжали делать свое дело.

Они проводили время в бесконечных переездах между Парижем и Алжиром, давали отчеты своим товарищам по партии и получали от них инструкции.

Сам де Голль хранил молчание, хотя очень зорко следил за развитием ситуации. Он, безусловно, знал об установлении в алжирской столице «Антенны». Секретари, работавшие на улице Сольферино, Оливье Гишар и Жак Фоккар, держали его в курсе всех дел, происходящих в голлистских кругах{374}. Участились

поездки сторонников генерала в Коломбэ. Голлисты советовались с ним и, вполне возможно, получали директивы. Весной 1958 года имя де Голля достаточно часто упоминается в политических кругах страны. Не только его сторонники, но представители других партий говорят о генерале как о единственном шансе для страны. Материалы о голлизме то и дело появляются на страницах прессы. 7 марта крупнейшая газета «Монд» опубликовала статью известного политолога Мориса Дюверже под названием «Когда?». В ней автор писал, что вопрос сейчас заключается не в том, вернется ли де Голль к власти, а как скоро это произойдет{375}.

В апреле у генерала в Буассери побывали поочередно Дельбек и Нейвирт. Первый следующим образом резюмировал свой разговор с бывшим председателем РПФ: «— В настоящий момент все возможно, мой генерал. — Но армия? Вы думаете, она за меня? Вы говорили обо мне с Саланом? — Де Голль всегда делал вид, что ни во что не верит. Но аудиенция, предусмотренная на 20 минут, длилась час с лишним»{376}. В самом конце апреля к генералу приехал Нейвирт и спросил его: что он будет делать, если армия и народ выступят с призывом к нему? Де Голль прямо ответил: «Я откликнусь»{377}.

Иллюстрации

Шарль де Голль — первый президент Пятой республики.

Де Голль в конце 1940-х годов.

Де Голль (в центре) — председатель Временного правительства Французской республики. *1945 г.*

Де Голль с активистами РПФ. *1948 г.*

Де Голль среди французских военных в Алжире. *1958 г.*

Президент с премьер-министром Мишелем Дебре.

В рабочем кабинете в Елисейском дворце.

Де Голль при спуске на воду атомной подводной лодки «Грозный» *Март 1967 г.*

С Джоном и Жаклин Кеннеди. *1961 г.*

С Конрадом Аденауэром. *1962г.*

Де Голль с Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. *1966 г.*

С Ричардом Никсоном. *1969г.*

Президент де Голль и премьер-министр Жорж Помпиду. *1968 г.*

Баррикады Парижа. *Май 1968 г.*

Париж в мае. *1968 г.*

Де Голль на свадьбе дочери Элизабет. *Январь 1946 г.*

Свадьба Филиппа де Голля и Генриэтты де Монталамбер. *Декабрь 1947 г.*

Семья президента на приеме в Елисейском дворце.
Слева направо: Ивонна, Генриэтта, Филипп и Шарль де Голль.
Июнь 1959 г.

Президент с женой в Коломбэ. *1960г.*

Филипп де Голль с сыновьями.
Слева направо — Пьер, Шарль, Ив и Жан. *1964г.*

После отставки. Де Голль в Ирландии. *Июнь 1969г.*

Последнее путешествие по Франции. *Рейн, январь 1969 г.*

Народ Франции прощается с де Голлем. *Коломбэ, 12 ноября 1970 г.*

Де Голль в конце пути...

Долгожданное возвращение

Все свершилось в мае 1958 года. Сам ход событий вовлек генерала и его сторонников в решающую схватку за власть. Сначала голлисты, а вслед за ними и де Голль сумели так искусно провести игру против Четвертой республики, что менее чем за месяц она, следуя французской поговорке — «Сегодня жив, а завтра жил», — переместилась в историю.

С середины апреля в Париже долго и мучительно углублялся правительственный кризис. Голлисты наблюдали за его развитием в Национальном собрании и сенате. Де Голль следил за тем, что происходит, из Коломбэ. Сначала потерпел неудачу в формировании кабинета Жорж Бидо, затем Рене Плевен. Когда Франция прожила без нового правительства двадцать дней, президент республики Рене Коти решил 5 мая узнать у де Голля, на каких условиях он согласился бы сформировать кабинет. Генерал передал через своего секретаря Оливье Гишара, что примет предложение только в том случае, если ему предоставят право обойти существующую процедуру создания правительства{378}. Коти не согласился на такие условия, и дело зашло в тупик.

Гишар сообщил о своих переговорах с президентом республики ближайшим сторонникам генерала. Безрезультатность его встречи их нисколько не смутила. Они продолжали развивать кампанию в пользу возвращения де Голля. 9 мая Мишель Дебре добился в Париже встречи с верховным главнокомандующим страны генералом Полем Эли. Он заявил ему, что де Голль твердо намерен опять встать во главе государства. Эли дал понять, что ничего против решения генерала не имеет{379}.

В это время Коти предложил сформировать правительство представителю МРП Пьеру Пфлимлену, который выступал за сохранение Алжира под властью Франции, но считал, что «нужно прекратить военные действия и начать переговоры с ФНО»{380}. Разумеется, его кандидатура была встречена крайне неодобрительно среди алжирских «ультра» и командования армии, полагавших, что переговоры с ФНО — это начало капитуляции. Обстановка в Алжире накалилась до предела. Ультраколониалисты неистовствовали. 10 мая из алжирской столицы в Париж отбыл генерал-губернатор Алжира социалист Пьер Лакост. Он привез президенту республики послание от генерала Салана, где говорилось:

> «Вся французская армия будет глубоко оскорблена, если мы откажемся от нашего национального достояния (то есть Алжира — М. А.). Нельзя предугадать, что она предпримет в своем отчаянии»[381].

12 мая Пфлимлен закончил формирование своего кабинета. На следующий день должно было состояться обсуждение его программы и утверждение полномочий в парламенте. Узнав об этом, «ультра» немедленно назначили на 13 мая три мероприятия: всеобщую забастовку, демонстрацию под руководством Комитета бдительности и траурную церемонию у памятника солдатам, погибшим в двух мировых войнах. Активисты «ультра» решили после траурного митинга завладеть зданием центрального управления алжирской администрации, так называемого «ЖЖ». Но ясной программы требований у них в этот момент не было. По словам Лагайярда, они понимали, что «надо что-то делать, но никто не знал точно, что именно»[382]. О намерениях армии ничего не сообщалось.

Понимая, что обстановка в Алжире чревата взрывом, туда вечером 12 мая срочно вылетел Дельбек, находившийся в Париже. Вместе с ним хотел лететь и Сустель, пользующийся большой популярностью среди «ультра». Однако в последний момент он решил, что его основная задача — помешать созданию правительства Пфлимлена, и поэтому посчитал нужным отправиться в Алжир после голосования в Национальном собрании. Голлисты хотели, чтобы алжирские демонстранты требовали создания правительства общественного спасения во главе с де Голлем[383]. Но выработать совместную тактику действий ни с ультраколониалистами, ни с представителями армейского командования им не удалось.

13 мая в три часа дня в Париже Пфлимлен выступил с правительственной декларацией в Национальном собрании. Он заявил, что «считает необходимым пересмотреть Конституцию, чтобы положить конец министерской нестабильности». В отношении Алжира кандидат в премьеры сказал, что «его правительство выберет подходящий момент и начнет переговоры с целью прекращения военных действий»[384]. После этого начались дебаты.

Тем временем в Алжире к памятнику погибшим, где собралась масса народа, прибыли высшие чины алжирской армии: генералы Салан, Аллар, Массю, Жуо, адмирал Обуано. «Ультра» встретили их криками: «Французский Алжир!» и «Армию к власти!» Траурная церемония продлилась менее получаса. Генералы возложили венок к памятнику, все присутствующие

почтили память павших минутой молчания, прозвучала «Марсельеза», после чего представители командования покинули площадь. Буквально через несколько минут Лагайярд воскликнул: «Все на штурм «ЖЖ», против прогнившего режима!» Толпа моментально ринулась к зданию, находившемуся неподалеку, на центральной площади города — Форуме.

Под руководством Лагайярда несколько сот «ультра» с помощью стоявшего на улице грузовика пробили ворота, взломали двери здания и начали погром канцелярии министра-резидента. Они разбили бюст Республики, выбили стекла и начали выбрасывать из окон досье архивов. По существу, начался мятеж. Находившиеся у здания взводы парашютистов с любопытством наблюдали за происходящим.

В половине восьмого вечера у здания появился генерал Массю и тщетно пытался навести порядок. Он связался по телефону с Национальным собранием, где шли дебаты по инвеституре Пфлимлена. Массю рассказал о происшедшем и спросил, что должен делать, но не получил никаких указаний. Прибывший на место Салан, в свою очередь, позвонил Эли, но тот лишь попросил его постараться успокоить бунтующих. Мятежники не унимались. Тогда Массю решил узнать у «ультра», чего они хотят. Лагайярд ему выкрикнул: «Или создание Комитета общественного спасения и требование образования в Париже правительства общественного спасения, или же продолжение мятежа». Командир парашютной дивизии вопросительно взглянул на Салана, но тот молчал. После непродолжительной паузы Массю согласился. «Хорошо, — сказал он, — пишите список»{385}.

В Комитет общественного спасения вошло около 30 человек, в основном представителей «ультра». Во главе его Массю вписал себя и трех полковников своей дивизии — Дюкасса, Тренкье и Томазо.

Около девяти часов вечера Массю отправил в Париж на имя президента республики телеграмму, в которой говорилось о «создании военно-гражданского комитета общественного спасения в Алжире» и «требовалось сформировать в Париже правительство общественного спасения, единственно способное сохранить Алжир в качестве неотъемлемой части метрополии»{386}.

Такие новости вызвали панику в Национальном собрании. Однако вскоре дебаты возобновились. Пфлимлен в общих словах осудил мятеж, но не предложил никаких конкретных мер для его ликвидации{387}. Решительно выступил против мятежников только член политбюро ФКП Вальдек Роше. Но депутаты правых

партий даже не дали ему договорить. Они прервали его речь криками: «Французский Алжир!» В ответ со скамей, занимаемых левыми, раздались крики: «Фашисты!», «Фашизм не пройдет!»{388} В третьем часу ночи дебаты наконец закончились и началось голосование.

Захват здания центрального управления и создание Комитета общественного спасения были неожиданными для голлистов. Во время взятия «ЖЖ» Дельбек находился на противоположном конце города, где должна была состояться демонстрация под руководством Комитета бдительности. Узнав о штурме здания, он тут же направился туда, но все улицы были запружены народом и проехать на машине оказалось невозможным. Поэтому ему пришлось пробираться пешком, что заняло почти два часа. Лишь поздно вечером Дельбек проник в здание центрального управления к генералу Масою и заявил ему, что он друг Сустеля, который с минуты на минуту ожидается в Алжире{389}.Массю сразу включил Дельбека и Нейвирта в только что сформированный Комитет общественного спасения.

Как только Сустель узнал о мятеже, он действительно попытался отправиться в Алжир. Но оказалось, что правительство отдало распоряжение о прекращении всей почтовой, телеграфной и телефонной связи с Алжиром и запретило самолетам и судам покидать французские аэродромы и порты. Так что бывшему генерал-губернатору пришлось пока остаться в Париже.

В Алжире глубокой ночью узнали, что Национальное собрание проголосовало за утверждение правительства Пфлимлена. Члены комитета пребывали в замешательстве. Лишь Леон Дельбек упорно доказывал, что есть лишь один выход: обратиться с призывом к генералу де Голлю. Сначала его и слушать не хотели. Но время шло. Нужно было принимать какое-то решение. В результате поступили именно так, как он советовал. Первым на его сторону встал генерал Массю, а затем остальные. На рассвете мятежники выпустили первое коммюнике:

> «Комитет умоляет генерала де Голля прервать свое молчание и создать правительство общественного спасения, единственно способное сохранить Алжир»{390}.

Под утро наконец удалось уговорить действовать генерала Салана. От его имени была послана телеграмма в адрес президента республики:

> «Перед лицом серьезных волнений, которые угрожают национальному единству в Алжире, военные власти считают настоятельной необходимостью

> обратиться к национальному арбитру, чтобы сформировать правительство общественного спасения»[391].

Дельбек изо всех сил пытался убедить Салана заменить слова «национальный арбитр» именем де Голля, но тот наотрез отказался. Вообще Дельбеку было тяжело противостоять остальным членам комитета. Не рассчитывая на свои силы, он надеялся, что Сустель явится в Алжир и сможет окончательно склонить генералов и «ультра» на сторону де Голля. Того же мнения придерживались и остальные голлисты.

Утром 14 мая почти все лидеры «социальных республиканцев» — Фрей, Мишле, Терренуар, Трибуле — собрались у Сустеля. По словам Луи Терренуара, «все понимали, что Дельбек не может оставаться один в Алжире, где ему и так было уже очень трудно противостоять активистам. Все также полагали, что рядом с Саланом, который не знал, какое решение принять, должен находиться опытный советник»[392]. Ни у кого не вызывало сомнения, что среди голлистов самым «опытным советником» мог быть только бывший министр-резидент Жак Сустель. Но добраться до Алжира оказалось делом очень непростым, так как за Сустелем по указанию правительства постоянно следили полицейские.

Кабинет Пфлимлена не принимал никаких мер для подавления алжирского мятежа, а напротив, стремился сохранить контакт с командованием армии. Правительственное коммюнике, выпущенное 14 мая, поручало «главнокомандующему алжирских войск поддерживать порядок и обеспечивать охрану граждан»[393]. Премьер-министр лично связался по телефону с Саланом и просил его о том, чтобы он убедил членов комитета признать его правительство единственно законным[394]. Салан ничего не обещал. Он до сих пор был в нерешительности и не знал, на чью сторону встать. В тот же день в Алжире состоялась пресс-конференция, на которой Дельбек все время повторял:

> «Комитет общественного спасения не признает созданное в Париже правительство и выступает за передачу власти де Голлю»[395].

На следующий день устами Дельбека заговорил генерал Салан. 15 мая он в окружении представителей комитета произнес с балкона «ЖЖ» краткую речь перед собравшейся толпой. Он заявил о солидарности с мятежниками. Конец своего выступления Салан так описал впоследствии в мемуарах: «Я воскликнул "Да здравствует французский Алжир!" В этот момент я слегка

нагнулся вправо, и Леон Дельбек шепнул мне на ухо: " Мой генерал, скажите 'Да здравствует де Голль!'". Это длилось не более двух секунд. Встав прямо напротив микрофона, я крикнул: "Да здравствует генерал де Голль!" Толпа ответила мне долгим ликованием»{396}. Волей-неволей, но все-таки решающие слова были произнесены.

Вскоре об этом узнали в Париже. Разъяренный Пфлимлен позвонил в Алжир и спросил Салана, почему он произнес имя де Голля. Генерал ему ответил:

> «Я воскликнул "Да здравствует де Голль", потому что все население Алжира убеждено так же, как и я сам, что в настоящий момент лишь он может в качестве главы правительства вернуть Франции веру в свою судьбу великой нации, защитить общественные институты и сохранить французский Алжир»{397}.

А де Голль в Коломбэ только и ждал подходящего момента, чтобы вступить в игру. Генерал решил, что 15 мая, после призыва к нему главнокомандующего французскими войсками в Алжире, он как раз настал{398}. Двенадцать долгих лет де Голль ждал своего часа и больше церемониться с Четвертой республикой не собирался. Он еще в юности запомнил двустишие Сюлли-Прюдома[40]:

> Viennent les ans! J'aspire a cet, age sauveur
> Ou mon sang coulera plus sage dans mes veines{399}.

> Пришло время!
> В моем возрасте я чувствую,
> Как сама кровь в жилах становится мудрее[41].

Вот теперь де Голль понял, что эти строки о нем. Ни за что он не упустит появившийся шанс, чего бы ему это ни стоило. Для начала генерал выступил с первой декларацией: «Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение союзных народов, волнение в действующей армии, раскол внутри нации, утрату независимости. Вот уже 12 лет, как Франция пытается разрешить проблемы, непосильные для режима партий, и идет к

катастрофе. Некогда, в тяжелый для нас час страна доверилась мне, чтобы я повел ее к спасению. Сегодня, когда Франции предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов взять на себя власть Республики»[400]. Заявление де Голля послужило поводом для оживленных дебатов в парламенте. А пока в Национальном собрании спорили, хорошо генерал поступил или плохо, Сустель смог усыпить бдительность дежуривших возле его дома полицейских, выехать из Парижа и через Швейцарию добраться до Алжира. Его появление там способствовало окончательному введению мятежа в голлистское русло.

Теперь представители генералитета алжирской армии действовали совместно с голлистами, которые, в свою очередь, через специально разработанную кодовую систему постоянно имели связь с Парижем и держали в курсе всего происходящего генерала де Голля[401].

19 мая де Голль выехал из Коломбэ в Париж, чтобы дать во дворце Орсэ пресс-конференцию. Большой зал дворца был переполнен. Пришли многие голлисты — Шабан-Дельмас, Дебре, Мишле, Мальро, писатели Франсуа Мориак и Грэм Грин, послы европейских государств, в том числе и Виноградов. Генерал появился ровно в три часа. Присутствующие отметили, что он постарел, стал более грузным, волосы посеребрились сединой, тяжеловатые черты лица с возрастом сгладились, голос стал приглушенным. Журналисты увидели перед собой человека более покладистого, чем прежде. Если раньше он был высокомерным и чопорным, отличался безапелляционностью своих суждений, то сейчас стал осторожным и обходительным.

Прежде всего генерал провозгласил себя сторонником демократии и республики, напомнив, что в послевоенный период, возглавляя Временное правительство, он «восстановил гражданские свободы» и «провел прогрессивные социально-экономические реформы». Относительно положения в Алжире де Голль высказался очень уклончиво, лишь сказав, что «в сложившихся кризисных условиях» армейское командование, «выполняя свой долг наведения порядка, поступило правильно». На вопрос Ги Молле, касающийся его возможного прихода к власти, генерал ответил, что хотел бы получить «чрезвычайные полномочия на формирование своего кабинета»[402]. По отношению к социалистам де Голль проявил максимум любезности. Робер Лакост вдруг стал «его другом». А Ги Молле, оказывается, «стоял с ним рядом на балконе ратуши города Арраса» в дни освобождения Франции. Далее в адрес лидера социалистов было произнесено немало лестных слов[403].

Ги Молле следил за ходом пресс-конференции по телевизору,

установленному в Бурбонском дворце. Услышав такие слова, он воскликнул: «Но ведь это ложь! Я же в это время находился в Нормандии»'{404}. Это действительно была ложь. Но кому не понравится, когда из тебя делают чуть ли не героя. Поэтому Молле очень быстро успокоился. А де Голль знал, что говорил. Ведь в известной мере у социалистов в руках находился ключ к власти. Он прекрасно понимал, что правых (представленных в парламенте партией «независимых» и МРП) ему не придется долго уговаривать утвердить его в качестве премьера. О поддержке коммунистов, имевших 150 мандатов, и думать было нечего. Поэтому позиция 95 депутатов Социалистической партии могла стать решающей.

Когда в конце пресс-конференции де Голля спросили, не собирается ли он ограничить общественные свободы, он ответил: «Разве я когда-либо это делал? Наоборот, я их восстановил, когда они исчезли. Неужели кто-нибудь думает, что в 67 лет я собираюсь начать карьеру диктатора?»{405} Считая, что на сегодняшний день он сказал все, что хотел сказать, генерал удалился в Буассери.

В Алжире движение 13 мая ширилось. Во многих городах создали местные комитеты общественного спасения, во главе которых встали военные. 23 мая был образован объединенный Комитет общественного спасения Алжира и Сахары. По существу им стал комитет, созданный еще 13 мая, но расширенный за счет новых членов. Его основная цель теперь была сформулирована следующим образом: «Обеспечить приход к власти правительства общественного спасения во главе с генералом де Голлем, чтобы провести и защитить коренную реформу институтов Французской республики»{406}.

Правительство в Париже пребывало в замешательстве. Пфлимлен не знал, что ему делать. Одни просили его покинуть свой пост во имя национального единства, другие — остаться по тем же причинам. Тем временем алжирские мятежники решили поторопить события. Представители Комитета общественного спасения Алжира и Сахары Сустель, Дельбек, полковник Томазо подготовили мятеж, аналогичный алжирскому, на Корсике{407}. К утру 25 мая без единого выстрела были захвачены все основные корсиканские города. Мятежники сформировали свой Комитет общественного спасения, требующий «национального единства вокруг генерала де Голля»{408}.

В политических кругах Парижа известие о корсиканских событиях вызвало панику. Стали распространяться слухи о возможной высадке мятежников в метрополии и начале гражданской войны{409}. И действительно, представители штаба

алжирской армии совместно с голлистами и, вполне возможно, с ведома самого де Голля разработали так называемую операцию «Возрождение»{410}. Она предусматривала высадку парашютистов в парижском регионе и захват ими власти. Сустель считал, что такая операция могла бы пройти без единого выстрела, «так как полиция ни за что не поднялась бы против армии»{411}. Определенных сроков для проведения «Возрождения» пока назначено не было.

В Париже правительство Пфлимлена, получившее 20 мая «чрезвычайные полномочия», ничего не предпринимало против мятежников Алжира и Корсики. Более того, в правящих кругах Франции росло убеждение, что отпор им может привести к власти народные силы во главе с коммунистами и что наилучшим выходом из положения была бы передача власти де Голлю. Теперь политики Четвертой республики обращают к нему свои взоры.

22 мая у де Голля в Коломбэ побывал лидер партии «независимых» Антуан Пине. Этот шаг был предварительно одобрен президентом республики и премьер-министром. Пине предложил генералу стать посредником между Алжиром и Парижем. Де Голль заявил лидеру «независимых», что возьмется за решение этой проблемы только в том случае, если ему будет предоставлена «вся полнота власти». После этого собеседники обсудили важнейшие проблемы внутренней и внешней политики Франции{412}. Пине остался очень доволен. По возвращении в Париж он посоветовал Пфлимлену самому лично встретиться с де Голлем. А пока премьера уговаривали согласиться на такой шаг, к генералу обратились социалисты. мая Ги Молле послал де Голлю письмо. В нем он писал о своей солидарности с генералом в алжирском вопросе и заявлял, что не верит обвинениям его в диктаторских замыслах{413}. На следующий день социалист Венсан Ориоль, бывший президент республики, также направил письмо в Коломбэ, в котором указывал, что в случае осуждения де Голлем мятежа в Алжире ему обеспечена поддержка социалистов для прихода к руководству правительством{414}. мая повидаться с генералом согласился сам Пфлимлен. Поздно вечером он на небольшой машине тайно покинул свою резиденцию и направился в городок Сен-Клу под Парижем. Там в назначенном месте его уже ждал де Голль. Пфлимлен предложил обезоружить мятежников Алжира и Корсики, после чего созвать совещание лидеров всех партий для обсуждения кандидатуры генерала на пост главы правительства. Де Голль потребовал, чтобы ему была предоставлена власть без всяких оговорок{415}. Они расстались во втором часу ночи, так ни о чем и не договорившись. «Диалогом глухих» назвал это свидание Пфлимлен. А де Голль заявил, что

они «расстались друзьями»[416]. Он просто использовал свою встречу с премьер-министром для того, чтобы представить ее как начало формирования своего правительства. Генерал вернулся в Коломбэ в пять часов утра, поспал несколько часов и в десять сел за письменный стол, чтобы написать свою следующую декларацию. В час дня ее уже передавали все радиостанции страны. «Вчера я начал обычный процесс, необходимый для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны. Я рассчитываю, что этот процесс будет продолжаться и что страна своим спокойствием и достоинством продемонстрирует желание видеть его завершенным»[417].

Такое заявление явилось полной неожиданностью для депутатов и даже многих министров. 27 мая в Бурбонском дворце одни говорили, что Пфлимлен капитулировал этой ночью, другие же — что де Голль его просто обвел вокруг пальца. Сам премьер вообще ничего не мог объяснить. По словам Эммануэля д'Астье де Ля Вижери, у него просто «не хватило наглости назвать де Голля лжецом»[418].

Голлисты тем временем разворачивали кампанию в пользу возвращения генерала по всей Франции. В знак верности своему лидеру они организовали пролет десяти небольших самолетов над Коломбэ, которые выстроились в небе в виде лотарингского креста. Де Голль увидел их, вышел из дому, подошел к ближайшей поляне и застыл на ней, высоко подняв немного разведенные в стороны руки. Даже с высоты можно было разглядеть его одинокую фигуру, похожую на букву «V» — начальную в заветном слове Victoire — Победа. Фотографию, запечатлевшую такую картину, опубликовал в конце мая журнал «Пари-матч».

Правительство, осознав свое полное бессилие, искало лишь повода для отставки. Оно выдвинуло на обсуждение Национального собрания проект реформы конституции, резко ограничивающий права парламента. Пфлимлен и его министры рассчитывали, что коммунисты проголосуют против и кабинет сможет уйти в отставку. Но лидеры ФКП разгадали этот шаг и проголосовали за проект. Жак Дюкло заявил с трибуны Бурбонского дворца: «Мы не дадим вам алиби! Франция будет знать, что ваш текст принят, а вы сбежали, чтобы уступить дорогу узурпатору!»[419] Законопроект был одобрен большинством голосов. И все же кабинет отказался от своих полномочий. На рассвете 28 мая Пфлимлен вручил президенту республики заявление об отставке.

Через несколько часов в Коломбэ появился еще один гость.

Многочисленные журналисты, уже давно «разбившие лагерь» вокруг имения де Голля, не смогли понять, кто он. А был это посланец из Алжира генерал Дюлак. Он приехал по приказу Салана, чтобы узнать, должна ли состояться операция «Возрождение»{420}. Де Голль не хотел ее проведения. Зачем? Развязка была близка. Еще одно усилие, и Национальное собрание само распахнет перед ним двери к власти.

Поздно вечером 28 мая президент республики Рене Коти вызвал к себе в Елисейский дворец председателей обеих палат парламента — Андре Лё Трокёра и Гастона Моннервиля. Он просил их повидаться с де Голлем и узнать у него, на каких условиях генерал согласится возглавить правительство. В одиннадцать часов вечера два председателя встретились с де Голлем в парке Сен-Клу. Де Голль потребовал предоставления чрезвычайных полномочий и права пересмотреть Конституцию 1946 года{421}. Гастон Моннервиль был очень мягок и покладист и соглашался на все. Андре Лё Трокёр, напротив, на требования де Голля отвечал однозначно: «Это невозможно. Все должно пройти в рамках республиканской законности». В час ночи собеседники расстались, не придя к согласию. Генерал опять удалился в Буассери. Моннервиль и Лё Трокёр в два часа ночи подъехали к Елисейскому дворцу. Президент вышел навстречу своим поздним посетителям. Лё Трокёр сообщил ему, что встреча с де Голлем закончилась полным провалом. Коти немного подумал и сказал, что он удаляется в свой кабинет, чтобы к утру принять необходимое решение{422}.

Утром 29 мая стало известно, что президент республики направил послание двум палатам парламента. В три часа дня началось заседание Национального собрания. Перед амфитеатром Бурбонского дворца появился Лё Трокёр. Он попросил депутатов встать и выслушать заявление президента. «В этот тяжелый час, — писал Коти, — я решил обратить свой взор к генералу де Голлю — самому знаменитому из французов» и предложить ему «сформировать правительство общественного спасения, которое смогло бы осуществить глубокие преобразования наших институтов»{423}.

В этих словах заключалась суть всего текста. В конце своего послания президент угрожал подать в отставку, если парламент выскажется против правительства де Голля. Как только имя генерала было произнесено, по знаку Дюкло все депутаты-коммунисты и некоторые социалисты вновь сели на свои места. Правые продолжали слушать стоя. Не успел председатель закончить чтение, как левые начали скандировать: «Фашизм не пройдет!» Представители правых партий ответили им криками:

«Французский Алжир!» Коммунисты и социалисты запели «Марсельезу». На скамьях правых молчали. Затем начались бесконечные переругивания, угрозы, насмешки. Дело чуть было не дошло до драки{424}.

Пока в кулуарах Бурбонского дворца депутаты продолжали возмущаться, генерал де Голль приехал в Елисейский дворец. Коти встретил его на лестнице у парадного входа. Два президента Французской республики — нынешний и будущий — договорились о том, как произойдет процедура утверждения нового правительства. Они решили, что де Голль появится в Бурбонском дворце только для того, чтобы прочитать свою декларацию{425}.

В тот же день поздно вечером генерал опубликовал коммюнике, в котором потребовал от Национального собрания «чрезвычайных полномочий на срок, необходимый для того, чтобы справиться с тяжелым положением, сложившимся в стране», и дал понять, что намерен пересмотреть Конституцию 1946 года{426}. Судьба республики была решена. Осталось только выполнить последние формальности.

30 мая представители всех главных политических партий страны, за исключением коммунистов, выразили готовность поддержать де Голля и войти в его правительство. По предварительной договоренности государственными министрами были назначены Ги Молле (СФИО), Пьер Пфлимлен (МРП), Луи Жакино («независимый»), Феликс Уфуэ-Буаньи (ЮДСР). Наряду с представителями политических партий в правительство вошли высшие чиновники и дипломаты, в том числе давние сотрудники де Голля{427}. Однако пока в свой кабинет генерал не включил ни одного ультраколониалиста.

Утверждение де Голля на пост главы кабинета состоялось 1 июня. Генерал выступил с краткой правительственной декларацией. Он просил Национальное собрание предоставить его правительству «чрезвычайные полномочия сроком на полгода» с тем, чтобы «разработать новую конституцию и вынести ее на всеобщий референдум»{428}. После прочтения декларации генерал покинул Бурбонский дворец. В дебатах против программы де Голля выступили Жак Дюкло, Пьер Мендес-Франс и Франсуа Миттеран. Большинство же ораторов поддержали его кандидатуру. В итоге за генерала проголосовали 329 депутатов: «независимые», МРП, «социальные республиканцы», часть социалистов и радикалов. 224 депутата были «против»: коммунисты, часть радикалов и социалистов{429}. Так недолговечная Четвертая республика канула в Лету. А де Голль наконец-то вернул себе власть.

Часть IV
ПРЕЗИДЕНТ

Пятая республика

Вернувшись к власти, де Голль сразу отправился в Алжир. Ситуация там давно была накаленной. Новый глава правительства твердо намеревался взять ее под свой контроль. Для этого нужно было «умиротворить» армию и ультраколониалистов, только что переживших знаменательные события. Перед отъездом, 2 июня, генерал встретился с вернувшимся в Париж Леоном Дельбеком и с улыбкой сказал ему: «Браво, Дельбек! Вы прекрасно сыграли, но признайтесь, что и я также»{430}.

В Алжир де Голль прилетел 4 июня и пробыл там три дня. Кроме столицы, он посетил города Константину, Бон, Оран и Мостаганем. Алжирские ультраколониалисты довольно настороженно отнеслись к только что созданному правительству, так как в нем не было ни одного откровенного сторонника идеи «французского Алжира». Но, несмотря на это, генералу оказали теплый прием, и он сам, со своей стороны, постарался убедить «ультра» в солидарности с ними.

Де Голль приземлился в аэропорту в сопровождении нескольких министров. Его встретили генерал Салан и другие представители алжирской администрации. Переезд в 22 километра от аэродрома до центра столицы главы правительства длился более часа. Кортеж машин двигался очень медленно под бесконечными сине-бело-красными знаменами, морем конфетти и серпантина. Вдоль всего пути следования его приветствовала нескончаемая людская изгородь. Со всех сторон доносились возгласы: «Да здравствует де Голль!»

Вечером на Форуме, центральной площади города, генерал выступил перед огромной толпой французов и алжирцев. Когда де Голль появился на балконе «ЖЖ» в сопровождении Салана и Сустеля, жители города встретили его бурной овацией. Собравшиеся скандировали: «Де Голль!», «Сустель!», «Французский Алжир!» Увидевший эту сцену новый премьер воскликнул: «Я вас понял!» Затем он сказал: «Я знаю, что здесь произошло. Я знаю, что вы хотели сделать. Я вижу, что дорога, которую вы открыли в Алжире, — это путь обновления и братства. Я говорю обновления во всех отношениях, в том числе и наших институтов. Я заявляю: с сегодняшнего дня Франция считает, что во всем Алжире есть лишь одна категория жителей — полноправные французы с одинаковыми правами и обязанностями»{431}.

В Алжире произошла небольшая размолвка де Голля с

Сустелем. Бывший министр-резидент очень надеялся получить в новом правительстве пост министра Алжира. Но генерал отказал ему и дал понять, что «алжирским вопросом» займется он лично{432}.

6 июня, перед своим отъездом в Париж, глава правительства посетил Мостаганем. Для того чтобы увидеть его, в этот небольшой город на северо-западе Алжира съехалось почти все окрестное население, преимущественно арабское. Генерал приветствовал мусульман краткой речью:

> «На этой прекрасной алжирской земле началось образцовое движение обновления и братства. Оно подняло с этой исстрадавшейся земли вихрь вдохновения, который, перелетев через море, пронесся над всей Францией и напомнил ей о ее призвании. Спасибо, Мостаганем. Спасибо от всего сердца человека, осознающего, что он несет одну из самых тяжелых ответственностей перед историей. Да здравствует Мостаганем! Да здравствует "французский Алжир"! Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!»{433}

Наконец-то де Голль произнес (в первый и последний раз!) заветные слова "французский Алжир", которых от него так ждали ультраколониалисты. Они на время успокоились, и визит нового премьера в Алжир можно было считать удачным.

По возвращении де Голль стал утверждать свою власть в Париже. 13 июня он патетически заявил французам: «Дорога тяжела, но как она прекрасна. Цель трудна, но как велика. Итак, начало заложено. Идемте же дальше!»{434} Генерал занял Матиньонский дворец — резиденцию премьер-министра — и продолжал консультации по формированию правительства. Ему помогали в этом Жорж Помпиду и Оливье Гишар. Глава правительства стремился включить в кабинет представителей партий, которые в мае помогли ему вернуться к власти. Среди них оказались практически все политические объединения Франции, кроме коммунистического. Министерские портфели получили и многие известные голлисты — Морис Кув де Мюрвиль, Андре Мальро, Жак Сустель, Эдмон Мишле. Важнейший пост министра юстиции занимал Мишель Дебре.

Работающие вместе с главой правительства в эти дни отмечали, как естественно генерал выглядел в новой роли, вернее, в той, которую в последний раз исполнял более двенадцати лет назад. «Он так взял в свои руки бразды правления, — вспоминал Мишель Дебре, — словно отошел от власти только вчера. Это не он был не у дел, это Четвертая

республика была не делом»[{435}].

Теперь свою главную задачу де Голль видел в том, чтобы разработать новую конституцию. Составление ее проекта он возложил на группу высокопоставленных чиновников — членов Государственного совета во главе с Дебре.

Государственный совет начал работу 12 июня. Разрабатываемый им текст по частям обсуждался Правительственным комитетом под председательством самого генерала. К концу июля проект конституции был составлен, одобрен Правительственным комитетом и передан на рассмотрение Конституционному консультативному комитету. В него вошло около сорока человек, главным образом депутатов бывшего Национального собрания, голосовавших за избрание де Голля. Председателем комитета стал давний знакомый главы правительства, один из лидеров «независимых» Поль Рейно. На его заседаниях присутствовали де Голль, государственные министры и министр юстиции.

Конституционный консультативный комитет заседал около полумесяца. Его представители внесли поправки и дополнения в проект. Во второй половине августа текст обсуждался в правительстве, был одобрен им и 4 сентября обнародован. На 28 сентября правительство назначило референдум, на котором французам предлагалось высказаться «за» или «против» нового основного закона страны. Генерал остался доволен проектом. В нем нашли логическое завершение его идеи о сильном государстве.

Сторонники де Голля в конце лета — начале осени 1958 года направили все свои силы на то, чтобы предстоящий референдум дал положительный результат. А глава правительства, внимательно наблюдая за развитием политической ситуации во Франции, одновременно намечал главные направления внешней политики страны. Он вступил в переписку с президентом США Дуйатом Эйзенхауэром, премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом, канцлером ФРГ Конрадом Аденауэром, Н. С. Хрущевым и главами других государств. Де Голль делился с ними собственным видением важнейших проблем мировой политики и роли Франции в развитии международных отношений. Генерал твердо намеревался вернуть своей стране ранг «великой державы», который она утратила в период Четвертой республики.

Первостепенное значение премьер-министр придавал связям Франции с ее ближайшим соседом — Германией. Да, она воевала с Францией на протяжении веков. Генерал сам находился на передовой и в Первую и во Вторую мировые войны. И тем не

менее глава правительства не расценивал Германию как заклятого и вечного врага французов. Еще в межвоенный период он говорил: «Немцы принадлежат к той же христианской цивилизации, что и мы. У них такие же, как у нас, соборы, такая же культура. Нет другого, столь близкого нам народа»{436}. Он с восхищением восклицал: «Какая беспокойная у них душа! Она все время вибрирует от своей безудержной любви к порядку»{437}. В то же самое время, когда в Германии нарастали реваншистские настроения, де Голль одним из первых забил в набат. Но фашисты не представляли весь немецкий народ, в котором генералу многое нравилось. А теперь, когда войны остались далеко позади, новый премьер-министр Франции твердо решил, что вековому соперничеству двух стран будет положен конец.

Как только де Голль вернулся к власти, он решил без промедления налаживать диалог с немецким руководством. В сентябре 1958 года генерал пригласил Конрада Аденауэра приехать к нему с частным визитом прямо в Коломбэ. Канцлер согласился. 14 сентября он прибыл в Буассери в машине без эскорта, только в сопровождении водителя-секретаря и переводчика. Жена главы французского правительства, зная, что ее гость любит розы, собственноручно срезала эти цветы в своем саду и поставила большой букет из них на деревянный комод в выделенной Аденауэру комнате на втором этаже.

Премьер-министр Франции и канцлер Германии увиделись впервые. За обедом атмосфера сначала была натянутой. Но гость быстро освоился и произвел на де Голля, его жену и сына самое приятное впечатление. Генерал говорил с канцлером на его родном языке и рассказывал ему, как еще в молодости путешествовал по Германии и учил немецкий язык.

Де Голль и Аденауэр беседовали с глазу на глаз в библиотеке. Они затронули важнейшие темы современных международных отношений и обсудили пути развития франко-западногерманских связей. Потом главы государств гуляли в парке Буассери.

К ужину в Коломбэ приехали министр иностранных дел Морис Кув де Мюрвиль и послы Германии в Париже и Франции в Бонне. Поздним вечером де Голль отметил, с какой легкостью его 82-летний гость поднялся по лестнице на второй этаж в свою комнату. Утром 15 сентября он отправился в обратный путь{438}. Так было положено начало многолетнему плодотворному сотрудничеству между Францией и Германией.

28 сентября проект основного закона, выдвинутый правительством де Голля, одобрили 79,25 % пришедших голосовать французов. Генерал и его сторонники праздновали победу. Франция получила Конституцию 1958 года. Она

превратила страну в республику президентского типа правления. Именно президент, как давно мечтал де Голль, становился теперь центральной фигурой всей французской политики.

По новой конституции президент республики имел право назначать премьер-министра и отдельных министров, возвращать принятые парламентом законопроекты на повторное обсуждение, передавать на референдум по предложению правительства или обеих палат любой проект закона, касающийся организации государственной власти или одобрения международных соглашений, способных затронуть деятельность государственных институтов. Он мог также распускать (после консультации с премьер-министром и председателями палат) Национальное собрание и назначать новые выборы{439}.

Статья 16 Конституции 1958 года давала право президенту республики в чрезвычайных обстоятельствах брать всю полноту власти в стране в свои руки. Она гласит:

> «Когда институты республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных органов государственной власти нарушено, президент республики принимает меры, которые диктуются данными обстоятельствами. Для этого достаточно простой консультации с премьер-министром, председателями палат парламента и Конституционным советом. Парламент собирается в таком случае по собственному праву и не может быть распущен»{440}.

Отдельный раздел новой конституции регулировал статус французских колоний. В нем провозглашалось создание «Сообщества в составе Французской Республики и всех ее заморских территорий». В одной из статей раздела говорилось, что все «заморские департаменты» Франции «могут сохранить свой статус в составе республики», так же как и «образовать отдельные государства», если их территориальные ассамблеи изъявят на то свою волю не позднее чем через четыре месяца после принятия конституции{441}. Иными словами, эта статья декларировала право французских колоний на независимость. Именно в таком ключе правительство де Голля и в первую очередь он сам видели разрешение кризиса во французских колониальных владениях.

После референдума все политические объединения Франции начали готовиться к выборам в Национальное собрание. Такая же

задача встала и перед голлистами, которые, естественно, должны были выступить на выборах в рамках единой партии. Ее создание сторонники де Голля провозгласили 1 октября 1958 года. Партия получила название Союз за новую республику (ЮНР). 3 октября был образован Центральный комитет голлистской партии, в который вошли такие известные соратники генерала, как Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Жак Сустель, Роже Фрей, Эдмон Мишле, Леон Дельбек и другие.

Лидеры ЮНР представили свою партию как «единственную всецело преданную идеям и личности де Голля»{442}. Однако сам генерал отказался встать во главе нее, потому что так же, как и после Второй мировой войны, стремился представить себя арбитром, отстаивающим интересы всей нации в целом. Печальный опыт РПФ не давал себя забыть. На пресс-конференции 23 октября глава правительства сказал, что возражает против использования партиями его имени «даже в качестве прилагательного», хотя и не намерен запрещать «каким бы то ни было политическим объединениям говорить о своей солидарности с действиями Шарля де Голля»{443}.

На парламентских выборах, прошедших в конце ноября по мажоритарной системе в два тура, новая голлистская партия добилась огромного успеха. Она получила 188 мандатов в Национальное собрание, главным образом благодаря тому, что избиратели отождествляли ее с самим де Голлем.

Руководители голлистского объединения сразу решили оградить парламентскую группу своей партии от возможного повторения раскола, происшедшего несколько лет назад в РПФ. 9 декабря, в день открытия заседаний вновь избранного Национального собрания, голлисты дали следующее обязательство: «Я, избранный депутатом ЮНР, торжественно подтверждаю мое присоединение к Союзу за новую республику и его парламентской группе. Я обязуюсь оставаться верным задачам ЮНР, поддерживать в парламенте и в моем округе действия генерала де Голля, подчиняться дисциплине голосования, избранной большинством группы, в важных вопросах, касающихся жизни нации и французского общества с тем, чтобы сохранять сплоченность нашей группы и дух нашего движения»{444}. В тот же день председателем Национального собрания стал Жак Шабан-Дельмас.

21 декабря де Голль был избран на семилетний срок президентом республики. Голосование по традиции, заложенной еще в XIX веке, прошло косвенно. Генерала выбрала коллегия из восьмидесяти одной с половиной тысячи выборщиков. В их число входили депутаты, сенаторы, члены генеральных советов,

представители муниципальных советов, дополнительные делегаты, назначенные крупнейшими муниципалитетами, а также члены генеральных советов заморских департаментов, заморских территорий и Алжира. Конкурировать с главой правительства осмелились лишь двое — коммунист Жорж Марран и представлявший некоммунистическую левую Альбер Шатле. Они добились весьма скромных результатов, а подавляющее большинство выборщиков — более 62 тысяч (78,5 %) проголосовали за де Голля. Так формирование нового политического режима было завершено и начала свое существование Пятая республика.

Национальное величие

8 января де Голль вступил в должность президента республики и назначил премьер-министром Мишеля Дебре. Генерал сразу сказал ему: «Я не собираюсь вдаваться в детали правительственной деятельности. Я ограничусь лишь тем, что определю основные направления»{445}. В первые же месяцы своего президентства де Голль заложил политическую традицию, согласно которой глава государства занимался в основном внешней политикой страны, премьер же — внутренней. Дебре, действительно, получил определенные указания от генерала и приступил к делу.

Сам де Голль взялся за воплощение в жизнь своей мечты — восстановление национального величия Франции. Оно заключалось для президента в стремлении сделать родину державой с «мировой ответственностью». Для этого ей нужно было вести собственную независимую политику.

Прежде всего де Голль решил добиваться достойного места для Франции в НАТО. Главную роль внутри блока играли Соединенные Штаты и верный проводник их политики на Европейском континенте — Великобритания. Президент хотел, чтобы отныне Франция заняла в НАТО равноправное с США и Англией положение. Еще 17 сентября 1958 года он адресовал Эйзенхауэру и Макмиллану меморандум. В нем де Голль указывал: «Франция считает, что блок в его современной форме не может обеспечить условий безопасности всего свободного мира и, в частности, самой Франции. Ей представляется необходимым создание такой политической и стратегической организации, в которой бы она играла непосредственную роль»{446}. Генерал считал, что именно три страны — Соединенные Штаты, Великобритания и Франция — должны совместно составлять стратегические планы и претворять их в жизнь, а также принимать решения по важнейшим мировым проблемам и особенно по использованию атомного оружия.

Эйзенхауэр и Макмиллан отнеслись к предложению де Голля явно отрицательно, хотя и не отказывались вести с ним переговоры на эту тему. Тем временем президент Франции уже в начале 1959 года принял решение о выводе из-под командования НАТО французского средиземноморского флота и запретил базирование на территории своей страны американского ракетно-ядерного оружия.

Несмотря на разногласия с США и Англией по Атлантическому блоку, де Голль проявил полное

взаимопонимание с ними в период Берлинского кризиса. В начале 1959 года стала нарастать напряженность вокруг Берлина. Граница между западной и восточной частью города оставалась открытой. Через нее немцы ГДР постоянно покидали свое государство. Из-за непризнания Восточной Германии западными державами послевоенный мирный договор так и не был подписан. Хрущев требовал в ультимативной форме от США, Великобритании и Франции разрешения германского вопроса. Однако западные страны не шли на уступки. Началось упорное противостояние. Де Голль полностью солидаризировался с партнерами по НАТО. 11 марта 1959 года он писал Эйзенхауэру: «Я хочу вам сказать, что по Берлинскому кризису мы, представители Запада, должны выработать совместную позицию»{447}.

В июне 1959 года де Голль совершил свой первый официальный визит за границу — в Италию и Ватикан. В Риме он вел переговоры о европейских проблемах и отношениях между Францией и Италией с премьер-министром страны Антонио Сеньи и президентом Джованни Гронки. Как правоверный католик генерал встретился с римским папой Иоанном XXIII, занявшим Святой престол в январе. Де Голль беседовал с ним об «испытаниях, выпавших на долю христианства в связи с гигантскими потрясениями XX века»{448}.

Одной из ключевых тем французской политики в конце 50-х — начале 60-х годов были отношения метрополии с бывшими колониями. Декларированным Конституцией 1958 года правом на отделение воспользовалась только Гвинея, ставшая независимой. Остальные территории вошли в Сообщество. Де Голль не испытывал иллюзий на счет желания французских владений, главным образом африканских, навеки связать судьбу с метрополией. Еще в 1958 году он сказал: «Сообщество? Ерунда. Они вошли в него лишь с одной мыслью: как теперь из него выйти»{449}. И тем не менее президент Франции решил лично посмотреть, что делается на землях бывшей империи. В июле 1959 года он отправился в регион Индийского океана — через Французское Сомали на Мадагаскар, Реюньон и Коморские острова.

Зимой и весной 1959 года де Голль почти все свободное время посвящал своим «Военным мемуарам». Бурный предыдущий год не позволил ему завершить работу над последним томом. И вот наконец текст был закончен. Третий том — «Спасение» — увидел свет в сентябре.

В том же месяце состоялась встреча генерала с Эйзенхауэром. Президент США приехал в Париж с официальным визитом.

Главной темой переговоров стало так волновавшее де Голля положение Франции внутри блока НАТО. Генерал не смог убедить Эйзенхауэра в необходимости предоставления ей равноправия с Соединенными Штатами и Англией. В декабре де Голль опять вернулся к этому вопросу во время официального визита в Париж Аденауэра и конференции во французской столице глав США, Великобритании, ФРГ и Франции, но безрезультатно.

Рассчитывал ли вообще де Голль на успех в переговорах по НАТО? Мог ли он надеяться, что англичане и американцы ему уступят? Скорее всего, нет. Президент Франции никогда не забывал мудрых слов так любимого им Гёте — «Сильный характер должен сочетаться с гибкостью разума» — и старался следовать им. В 1959 году генерал объявил, что его страна сама позаботится о своей безопасности и создаст собственные ядерные силы. Только обладая ими, считал де Голль, Франция осознает национальное величие. И она начала работать над созданием атомного оружия. Президент подтвердил это на пресс-конференции 10 ноября 1959 года. Уже в феврале следующего года на полигоне во Французской Сахаре было проведено первое испытание ядерной бомбы. Таким образом, Франция, наравне с Соединенными Штатами; Англией и СССР, хотели они того или нет, вступила в «клуб ядерных держав». Де Голль вообще стремился к усилению военной мощи своей страны. Франция приступила к созданию новейших военных самолетов, кораблей, подводных лодок, средств наземного передвижения.

Политика возрождения национального величия генерала предусматривала и превращение Франции в процветающую индустриальную державу. Президент считал, что достижение такой цели должно стать главной задачей правительства. «Народ без амбиций, — утверждал де Голль, — все равно, что снаряд из дерева»{450}. Он считал, что необходимо поощрять развитие во Франции науки и техники, важнейших отраслей промышленности. Этому способствовало одобряемое президентом планирование. Генерал счел необходимым провести денежную девальвацию. С января 1960 года правительство ввело в оборот новый, «тяжелый» франк. Это привело к уменьшению инфляции, стимулированию экспорта из страны и сделало французскую валюту конвертированной.

Де Голль всегда боготворил Францию. Он жил и созидал во имя нее. Президент восхищенно говорил: «Какой же мы получили шанс, что живем в этой стране. Нет такой второй в мире! Как она великолепна в своем искусстве, культуре, литературе, архитектуре, садах, дворцах… Каких она дала врачей, ученых, военных…»{451} Но для де Голля Франция и французы — это

отнюдь не одно и то же. Генералу принадлежат и такие слова: «Французы недостойны жить в столь прекрасной стране» или «Как хороша была бы Франция без французов»{452}.

Президента не всегда радовало поведение соотечественников. Он считал их недостаточно переживающими за отчизну, думающими только о личной выгоде, страдающими социальной завистью{453}. Генерал следующим образом объяснял страсть французов к развязыванию революций:

> «Цель революций — заставить изменить положение вещей. Французы устраивают их из-за бессилия. Они не могут разрушить элиту общества, потому что чувствуют себя неспособными ее заменить и понимают, что никогда не сравняются с ней. Вот тогда и начинается марание ковров, срывание гардин и разбивание изразцов»{454}.

Почему такие суждения? Наверное, потому что де Голль, личность выдающаяся, всегда стоял выше каких-то усредненных качеств своего народа. Несмотря на приведенные высказывания, он всегда радовался и гордился успехами французов на любом поприще, считая, что своими достижениями они вносят вклад в сокровищницу нации. Генерал всегда хотел понять чаяния простых французов, быть близким к ним. С первых же месяцев президентства он постоянно совершал поездки по различным департаментам страны и знакомился с жизнью своих сограждан.

Большое значение де Голль придавал социальной политике правительства. Генерал желал, чтобы она развивалась согласно разработанной его сторонниками еще во времена РПФ доктрине «участия» или «ассоциации труда и капитала». Он видел в ней третий путь между капитализмом и социализмом.

И все-таки президента прежде всего интересовала держава, во главе которой он стоял, а не люди, ее населявшие. За культурное процветание Франции он мог быть спокоен, потому что по его указанию министром культуры в правительстве Дебре был назначен Андре Мальро. Обычно скупой на комплименты де Голль называл писателя «гениальным другом»{455}. «Каждый режим, — отмечал президент, — должен иметь своего Виктора Гюго, чтобы пробуждать воодушевление граждан, которые погрязли в своих повседневных заботах. У Мальро есть дар зажигать»{456}. Генерал не ошибся ни в выборе, ни в характеристике.

Знаменитый французский писатель с огромным рвением взялся за исполнение обязанностей министра культуры. После развернутых Мальро грандиозных реставрационных работ засверкали своим былым великолепием Лувр и дворец

Инвалидов, Триумфальная арка в Париже, Трианон в Версале, переоборудовались старые музеи, создавались новые музеи и театры. В США впервые увидели «Джоконду», в Японии — «Венеру Милосскую», а в Париже — уникальные предметы древнеегипетского прикладного искусства из гробницы Тутанхамона. Во многих департаментах Франции открывались Дома культуры. Увековечивалась память знаменитых французов — прах Жана Мулена был перенесен в Пантеон.

«Алжирская проблема»

Последние месяцы 1959 года стали напряженными для президента республики. Причиной тому были не переговоры с лидерами западных государств, а политика в отношении Алжира. Несмотря на совершенно особенное положение этой колонии, де Голль, скорее всего, уже в момент возвращения к власти полагал, что ей нужно предоставить независимость. Генерал был убежден, что по иному пути Франция следовать не могла, и считал бессмысленным удерживать Алжир силой под французским суверенитетом. Однако беда заключалась в том, что многие другие так не считали. Алжирская драма не только продолжалась, но и затягивалась, превратившись в настоящую трагедию или, по выражению Мориса Тореза, «язву на теле нации».

Президент республики решил обнародовать свои взгляды 16 сентября 1959 года. В речи, которая передавалась по радио и транслировалась по телевидению, он заявил: «Перед Францией все еще стоит сложная и кровавая проблема Алжира. Мы должны ее разрешить и не сделаем это так, чтобы настроить одних против других. Мы, как любая великая нация, разрешим ее единственно возможным путем — предоставлением самим алжирцам права выбора их будущего». Далее генерал уточнил, что право алжирцев на самоопределение мыслится им как выбор одного из трех решений: «отделение от Франции и образование самостоятельного государства с собственным правительством»; «полное офранцуживание»; «правительство алжирцев, созданное самими алжирцами, опирающееся на помощь Франции и тесный союз с ней в области экономики, обороны и внешних сношений»{457}.

Речь де Голля произвела во Франции эффект разорвавшейся бомбы. Алжир давно расколол французов надвое. Одни сочувствовали «черноногим»[42], считали, что метрополия обязана защитить их интересы и следовать лозунгу «французский Алжир». Другие же полагали, что Франция, несущая в колониальной войне огромные людские потери и финансовые расходы, должна покинуть эти заморские департаменты. После выступления президента «ультра» объявили, что де Голль предал их надежды. Так же считали многие представители французской армии. Внутри ЮНР, опоры президента и правительства в парламенте, тоже не было единства. Целый рад голлистов и некоторые министры сочувствовали «ультра» и осуждали политику генерала. Даже премьер Мишель Дебре, один из самых преданных сторонников де Голля, придерживался ультраколониалистских

взглядов и пытался переубедить президента. Генерал твердо стоял на своем.

В конце 1959 года де Голля постигло личное горе. 26 декабря скоропостижно скончался его младший брат Пьер. А следующий год принес новые испытания.

В январе 1960 года командующий армейским корпусом в Алжире генерал Массю в интервью немецкой газете «Зюд-дойче цайтунг» осудил алжирскую политику де Голля и даже заявил о том, что французская армия может оказать ему неповиновение. Президент сразу отозвал Массю с занимаемого поста. В эти дни он писал сыну:

> «Пора кончать с наглым давлением европейцев Алжира, с ядром политиканов, которое сформировалось в армии, и вообще с мифом "французского Алжира". Все это направлено только на то, чтобы удержать господство "черноногих" над мусульманами»{458}.

24 января, в ответ на отзыв Массю, «ультра», возглавляемые Пьером Лагайярдом и Жозефом Ортизом, организовали довольно мощные демонстрации и забастовки под лозунгом «французский Алжир». Затем при попустительстве явно сочувствующего им армейского командования они соорудили в городе два кольца баррикад и в течение недели удерживали несколько кварталов алжирской столицы. Мятежники требовали от правительства отказа от предоставления Алжиру права на самоопределение. Правда, 1 февраля, так и не получив действенной поддержки армии, они капитулировали.

В течение всей «недели баррикад» атмосфера в правительственных кругах оставалась крайне напряженной. По словам министра промышленности Жана-Марселя Жаннене, «среди членов кабинета оставалось большое число сторонников "французского Алжира", которые сердцем были вместе с мятежниками»{459}. Открыто оправдать в правительстве действия ультраколониалистов решился только государственный министр Жак Сустель. Президента это привело в крайнее раздражение. Он не терпел неповиновения и несогласия с его собственными убеждениями. Де Голль принял непреклонное решение об исключении из кабинета одного из своих самых давних соратников. 5 февраля генерал вызвал министра в Елисейский дворец и, как сказал Сустель, «за две с половиной минуты ликвидировал двадцать лет сотрудничества»{460}. Разговор был очень кратким. Президент заявил, что их идеи по алжирской политике в корне расходятся, и поэтому министр должен покинуть правительство. Сустель не стал возражать. Он лишь

выразил сожаление, что генерал не подождал с решением о его исключении до июля, тогда бы исполнилось ровно двадцать лет с того момента, как он присоединился к де Голлю и начал служить его делу{461}. Вот так «проблема Алжира» вмиг оборвала струну, на протяжении стольких лет соединявшую жизнь двух человек. В знак солидарности с Сустелем кабинет покинул министр телекоммуникаций Бернар Корню-Жантий.

Крайнего накала достигла ситуация и внутри голлистской партии. Среди депутатов и активистов ЮНР было много сторонников Сустеля, которые выступили в его поддержку и тем самым проявили негативное отношение к позиции де Голля. Генерал же требовал, чтобы всех несогласных с его политикой вывели из партийных рядов. И руководители ЮНР не смогли ослушаться. Перед членами голлистской партии стоял выбор: или подчиниться, или покинуть ЮНР. В результате партию оставили Жак Сустель, Леон Дельбек и многие другие. К середине 1960 года она, освободившись от новых «диссидентов», выразила «полное доверие личности и политике генерала де Голля»{462}.

Пока голлисты гасили огонь, вспыхнувший в ЮНР из-за «алжирской проблемы», президент продолжал международную деятельность. Он давно хотел познакомиться с руководителем СССР Хрущевым и при личной встрече обсудить с ним главные проблемы мировой политики. Де Голль пригласил первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР в Париж. 23 марта 1960 года Хрущев прибыл во французскую столицу в сопровождении семьи, заместителя председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина и министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко.

Первое впечатление президента Франции о Хрущеве сложилось таким: «У него был вид добряка. Он приехал с женой, сыном, дочерьми и зятем. Где бы Хрущев ни появлялся, он производил впечатление пылкого и живого человека, несмотря на свою дородность. Он смеялся и проявлял сердечность»{463}. Переговоры де Голля и Хрущева велись в Париже и в пригородной резиденции Рамбуйе. Лидеры двух стран встречались и беседовали пять раз{464}. Они обсуждали советско-французские отношения, германскую проблему и вопросы европейского и всеобщего разоружения.

Беседы глав государств проходили в спокойной дружественной обстановке. Президент Франции во время первой же встречи заявил:

> «Нам предстоит переговорить о многих вещах… Мне хорошо известна Ваша позиция по международным

вопросам. Вы хотите добиться мира и прежде всего разрядки в международных отношениях между двумя лагерями, которые фактически есть.

Франция не хотела бы существования лагерей, но она не та, какой была в прошлом. Ее роль в международном плане уменьшилась. Россия тоже не та. Ее значение возросло, она стала сильнее. Однако наши страны находятся на одном континенте, и дистанция между ними с развитием техники все время сокращается. В связи с этим мы не можем не быть настороже. Поэтому мы и состоим в лагере, который называется западным…

Достижение согласия между нашими странами было бы тем более легким делом, что между нашими государствами нет никаких территориальных споров…»{465}

Хрущев, со своей стороны, подчеркнул:

«Что касается отношений между Францией и Советским Союзом, то я с Вами полностью согласен, что между нами нет существенных разногласий…

Нам понятны Ваши устремления как президента Франции и генерала. Они нисколько не противоречат нашим интересам. Наши пути, я бы сказал, наши шаги нигде не скрещиваются.

Политика возвеличивания Франции не только не противоречит нашим интересам, я даже сказал бы больше, она импонирует нам. Но, исходя из простых человеческих чувств, я хотел бы добавить, что, как бы ни была велика Франция, мы были бы всегда ее достойным партнером, и наше величие было бы достойным величия Франции. В этом отношении наша позиция отличается от позиции некоторых других стран, которые считаются друзьями Франции, но вместе с тем относятся ревниво к ее величию. Это я хотел бы подчеркнуть с особой силой»{466}.

Однако, несмотря на такое многообещающее начало, каких-либо значительных политических результатов во время переговоров двум лидерам достичь не удалось. Представители обеих стран лишь подписали различные договоры о техническом и научном сотрудничестве, а также соглашение о необходимости разрешения неурегулированных международных вопросов не путем применения силы, а мирными средствами.

Невзирая на значительные политические разногласия между

главами государств, де Голль и Хрущев оставили уважительные воспоминания друг о друге. Президент Франции писал:

> «Хрущев охотно вступал в беседу. Особенно непринужденно и расслабленно он вел ее, когда мы оставались один на один, только с переводчиками. При большой разнице в нашем происхождении, образовании и убеждениях между нами установился хороший контакт. Мы разговаривали как мужчина с мужчиной»[467].

В свою очередь Хрущев так охарактеризовал де Голля: «… личное знакомство убедило меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в международных вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы Франции. Он вовсе не был подвержен чужому влиянию, ему вообще нельзя было навязать чужое мнение, особенно в политике, не отвечавшее интересам Франции. По всем вопросам, которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в комментариях министерства иностранных дел или премьер-министра, хотя на такие беседы последний приглашался»[468].

Главы государств виделись и в неформальной обстановке. Премьер-министр Мишель Дебре описал в своих воспоминаниях следующий эпизод. После одной из встреч в Рамбуйе де Голль и Хрущев спустились в сопровождении премьера Франции и Косыгина к озеру, чтобы покататься на лодке. Каково же было удивление Дебре, когда он услышал, как де Голль запел по-русски:

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выплывают расписные
Стеньки Разина челны…

А Хрущев начал ему подпевать[469]. Откуда мог знать эту песню президент Французской республики? Может быть, давным-давно, в 1918 году в крепости Ингольштадт ее пели русские офицеры? Ведь память генерала была феноменальной.

Своим личным контактом руководители двух стран остались довольны. Де Голль отмечал в мемуарах:

> «Хрущев уезжал 3 апреля благодушный и веселый.

> Должен признаться, что я был под впечатлением от его силы и энергичности. И я был расположен думать, что, несмотря ни на что, мир во всем мире имеет шансы быть и что у Европы есть будущее. Я поймал себя на мысли, что, по большому счету, в вековых отношениях между Россией и Францией произошло что-то значительное»{470}.

Проводив главу СССР, де Голль сразу отправился в Англию, осуществив с 5 по 8 апреля свой первый официальный визит в эту страну. Президент Франции был благодарен туманному Альбиону за гостеприимство, оказанное ему, опальному генералу, во время войны. Он не раз говорил об этом во время поездки. Де Голль вел переговоры с премьер-министром Макмилланом, встречался с королевой Елизаветой II, побывал в гостях у Черчилля, посетил Вестминстерское аббатство. Генерала приняли радушно, и он считал свой визит удачным. Однако главное выяснение отношений между Францией и Великобританией было впереди.

В конце апреля — начале мая де Голль вылетел в Западное полушарие. Он прибыл сначала в Канаду, а потом в Соединенные Штаты. Во время встреч с Эйзенхауэром президент Франции уже не касался темы НАТО, понимая, что к согласию с хозяином Белого дома не придет. Они разговаривали главным образом о европейских делах и о встрече в верхах, которая должна была состояться в Париже в мае. Перед возвращением на родину генерал заехал во французские заморские территории — Гвиану{471}, Мартинику и Гватемалу.

Печально известная конференция в верхах при участии де Голля, Эйзенхауэра, Макмиллана и Хрущева прошла в Париже 16–17 мая 1960 года. Главы США, Великобритании, Франции и Советского Союза должны были обсудить условия обеспечения мирного сосуществования, проблемы разоружения, германский вопрос. Однако незадолго до этого советскую границу пересек американский самолет-разведчик У-2. Хрущев вылетел во Францию, но в пути задавался вопросом, можно ли ждать от США на конференции принятия разумного соглашения, если они «перед встречей подложили под нее мину»{472}.

Прибыв в Париж, Хрущев немедленно потребовал у Эйзенхауэра извинений, а тот категорически отказался это сделать. Руководитель СССР вспоминал впоследствии:

> «Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США — великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы

тоже не маленькая страна и считаем себя великой державой. Поэтому мы тем более не можем согласиться с тем, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам»{473}.

Де Голль действительно изо всех сил старался уговорить Хрущева начать переговоры, но тот наотрез отказался и покинул Париж. Конференция была сорвана. 18 мая раздосадованный президент Франции писал сыну: «На этот раз собственно конференция не состоялась… она вылилась в закулисный русско-американский спор. На мой взгляд, американцы виноваты, потому что запустили свой У-2 в канун совещания… а потом к тому же делали противоречивые заявления. Представители СССР виноваты в том, что раздули дело и превратили его в военную машину, направленную на Эйзенхауэра персонально. Однако ни те ни другие войны не желают. Значит, однажды нужно будет возобновить разговор. А мы должны из этого сделать вывод: нам надо существовать самостоятельно. Для этого Франции необходима эффективная ядерная сила»{474}.

1960 год вошел в историю как год Африки. Почти весь Черный континент освободился от колониальной зависимости. Самостоятельными стали и бывшие французские территории — Камерун, Того, Чад, Убанги-Шари (Центрально-Африканская Республика), Конго, Габон, Дагомея (Бенин), Нигер, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Мадагаскар, Судан, Сенегал и Мавритания. Президент Франции с некоторым сожалением, но в то же время с пониманием реагировал на происходящее. В речи 14 июля 1960 года он заявил:

«Нет ничего странного в том, что испытываешь ностальгию по Империи. В точности так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали масляные лампы, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает политики, которая идет вразрез с реальностью»{475}.

Молодые африканские государства, отделившись от метрополии, не теряли связей с ней. На протяжении всего президентства де Голль принимал их руководителей в Париже. Франция сохраняла в Центральной и Западной Африке свое влияние.

Ситуация в Алжире продолжала развиваться самым мучительным образом. Два последних месяца 1960 года стали новой вехой в алжирской политике де Голля. 4 ноября президент

республики высказался за создание «алжирского Алжира», который имел бы «собственное правительство, свои институты и законы»{476}. Через два дня в письме сыну генерал замечал: «Я продолжаю дело по высвобождению нашей страны из пут, которые еще ее обволакивают. Алжир — одна из них. С тех пор как мы оставили позади себя колониальную эпоху, а это, конечно, так, нам нужно идти новой дорогой, но надо это делать умело. В конце концов все поймут, что Северная Африка гораздо больше нуждается в нас, чем мы в ней»{477}. В речи 20 декабря де Голль подтвердил, что будущий Алжир мыслится им как «государство со своим правительством»{478}. Президент республики объявил, что выносит свою алжирскую политику на референдум как в метрополии, так и в Алжире.

Всеобщий референдум состоялся 8 января 1961 года. Его результаты показали, что большинство французов согласны с президентом. В метрополии положительный ответ дали 75,25 % голосовавших, в Алжире — 70,9 %. Тем не менее до конца алжирской драмы было еще далеко. Колониальная война продолжалась. Несмотря на отзыв с территории Алжира почти всех сочувствующих «ультра» высших военных чинов, в армейских кругах нарастало недовольство политикой президента.

В апреле 1961 года в Алжир прибыли отставные генералы Рауль Салан, Эдмон Жуо, Морис Шаль и Андре Зеллер. В ночь на 22 апреля они развязали мятеж при поддержке военного контингента и гражданских лиц. Восставшие захватили власть в алжирской столице, потребовали сохранения Алжира под французским суверенитетом и свержения президента и его правительства.

Де Голль не потерял самообладания. Он ввел во Франции чрезвычайное положение и 23 апреля выступил по радио и телевидению. Президент гневно восклицал:

> «Государство осмеяно, нация выведена из себя, власть унижена. Наш международный авторитет попран, наша роль и наше место в Северной Африке скомпрометированы. И кем же? Увы, людьми, долг, честь и разум которых должен заключаться в том, чтобы служить и повиноваться. Во имя Франции я приказываю использовать все средства, именно все средства, чтобы преградить дорогу этим людям. Я запрещаю любому французу и прежде всего солдату выполнять их приказы. Француженки, французы, помогите мне!»{479}

На следующий день в метрополии более десяти миллионов человек в знак солидарности с президентом провели забастовку.

В Алжире многие французские солдаты и офицеры отказались подчиниться мятежникам. Уже вечером 24 апреля там высадилась французская морская пехота, и «фронда генералов» была подавлена. Зачинщики мятежа скрылись за границей.

Де Голль всегда был решителен в действиях против своих врагов. Однако «алжирская проблема» легла тяжелым камнем и на его сердце. Как-то в 1961 году президент, едва сдерживая эмоции, сказал Алену Пейрефиту:

> «Вы думаете, что мне легко? Мне, который воспитан в духе святого почитания нашего национального флага, французского Алжира, французской Африки, армии как гаранта Империи. Вы думаете, для меня — это не испытание? Вы думаете, я не переживаю, когда приходится где бы то ни было сворачивать наши знамена?»{480}

Противники де Голля тем временем ужесточили свои действия. В 1961 году военные и гражданские сторонники «французского Алжира» создали так называемую Вооруженную секретную организацию (ОАС). Они развернули террор во Франции и в Алжире, готовили покушения на президента республики, пытаясь таким образом помешать созданию алжирского государства. Генерал же опять занялся международными проблемами.

31 мая 1961 года в Париж с официальным визитом приехал новый президент США Джон Кеннеди. Де Голлю понравился этот молодой и энергичный человек. Генерал был очарован красотой и элегантностью его жены Жаклин. Американскую чету принимали в Елисейском дворце и даже в Версале. Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Однако переговоры президентов показали, что разногласия между США и Францией остались прежними.

Де Голль и Кеннеди беседовали семь раз. Разговор шел о роли НАТО в европейских делах, возможности применения атомного оружия. Генерал надеялся, что новый президент Соединенных Штатов примет, в отличие от Эйзенхауэра, его аргументы по поводу изменения статуса Франции в НАТО. Но Кеннеди не изменил позиции США. Собеседники пришли к согласию лишь по германской проблеме. Де Голль подтвердил, что поддержит любое решение американцев по данному вопросу. Правда, пока западные страны решали, что следует предпринять, в июле 1961 года Берлин разделила стена.

В Елисейском дворце

Сразу после своего вступления в должность в январе 1959 года де Голль переехал в президентский Елисейский дворец. Ему он не нравился. Генерал считал, что история дворца не имеет ничего общего с величием Франции. Это двухэтажное здание было построено в начале XVIII века в период регентства Филиппа Орлеанского. Одно время им владела мадам Помпадур. В самом конце века дворец приобрел маршал Мюрат и подарил его Наполеону. Тот отдал здание в распоряжение своей первой жены Жозефины. Для императора ее дом стал последним парижским жилищем. После поражения под Ватерлоо он нашел в нем пристанище на несколько дней. В Серебряном салоне на первом этаже Бонапарт подписал свое отречение от престола. В период Второй империи во дворце жил Наполеон III, а начиная с Третьей республики дом стал резиденцией президентов Франции. Самая пикантная история, связанная с Елисейским дворцом, произошла в 1899 году, когда президент республики Феликс Фор пригласил к себе любовницу мадам Стеней и умер в ее объятиях. Это вызвало грандиозный скандал.

Де Голль подумывал о том, чтобы перенести резиденцию в другое место. Он говорил и о дворце Инвалидов, и о Венсенском замке, и о некоторых других зданиях, но в конце концов решил не менять традиции и обосновался в Елисейском дворце. Однако президент неоднократно заявлял о том, что не любит его. Ален Пейрефит услышал однажды следующее: «У меня вызывает антипатию этот дворец. Он полон неприятных фантомов, начиная от Помпадур и заканчивая мадам Стеней»[481].

Для своего рабочего кабинета де Голль выбрал Золотой салон в центральной части второго этажа. Он показался ему самым удобным, так как его окружало несколько небольших комнат. В них расположились генеральный секретарь Елисейского дворца, технические секретари и адъютанты. У де Голля никогда не было собственной квартиры в Париже, поэтому дворец стал и его домом. Он обустроил личные апартаменты также на втором этаже. От рабочего кабинета их отделяла только так называемая банная комната императрицы Евгении, жены Наполеона III. Окна личных покоев де Голля выходили на небольшой парк Елисейского дворца. Президенту и его жене нравилось смотреть на этот кусочек зелени в центре шумного города, посередине которого по небольшому озерку плавали утки и лебеди.

В каждодневной работе генералу помогали специальные службы Елисейского дворца. В них входило всего 45 человек.

Главным помощником де Голля и центральной фигурой служб являлся генеральный секретарь Елисейского дворца. Он был связующим звеном между президентом и правительством, держал под контролем все события французской политики, по несколько раз в день встречался с генералом, неизменно присутствовал на заседаниях, проходивших во дворце. Под непосредственным началом генерального секретаря работали советники де Голля: по конституционным, административным и юридическим вопросам, по внешней политике, по вопросам экономики и финансов, по социальной политике и национальному образованию, по делам бывшей колониальной империи. Второе крупное ведомство при президенте возглавлял его личный секретарь или адъютант. Он занимался проблемами национальной обороны, связями с прессой, организовывал официальные визиты и персональные встречи президента, ведал протоколом.

Рабочий кабинет де Голля — Золотой салон — был декорирован и обставлен в стиле ампир. Стены обиты палисандровым деревом с богатой позолоченной лепниной. Большой письменный стол, за которым сидел президент, мастер вырезал из красного дерева и подбил металлом и сафьяном. В кабинете стояли также диван, три кресла и шесть стульев, большой круглый стол и два маленьких на витых ножках. В глаза обязательно бросался огромный деревянный глобус, подаренный генералу голлистами. На полу лежал ковер ручной работы. А на панно вдоль камина и на плафоне потолка между двумя массивными позолоченными люстрами «резвились» полуобнаженные грации и нимфы. Такое «общество» ничуть не мешало президенту сосредоточенно работать.

Распорядок дня де Голля всегда был четким и строгим. Он вставал обычно в семь тридцать и после легкого завтрака более часа отводил чтению утренней прессы. В девять тридцать генерал уже находился в рабочем кабинете. Он изучал важные государственные досье, дипломатические депеши, документацию по предстоящим в ближайшее время заседаниям, сведения о желающих его увидеть посетителях.

После обеда, в три часа дня президент читан крупнейшую ежедневную газету «Монд». Затем де Голль два дня в неделю опять просматривал государственные досье и писал собственные речи и послания. С документами генерал всегда работал очень тщательно. Он внимательно читал их от начала до конца, делая заметки на полях. Иногда они были суровыми, а чаще всего — веселыми. Дело доходило даже до того, что президент исправлял в них орфографические ошибки и правильно расставлял запятые. В остальные три рабочих дня недели де Голль после обеда

занимался выдачей верительных грамот.

По средам с утра в Елисейском дворце под председательством президента проходило заседание совета министров. Оно начиналось в десять и заканчивалось к часу дня. Де Голль приходил неизменно вовремя, здоровался с каждым министром за руку, затем все рассаживались за большим овальным столом. Каждый член кабинета выступал с докладом. Генерал считал эти заседания очень важным делом. Однако некоторые воспринимали происходящее менее серьезно. Молодой министр экономики и финансов Валери Жискар д'Эстен описал это действо с юмором. «Во время докладов члены правительства сосредоточивались только на собственных проблемах. В то же время остальные присутствующие обменивались записками, решая текущие дела. Записки попадали от отправителя к адресату, переходя из рук в руки, как на старинной почте, и огибая непреодолимое препятствие — место президента республики. Когда же на пути записки оказывался премьер-министр, для соблюдения приличий записка передавалась за его спиной». Особую, беспросветную тоску всегда вызывал доклад министра иностранных дел о международном положении. Тогда «поток записок нарастал до такой степени, что министров даже приходилось в осторожной форме призывать к порядку: генерал ограничивался лишь тем, что хмурил брови». И далее Жискар д'Эстен обрисовывает следующую картину:

> «Де Голль, величественный, исполненный сознания долга, вслушивается в нескончаемый доклад, а с двух сторон от него спят глубоким сном государственные министры Андре Мальро и Луи Жакино, у Мальро лицо подергивается нервным тиком, а у Жакино выражает почти что блаженство»{482}.

Дневной перерыв редко становился для президента временем отдыха, так как к обеду обычно приглашались гости. Это были те же министры, дипломаты, общественные деятели. Разговор с ними шел о делах. Генерал считал, что приглашенных должно насчитываться «больше, чем граций, но меньше, чем муз»[43]. Так за столом, как правило, собиралось шесть-семь человек. Они спокойно беседовали и обсуждали последние новости.

Де Голль всегда ел с аппетитом, но гурманом его назвать было нельзя. Он предпочитал мясное жаркое с овощами, говядину по-бургундски, телятину в белом соусе, эльзасские сосиски с кислой капустой, запеченную свиную ногу, кролика с черносливом, утиный паштет. Рыбу и устриц президент не любил. Но время от времени эти блюда подавали на стол, так как Ивонна

считала, что ее склонному к полноте мужу невредно поесть их вместо мяса. Ел генерал и сыры. К сладкому десерту он был равнодушен, но иногда пробовал пирожные. Де Голль пил как красные, так и белые вина, а крепких спиртных напитков практически не употреблял.

График работы президента полностью сбивался, когда он уезжал в заграничные поездки, вел переговоры во Франции с представителями зарубежных стран, давал пресс-конференции. Чаще всего они проходили в Елисейском дворце, но нередко — в замке Рамбуйе, расположенном недалеко от Парижа. Его главное здание, окруженное огромным лесопарком, строилось и перестраивалось с XIV по XVIII век и являлось владением французских королей. Иногда де Голль принимал гостей и беседовал с ними в красивом старинном замке Шан в департаменте Сена-и-Марна.

Рабочий день генерала длился примерно десять часов, но только в те дни, когда не было официальных вечерних приемов. А таковые проходили достаточно часто. В 1959 году администрация Елисейского дворца насчитала 103 приема, в следующем — 118, а в 1963 году — целых 145. Они устраивались в президентском дворце Парижа по самым разным поводам. На них приглашались министры, депутаты, сенаторы, дипломаты, военные, бизнесмены, представители общественных организаций и прессы, ученые, писатели, артисты, спортсмены. Де Голль со всеми был одинаково вежлив, учтив с дамами, но не галантен, не целовал им руки.

Правда, он отдавал дань их красоте и элегантности туалетов. Как-то Брижит Бардо появилась в Елисейском дворце в костюме гусара. Президент с улыбкой отметил: «Ба, военный?!» Находящиеся рядом с ним люди так и не поняли, сказал он это, потому что хотел пошутить, или оттого, что плохо видел. Сотрудники президента спорили о том, кого де Голль предпочитает — блондинок или брюнеток? Ему нравились и Жаклин Кеннеди с темными волосами, и белокурая Грейс Келли, принцесса Монако. Сын генерала утверждал, что все-таки — брюнеток, и напоминал, что у его матери были темно-каштановые волосы{483}.

В период президентства де Голля вошло в традицию проводить приемы и в Версальском дворце. Они устраивались там в исключительных случаях, в честь глав зарубежных государств, и проходили в Зеркальном зале. Очень хорош этот зал был весной, в дни долгих сумерек. В вазах на столах стояли свежие тюльпаны, в больших светильниках зажигали свечи. Нежные бордово-пурпурные лепестки цветов и плавно сияющий желтоватый огонь свечей мерцали в отражениях зеркал и напоминали о балах давно

минувших дней. А в проемах окон, в розовых лучах заходящего солнца сверкал всем своим великолепием старинный парк. Шелест только что распустившейся нежно-зеленой листвы сливался с мерным гудением бело-дымчатых струй фонтанов. И казалось, что статуи древнегреческих богов вот-вот оживут и разбредутся по дорожкам, чтобы вдоволь насладиться красотой весенней природы и творений рук человеческих.

Помимо приемов де Голль присутствовал на официальных церемониях. Четыре из них, если он не находился за границей, не пропускал никогда. 8 мая, в ознаменование победы над фашизмом, президент возглавлял празднование у Триумфальной арки. 18 июня, в день своего исторического призыва к французам, он отправлялся на холм Валерьен. 14 июля, в честь главного национального праздника, генерал принимал парад на Елисейских Полях. Наконец, 11 ноября он участвовал у Триумфальной арки и памятника Жоржу Клемансо в церемонии, посвященной победе Франции в Первой мировой войне.

В 1960 году на холме Валерьен был открыт мемориальный комплекс, увековечивший память погибших участников движения Сопротивления. В следующем году об этом мемориале выпустили специальную книгу-альбом. Президент республики сам сделал к нему предисловие-посвящение, сочиненное им белым стихом:

> Солдаты, навсегда уснувшие в пустынях, в горах и на равнинах.
> Утонувшие моряки, убаюканные океанскими волнами.
> Летчики, стремившиеся в небо и разбившиеся на земле.
> Бонды Сопротивления, погибшие в маки и на эшафотах.
> Все вы до последнего дыхания соединялись с именем Франции.
> Именно вы прославляли отвагу, освящали усилия, подкрепляли решения.
> Вы встали во главе огромной и прекрасной когорты сынов и дочерей Франции, которые в испытаниях утверждали величие.
> Ваши замыслы в свое время смягчали наш траур.
> Ваш пример сегодня — основание для нашей гордости.
> Ваша слава навсегда останется спутницей нашей надежды[44]. {484}

Европа

В первые годы своего президентства де Голль уделял большое внимание проблеме «объединения Европы». Она интересовала его давно. Ведь еще в 1948 году генерал заявлял о «необходимости строительства Европы»{485}. В 1957 году, в период правления правительств Республиканского фронта, Франция подписала совместно с ФРГ, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом соглашение об организации «Общего рынка» или Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Все шесть стран обязались постепенно упразднить таможенные барьеры в торговле, ликвидировать экономические границы и образовать единую зону свободного обращения товаров, капиталов и рабочей силы.

Договор о ЕЭС вошел в действие 1 января 1959 года. Де Голль отнесся к этому вполне положительно. Однако он хотел не только и не столько экономического объединения стран шестерки, сколько прежде всего политического единения. Еще будучи премьер-министром, 13 августа 1958 года генерал заявил:

> «Европа должна стать практической реальностью в политическом, экономическом и культурном плане… Европейская кооперация должна утвердиться и за пределами Европы, касательно важных проблем мировой политики… Для того чтобы достигнуть этих целей, между правительствами заинтересованных стран должны проводиться регулярные консультации»{486}.

14 июля 1959 года в беседе с послом СССР Виноградовым президент Франции подчеркнул следующее: «Мы за организацию "большой Европы". Надо дать возможность жить и иметь перспективу также и таким странам, как ФРГ и Италия, хотя они и участвовали в войне против СССР и Франции»{487}. Незадолго до этого де Голль уже начал разговор об «объединенной Европе» с политическими деятелями и руководителями государств, входящих в ЕЭС. Во время официального визита в Италию в июне он предложил главе ее правительства Антонио Сеньи устраивать регулярные заседания министров иностранных дел Франции, Западной Германии и Италии с тем, чтобы проводить консультации по важнейшим проблемам международных отношений. Правда, сразу возникли сложности. Итальянцы настаивали на участии в совещаниях Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, а последние хотели, чтобы на них была

представлена также Великобритания. В июле следующего года во время встречи с Аденауэром в Рамбуйе де Голль поднял перед канцлером вопрос о более тесном сплочении шести стран «Общего рынка».

Чего хотел президент Франции от «единой Европы»? Он мыслил ее прежде всего не как наднациональное объединение, а как «Европу отечеств» и, главное, не подверженную влиянию извне. В 1960 году генерал прямо сказал Алену Пейрефиту: «Я хочу, чтобы Европа была европейской, то есть — не американской»{488}. Иными словами де Голль выступал за объединение, независимое от НАТО, а ведущее собственную политику. Тот же Пейрефит услышал однажды от президента: «НАТО — это уловка. Это структура, цель которой — скрыть господство Америки над Европой. Благодаря НАТО Европа поставлена в зависимость от Америки»{489}. Генерал, конечно, мечтал, чтобы тон в «Европе отечеств» задавала Франция.

В 1961 году состоялось два заседания стран «Общего рынка» — в феврале в Париже и в июле в Бонне. Однако концепция «независимой» Европы де Голля не понравилась партнерам Франции. Бельгия, Нидерланды и Люксембург, а отчасти и Италия выступали за тесный союз с НАТО. Страны Бенилюкс к тому же ратовали за вовлечение в «Общий рынок» Великобритании, которая, со своей стороны, тоже к этому стремилась. Такая ситуация совсем не нравилась де Голлю, который называл Англию «сателлитом» Соединенных Штатов, проводником их интересов в Европе. Участники парижского и боннского совещаний смогли лишь договориться о создании Международной политической комиссии, состоявшей из представителей стран шестерки. Ее целью была разработка политической структуры, объединяющей государства «Общего рынка». Во главе комиссии встал Кристиан Фуше, французский дипломат, верный сторонник де Голля. Президент Франции возлагал на ее деятельность большие надежды. В сентябре 1961 года работа началась.

Тем временем одной из ключевых для Франции оставалась «алжирская проблема». Де Голль говорил в 1961 году: «Алжирское дело — это уже прорвавшийся нарыв и его надо вычистить до конца»{490}.

В середине года по поручению генерала его бывший личный секретарь, работающий теперь в банке Ротшильда Жорж Помпиду, начал в Швейцарии переговоры с представителями Фронта национального освобождения Алжира о прекращении огня. А на территории Франции продолжала действовать ОАС Многие члены этой террористической организации были схвачены и отданы под

суд. Перед военным трибуналом предстали отставные генералы Салан, Жуо, Зеллер и Шаль. Однако еще немало оасовцев оставались на свободе и организовывали террористические акты. Взрывы раздавались на улицах, площадях, в магазинах, около домов известных политиков, деятелей литературы и искусства, известных своим положительным отношением к алжирской политике де Голля.

Сам президент республики давно стал мишенью для членов ОАС. Два раза во время общественных мероприятий в Париже в него стрелял снайпер, но промахнулся. 8 сентября 1961 года, поздно вечером в пятницу, когда машина де Голля следовала в Коломбэ, в местечке Пон-сюр-Сен, прямо перед ней взорвалась бомба. Шофер быстро среагировал и на полной скорости пересек линию огня. Никто не пострадал. Генерал не потерял хладнокровия.

Переговоры в Швейцарии шли трудно, не один месяц. В начале 1962 года они наконец увенчались успехом. 18 марта в городке Эвиан был подписан долгожданный договор об окончании кровопролитной войны. 8 апреля на всеобщем референдуме его одобрили 90,6 % французов. Алжир дорого обошелся Франции. За семь лет войны она потеряла 55 тысяч солдат и офицеров. Теперь метрополия должна была принять на своей территории почти миллион европейцев, вынужденных покинуть Алжир. И все-таки с заключением Эвианских соглашений для Пятой республики завершился первый, очень важный период ее существования. Последняя колониальная война страны ушла в историю.

Де Голль считал, что отныне, справившись с «алжирской драмой», Франция может полностью посвятить себя решению собственных проблем. Президент решил, что двигаться дальше страна должна с новым премьер-министром. Мишель Дебре ушел в отставку. На его место генерал назначил Жоржа Помпиду. Правда, нового главу кабинета довольно прохладно встретили в политических кругах. Его почти не знали. Он никогда не был ни депутатом, ни сенатором, ни министром, ни даже дипломатом или советником.

Вторая половина 1961-го — начало 1962 года стали временем интенсивных дебатов между странами «Общего рынка» по концепции политического союза, разработанной комиссией под председательством Фуше. Проект получил название «плана Фуше». Согласно ему первоначально среди главных целей политического союза стран ЕЭС были названы следующие: проведение общей внешней политики в интересах всех входящих в союз государств, их тесное сотрудничество в области науки и

культуры, защита прав человека, политических свобод и демократии, проведение общей политики по обороне и безопасности.

«План Фуше», составленный под личным контролем де Голля, обсуждался и перерабатывался не один раз. Главными оппонентами Франции выступили страны Бенилюкс. Их не устраивала прежде всего обособленность «единой Европы» от НАТО. Помимо того, они опять выступили за привлечение к «Общему рынку» Англии. Франция сначала шла на некоторые уступки, но все же к согласию шесть стран прийти так и не смогли. В результате в апреле 1962 года «план Фуше» был похоронен.

Де Голля такая ситуация раздосадовала, но тем не менее он надеялся, что настанет день, когда можно будет вернуться к вопросу об образовании «Европы отечеств», независимой от НАТО. Пока же он выступил за укрепление союза Франции с Германией. «На самом деле, — писал президент канцлеру, — будущее Европы зависит главным образом от наших двух стран, и мы с вами воодушевлены одной и той же верой в это»{491}. В июле Аденауэр прибыл во Францию с официальным визитом. В ответную поездку де Голль собирался в сентябре. Но некоторые обстоятельства чуть было не сорвали ее.

22 августа 1962 года, в пятницу де Голль выехал из Парижа по направлению к аэродрому Виллакубле, чтобы оттуда вертолетом добраться до Коломбэ. Он находился в машине с женой, зятем Аленом де Буассьё и шофером. Президентский эскорт состоял всего лишь из двух мотоциклистов и одной машины сопровождения. Едва покинув город, автомобиль де Голля оказался на перекрестке у деревушки Пти-Кламар. И здесь де Буассьё увидел, как с ними поравнялась другая машина. Стекла в ее дверце были опущены, а из проемов выставлены дула двух автоматов. Зять генерала только успел крикнуть: «Нагнитесь!» Президент с женой, сидящие на заднем сиденье, моментально среагировали. Тут же прозвучали автоматные очереди. Пули пробили стекла и капот машины. Просто чудом все уцелели. Только один мотоциклист получил легкое ранение{492}. Покушение на президента республики организовал полковник в отставке Жан Бастьен-Тири. Вскоре его с сообщниками схватили.

Де Голль на этот раз был менее спокоен, но только из-за того, что в машине рядом с ним находилась Ивонна. После происшедшего он писал сестре Мари-Аньес:

> «Совершенно очевидно, что покушение вполне могло бы привести к гибели четырех человек. Для меня это был

бы надлежащий "уход". Но я благодарен Всевышнему за то, что он пощадил Ивонну, Алена де Буассьё и отважного шофера»[493].

Президент считал совершенно естественным, что за ним охотятся. Он прекрасно понимал, что предал надежды сторонников «французского Алжира». Генерал даже говорил об оасовцах: «То, что они делают, — низко, но мотивы преступления — не столь низки»[494]. Именно поэтому де Голль помиловал многих членов ОАС. Он вообще всегда очень внимательно изучал дела преступников, приговоренных к смертной казни. Их досье присылали в Елисейский дворец, когда родные и адвокаты просили президента о помиловании. Де Голль почти никогда не отказывал приговоренным женщинам. Он заменил высшую меру наказания пожизненным заключением Салану, Жуо и многим другим военным. А вот для Бастьена-Тири генерал это сделать отказался. Он заявил, что не отменит смертного приговора, потому что, обстреливая машину, преступник прекрасно знал, что в ней находится женщина.

4 сентября 1962 года президент Франции отправился в свой первый официальный визит в Западную Германию. Он придавал ему большое значение. Де Голль искренне хотел, чтобы между его страной и ФРГ установились самые дружественные отношения. Генерал говорил: «Главное, чтобы два наши народа изгнали из глубины своей души злых духов прошлого, чтобы они теперь поняли, что нужно объединиться навсегда. И это должно произойти не только на уровне политических деятелей, но и народного сознания»[495]. А сыну президент Франции как-то сказал: «Да, сегодня Германия ампутирована на треть. Но это ненадолго. Необходимо доверять энергии этого народа»[496].

За шесть дней визита де Голль посетил Бонн, Кёльн, Дюссельдорф, Гамбург, Мюнхен, Штутгарт. Он вел переговоры с канцлером Аденауэром и президентом Генрихом Любке. Несколько раз генерал выступал с речами, в том числе на немецком языке. Немцы проявили по отношению к президенту Франции большое радушие. Где бы он ни появлялся, его приветствовали толпы народа. Де Голль покидал ФРГ в превосходном расположении духа. По возвращении на родину он отмечал: «Я вижу в выражении тех дружеских чувств, которые были проявлены ко мне в Германии, долгое тайное тяготение немцев к Франции. Меня это очень тронуло»[497].

Всеобщее голосование

Осенью 1962 года разразился Карибский кризис. В ответ на угрозы и действия со стороны США покончить с молодой Кубинской республикой во главе с Фиделем Кастро советское руководство разместило на Кубе свое ракетное оружие. Президент Кеннеди потребовал от СССР немедленно убрать его и установил «карантин» на все виды наступательного оружия, перевозимые на Остров свободы. Началось жесткое противостояние, поставившее мир на грань атомной войны. В конечном счете Советский Союз и Соединенные Штаты «проявили благоразумие», пошли на взаимные уступки и катастрофы удалось избежать.

Де Голль с самого начала конфликта занял твердую позицию и заявил о своей безоговорочной поддержке США. Он собрал во время Карибского кризиса заседание правительства и затем сам написал следующую декларацию:

> «Совет министров выразил полное понимание Франции по поводу обеспокоенности Вашингтона из-за установки на Кубе советского наступательного оружия… Расценивая события на Кубе как региональные, совет тем не менее отдает отчет в том, какие последствия они могли бы иметь и для безопасности Европы. В связи с этим наши обязательства по НАТО есть и останутся основой политики Франции»{498}.

Кеннеди оценил такую позицию де Голля. Вообще между генералом и этим президентом США, несмотря на серьезные разногласия, сложились отношения взаимного уважения. Де Голль говорил о Кеннеди сыну: «Когда я смотрел на него, мне казалось, что предо мной ты: я видел перед собой молодого человека, который готов прислушаться к опыту старшего»{499}.

Президент Франции, без сомнения, испытывал чувство огорчения от того, что Кеннеди так и не захотел поставить Францию внутри Атлантического блока в равноправное положение с США и Великобританией. В 1962 году в письме к нему генерал отмечал: «Я очень сожалею, что три великие державы Запада, связанные союзом и сыгравшие большую роль во время двух мировых войн, и такие близкие по своим концепциям и идеалам, не хотят играть совместно "концерт", независимо от других мировых сообществ, включая атлантическое»{500}. И тем не менее, в момент Карибского кризиса, де Голль прямо заверил Кеннеди: «Если бы война началась, Франция встала бы на сторону

Соединенных Штатов»[501].

В самой Франции осенью 1962 года тоже произошли важные события. Де Голль выступил инициатором вынесения на всеобщий референдум важнейшей поправки к Конституции 1958 года — о выборах президента республики. Вернувшись к власти, он не захотел сразу менять в стране традицию, существующую почти сто лет, и оставил в новой конституции статью об избрании главы государства косвенным голосованием. Теперь же генерал решил, что пришло время выбирать президента всеобщим голосованием, и объявил, что выносит этот вопрос на референдум. Де Голль заявил: «Конституция вполне может меняться. Не надо ее мумифицировать»[502].

Намерению президента воспротивились практически все французские политические партии. Коммунисты и социалисты и так стояли в оппозиции к де Голлю с момента его вступления в должность. В 1960 году к ним присоединились радикалы. И вот теперь входящие в правящий блок «независимые» и представители Народно-республиканского движения (МРП) тоже выступили с резкой критикой политики генерала. Их давно не устраивала позиция, которую он занял внутри НАТО и «Общего рынка», а теперь еще и поправка к конституции. Раньше президент находился в зависимости от партий, так как именно из их представителей составлялась коллегия выборщиков, избирающих главу государства. Теперь же он фактически освобождался от их контроля.

В Национальном собрании кипели страсти. Согласно Конституции 1958 года отправить в отставку правительство депутатам было очень сложно. Для этого по крайней мере десятая часть их подписывала так называемую «резолюцию порицания». Если необходимые подписи собирались, вопрос выставлялся на голосование. Кабинету отказывалось в «доверии» только абсолютным большинством голосов. «Резолюция порицания» подавалась председателю Национального собрания не один раз, но при голосовании никогда не собирала абсолютного большинства. 5 октября 1962 года впервые в истории Пятой республики за нее было подано необходимое число голосов, и кабинет Помпиду был опрокинут. Так депутаты высказали свое недоверие политике де Голля. Однако президент, используя свое конституционное право, незамедлительно распустил взбунтовавшееся Национальное собрание. Всеобщий референдум назначили на 28 октября. Противники де Голля — социалисты, радикалы, МРП и «независимые» — объединились в Картель «нет». Одним из его лидеров стал Поль Рейно, который много лет назад так ревностно защищал военную доктрину будущего

президента страны. Новая идея его бывшего протеже, а теперь всемогущего главы государства, явно пришлась председателю кабинета министров Третьей республики не по душе.

Старания Картеля «нет» не увенчались успехом. На референдуме 61,7 % французов дали положительный ответ. Так поправка к конституции об избрании президента республики всеобщим голосованием была принята. В ноябре прошли выборы в Национальное собрание. Голлистская партия получила 261 место. Жорж Помпиду опять сформировал кабинет, состоящий теперь только из представителей Союза за новую республику и небольшой части «независимых» во главе с Валери Жискар д'Эстеном, пожелавших остаться у власти. Коммунисты, социалисты и радикалы составили левую оппозицию, а МРП и «независимые» — правую.

Президент республики, одержав очередную победу во Франции, опять вернулся к внешней политике. В самом конце 1962 года предметом его забот стали отношения с Англией. Ее премьер-министр Гарольд Макмиллан в декабре прибыл в очередной раз в Париж. Он упорно настаивал на вступлении Великобритании в «Общий рынок». Де Голль категорически противился этому. Генерал не без оснований считал, что принятие Англии в ЕЭС означало бы введение в него сильного претендента на лидерство в Западной Европе, к тому же тесно связанного с Соединенными Штатами. Помимо того, он не хотел конкуренции со стороны Великобритании для французских товаров, главным образом сельскохозяйственных.

Де Голль припомнил Англии все ее грехи по отношению к Франции, заявив Алену Пейрефиту буквально следующее:

> «Наш исконный враг — это не Германия, а Великобритания. Начиная со Столетней войны и до Фашоды[45], она не переставала выступать против нас. После этого она с трудом сдерживалась, чтобы не сталкиваться с нами. А как она вела себя в межвоенный период?! Она запретила нам отреагировать на оккупацию немцами демилитаризованной Рейнской области. Она помешала нам воспрепятствовать вооружению Германии. Она бросила нас в Дюнкерке. Она играючи обстреляла наш флот в Мерс-эль-Кебире. Она предала нас в Сирии. Она постоянно блокируется с Америкой. Она хочет помешать нам хорошо вести дела в "Общем рынке". Да, она была нашей союзницей в двух мировых войнах, но никогда не желала нам добра»{503}.

В январе 1963 года президент Франции решил рассчитаться с

англичанами за все их прегрешения. Он наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС.

В том же месяце произошло знаменательное событие в истории отношений между Францией и Германией. Канцлер Аденауэр прибыл в Париж и 23 января в торжественной обстановке в Елисейском дворце подписал с президентом франко-германский договор о сотрудничестве[46]. Он предусматривал проведение регулярных межправительственных совещаний на различных уровнях. Согласно договору главы государств и правительств должны были встречаться не менее двух раз в год, а министры иностранных дел и военные министры — по меньшей мере раз в три месяца. Франция и ФРГ перед принятием решений обязались консультироваться по всем важным проблемам внешней политики, прежде всего связанным с НАТО и «Общим рынком». В мае 1963 года франко-германский договор ратифицировал бундестаг ФРГ, в июне — Национальное собрание Франции. В июле он вступил в силу. Чтобы подтвердить делом зафиксированное на бумаге, де Голль сразу же отправился с официальным визитом в Бонн. Германскую Демократическую Республику президент Франции не признавал и не заключал с ней официальных дипломатических отношений.

Генерал был доволен позициями своей страны на международной арене. В начале 1963 года он заявил: «Каковы главные политические реальности? Прежде всего — Америка… Затем Россия… А третья международная сила? Это — Франция. В настоящий момент мы единственные, не считая американцев и русских, имеем национальные амбиции и с гордостью об этом говорим»{504}. Принимал ли де Голль желаемое за действительное? Возможно. Однако под его руководством Франция постоянно заявляла о себе в полный голос и вела независимую, порой оригинальную внешнюю политику. В июне 1963 года президент объявил о выводе французского флота в Атлантическом океане и в проливе Ла-Манш из-под командования НАТО. В августе де Голль отказался подписать в Москве вместе с Советским Союзом, Соединенными Штатами и Англией договор о запрещении испытаний ядерного оружия. Объясняя свое решение, он указывал в письме Макмиллану, что Франция «начала гораздо позже реализацию программы, которая должна совершенно независимо привести ее к обладанию собственным атомным оружием, необходимым ей для обороны. Поэтому французское правительство не может прервать свои усилия в данном направлении, пока установленная им цель не будет достигнута»{505}.

Де Голлю не нравилось, что Соединенные Штаты постоянно

наращивают военное присутствие в Южном Вьетнаме. Он считал, что его народ должен следовать собственной дорогой, а не быть марионеточным государством. Генерал хотел, чтобы Вьетнам, часть Индокитая, бывшей французской колонии, остался в сфере интересов его страны. 29 августа 1963 года де Голль выступил с декларацией, в которой указал на желание Франции видеть Вьетнам независимым и вести многостороннее сотрудничество с ним{506}.

После неудачи с «планом Фуше» по политической интеграции Европы Франция взялась вести активную экономическую политику внутри «Общего рынка». Она добивалась для себя преимуществ в сбыте сельскохозяйственной продукции. При заключении в конце 1963 года внутри ЕЭС договора по данному поводу ей это удалось.

Де Голль выступал за развитие отношений Франции со всеми странами, которые, со своей стороны, стремились к тому же. В мае 1963 года он посетил Грецию. В октябре президент Франции отправился в Иран, где его принял шах Мохаммед Реза Пехлеви. Главы государств наметили пути сотрудничества между двумя странами. Кроме Тегерана генерал побывал в Исфахане и Ширазе, где осматривал средневековые дворцы и мечети, а также на развалинах древнего Персеполя.

В конце 1963 года президенту Франции пришлось совершить грустное путешествие за океан. В день его рождения, 22 ноября, в Далласе был убит Джон Кеннеди. Узнав о происшедшем, де Голль заявил: «Президент Кеннеди умер как солдат, под огнем, находясь на службе отечеству»{507}. В тот же день, на заседании кабинета министров, генерал сказал о покойном президенте: «Он был одним из тех редких руководителей, которого можно назвать государственным деятелем. Кеннеди был смел и любил свою родину»{508}.

На похоронах в Вашингтоне де Голль мельком увиделся с новым президентом США Линдоном Джонсоном. С ним у генерала отношения не сложились. Он называл его «ковбоем-радикалом», провинциальным техасцем{509}. Президент Франции вообще считал, что не может вести с Джонсоном достойный диалог, хотя бы из-за разного уровня их интеллектуального развития. Новый хозяин Белого дома тоже не любил де Голля, считая его амбиции безосновательными. В результате взаимопонимания не возникло, и генерал только время от времени язвил по поводу американцев и их политики. Уже в декабре 1963 года президент Франции объявил: «Если Джонсон хочет меня, видеть, то пусть приедет в Фор-де-Франс[47], на французскую землю, где я появлюсь через два месяца. Не вижу

никаких помех для этого. А вообще, не надо думать, что я не люблю англосаксов. Я их люблю, но при одном условии. Они не должны стремиться господствовать над нами»{510}. В следующем году де Голль сказал о Соединенных Штатах буквально следующее: «В течение двух последних лет американцы только приумножают свои ошибки. Ну чем же можно им помочь? Они сами должны стать умнее. Я все сделал, чтобы наставить их на путь истинный. Если они не хотят ничего понимать, тем хуже для них»{511}.

В часы отдохновения

Когда де Голль находился в Париже, вечерами, как правило, он отдыхал в Елисейском дворце, если, конечно, не было официальных мероприятий. Ровно в восемь он удалялся в свои личные апартаменты, состоящие из пяти комнат.

Генерал читал, раскладывал пасьянс, сидел у телевизора. Обязательно смотрел вечерние новости, иногда какую-нибудь передачу, а чаще всего — фильм. Президент с молодости очень любил кино. В Елисейском дворце по его просьбе оборудовали кинозал. Там де Голль в кругу родных и близких смотрел картины, которые его интересовали. Ему нравились американские вестерны, особенно со Стивом Мак-куином, остросюжетные ленты о Джеймсе Бонде, фильмы о путешествиях-приключениях — «Вокруг света за 80 дней», «Двадцать тысяч лье под водой». Он любил также французские кинокомедии с Бурвилем и Луи де Фюнесом. А иногда президент просил, чтобы ему привезли старую кинокартину, например «Огни большого города» или «Великую иллюзию».

В кинозале компанию де Голлю часто составляла Ивонна. Время от времени во дворец приезжали сын и дочь генерала, старшие сыновья Филиппа — Шарль, Ив и Жан. У президента было уже пять внуков. У Элизабет в 1959 году появилась дочь. По просьбе отца она назвала ее Анной. А у Филиппа в 1963 году родился еще один сын — Пьер. Иногда де Голль приглашал и других родственников.

Светская жизнь Парижа генерала не интересовала. Он никогда не выезжал на увеселительные вечера, правда, мог поприсутствовать на ночном балу выпускников Сен-Сира. Президенту всегда было приятно находиться в обществе молодых людей, избравших военную карьеру. Да он никогда и не забывал, что в 1920 году на таком балу понял, что влюбился в Ивонну Вандру.

К изобразительному искусству де Голль относился достаточно спокойно, хотя и отдавал дань красоте его шедевров. В музеи он выезжал редко, но все-таки иногда бывал в Лувре. Еще реже президент посещал выставки. «Затащить» его туда удавалось лишь Андре Мальро. Так, он посмотрел экспозицию картин Никола Пуссена и Эжена Делакруа и тематическую — «Европа в XVI веке».

В драматический театр президент иногда приезжал. В «Комеди Франсез» он предпочитал смотреть древнегреческие трагедии и драмы французских писателей XVII века. Иногда де

Голль приходил к артистам за кулисы и, к их удивлению и восхищению, декламировал отрывки из Корнеля или Расина{512}. В театре «Одеон» генерал любил постановки современных драматургов. Особенно ему нравились пьесы Поля Клоделя.

Президент не был поклонником классической музыки. В оперу он практически не выезжал. Исключение составляла разве что «Кармен». Выразительные, пульсирующие страстью арии Бизе ему импонировали. Де Голль иногда говорил: «Музыка должна быть веселой»{513}. Он любил оперетту и частенько сам напевал знакомые с молодости куплеты из «Прекрасной Елены» и «Великой герцогини Герольштейнской» Оффенбаха и «Мушкетеров в монастыре» и «Фанфана-Тюльпана» Луи Вернея. А особенно ему нравилась оперетта «Роз-Мари», сочиненная в 1924 году американцем чешского происхождения Рудольфом Фримлем{514}.

Еще президент любил простые песенки французских шансонье Шарля Трене, Ива Монтана, Жильбера Беко. Он следил за творчеством Эдит Пиаф. Ее знаменитая песня «Я ни о чем не жалею» запала президенту в душу. Многим приходилось слышать, как он повторяет ее текст:

Non, rien de rien,
Non, je ne regrette rien,
C'est paye, balaye,
Oublie,
Je me foux du passe…
Avec mes souvenirs,
Je allume le feu,
Mes chagrins, mes plaisirs,
Je n'ai plus besoin d'eux…
Je repars a zero.

Нет,
Я ни о чем не жалею,
Все оплачено, забыто
И выметено из памяти.
Прошлое для меня ничто…
Я сожгу свои воспоминания,
Мне не нужны больше
Ни старые беды,
Ни старые радости…

Сегодня я все начинаю сначала[48].

Как, наверное, любому военному, де Голлю нравились марши. Когда в Париж в 1964 году приехал с визитом король Камбоджи Нородом Сианук, президент Франции не поехал с ним в театр, В честь иностранного главы государства устроили представление прямо в саду Елисейского дворца. Духовой оркестр Республиканской гвардии, разодетый в военную форму эпохи Первой империи, исполнил старинные марши. Громкие духовые инструменты и барабаны выводили ритмичные мелодии «Пробуждения в бивуаке», «Почетного ригодона», «Шапок наполеоновской гвардии»{515}. И де Голль и Сианук остались очень довольны.

Иногда на выходные дни президент уезжал в свою загородную резиденцию Рамбуйе. Там устраивалась охота на птиц и даже кабанов. По приглашению де Голля в Рамбуйе приезжали министры, представители дипломатического корпуса, военные из генерального штаба, бывали сын и зять генерала. Сам он не принимал в охоте непосредственного участия, правда, неизменно присоединялся к стрелкам во время последней облавы и вставал позади кого-нибудь из них. Жискар д'Эстен вспоминал, как однажды, приехав в Рамбуйе по приглашению президента и охотясь на фазанов, он вдруг услышал его голос у себя за спиной: «"Смотрите! Слева от вас птица!" И действительно, над туями, высаженными в линию, я заметил небольшого светло-коричневого фазана — он планировал прямо на меня, широко расставив крылья. Стало быть, я заблуждался, думая, что де Голль плохо видит»{516}.

Президент никогда не брал отпуска в буквальном смысле этого слова. Для него отдых отождествлялся только с родным Буассери в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз. Он старался уезжать туда на субботу и воскресенье и жил одну-две недели летом. Де Голль любил это время года, потому что в июле или августе в Буассери съезжались дети и внуки. Ему было приятно находиться в их обществе. Чай или кофе пили обычно на свежем воздухе, в саду. Ивонна и Элизабет вязали и шили, а мужчины — генерал, Филипп и Ален де Буассьё обсуждали последние новости.

Особую радость президенту приносило общение с внуками. Старшие мальчики выросли, учились в школе. Де Голль всегда интересовался, чему и как их обучают, какие у них успехи, какие предметы им нравятся. Он любил немного прогуляться с Шарлем, Ивом и Жаном по лесопарку Буассери, а младших — Анну и

Пьера даже иногда катал в коляске.

Среди многочисленных подарков, которые дарили президенту французы и зарубежные гости, были и животные — слоны, медведи, олени, пантеры, лошади, пони. Генерал всегда просил развозить их по зоопаркам и конным заводам Франции. А однажды ему подарили барана, и он решил сделать исключение. Де Голль оставил его на год в Коломбэ, чтобы доставить удовольствие младшим внукам{517}.

Часто дети не хотели уезжать, и тогда президент произносил, как он сам говорил, самую меланхоличную фразу французской литературы. Ее написала писательница русского происхождения Софи Сегюр[49] — «Каникулы подходили к концу, поэтому дети любили их все больше и больше»{518}.

Он следил за развитием современной литературы Франции, читал произведения Эрве Базена, Анри Труайя, Мориса Дрюона, Жана-Мари Гюстава Ле Клезио, из зарубежных авторов предпочитал Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя, Агату Кристи, даже нашел время прочитать «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Многие французские историки, писатели, журналисты, военные присылали президенту свои труды. Он их обязательно читал или хотя бы просматривал. Если они де Голлю нравились, то он сразу отправлял автору письмо с комплиментами. Генерал, по словам его последнего генерального секретаря Елисейского дворца Бернара Трико, «жил с ручкой в пальцах»{520}. Читая, он делал отметки на полях, что-нибудь сразу выписывал в свой дневник. Иногда сюжет книги наводил его на собственные размышления. Тогда президент тут же делал набросок будущей речи или официального документа.

Вместе с прозой постоянной спутницей жизни де Голля была поэзия. Он обращался к современным поэтам, но все чаще возвращался к старым, любимым с молодости. Ему нравилось переписать знакомые стихи в свой дневник. Среди них есть такое четверостишие Бодлера:

> Car c'est vraiment, Seigneur, le meilleur temoignage
> Que nous puissions donner de notre dignite
> Que cet ardent sanglot qui roule d'age en age
> Et vient mourir au bord de votre eternite!{521}

> Творец! Вот лучшее от века указанье,

Что в нас святой огонь не может не гореть,
Что наше горькое, безумное рыданье
У брега вечности лишь может замереть![50]

Душевное умиротворение президенту приносило общение с природой. Когда он находился в Коломбэ, то после завтрака обязательно, в любую погоду выходил из дома на пятнадцать минут и обходил лесопарк Буассери. После обеда де Голль брал свою трость и отправлялся на длительную прогулку в окрестный лес.

Коломбэ было окружено древними лесами. Генерал часто говорил, что в них две тысячи лет назад мятежные галлы скрывались от римлян. Он мог часами бродить среди деревьев один или с сыном. Де Голль считал, что лес излучает спокойствие и побуждает к созерцанию и размышлению. Ему нравилось отдыхать, сидя на поваленном стволе, вытянув перед собой ноги. Президент молча наблюдал, как прозрачная душа природы трепещет при дуновении легкого ветерка. Вокруг безмолвие, которое тревожит лишь тихий гул от покачивания веток грабов и ёлок. Изредка оно прерывается птичьим щебетом или шорохом от шагов проходящего зверя. Насладившись красотой леса, президент Франции отправлялся в свой уютный дом, поддевая тростью зеленые шапочки мха, облепившие пеньки.

Хороши были парк Буассери и леса вокруг Коломбэ осенью, в своем пунцово-желтом убранстве. По выходным дням де Голль любил вместе с сыном отправиться за грибами{522}. С каким удовольствием они возвращались домой с полными корзинами.

Гулять по сельской местности президент не любил. Но однажды, в 1960 году, он отправился по направлению к городку Бар-сюр-Об, чтобы посмотреть, как проходит ежегодная велосипедная гонка «Тур де Франс». Де Голль пришел вовремя и остановился у обочины. Велосипедисты увидели его высокую фигуру издалека. Лидер гонки даже на минуту остановился, чтобы поприветствовать президента{523}. В Париже генерал не посещал спортивных состязаний, но на финале кубка Франции по футболу все-таки несколько раз присутствовал.

Де Голль до конца своих дней оставался правоверным католиком. Общение с Всевышним всегда было частью его жизни. Он полагал, что только «Бог как единственная высшая инстанция имел право судить его»{524}. В Коломбэ президент всегда посещал мессу. В Париже, в Елисейском дворце по просьбе генерала обустроили маленькую молельню, в которую он приходил каждый

день. Генерал постоянно исповедовался и причащался. Он отдавал предпочтение молитве из «Приношения даров» — «О, Святой Отец, всемогущий и вечный Бог, примите эту беспорочную жертву. Такой недостойный, как я, приносит ее вам, мой Боже истинный и всемогущий, за все мои грехи, прегрешения и оплошности и за всех ныне живущих и за тех, кто был до нас и почил в мире и за всеобщее спасение»{525}.

Баллотировка

Новый, 1964 год начался для Франции со знаменательного дипломатического события. Президент объявил о признании его страной Китайской Народной Республики. В январе два государства установили дипломатические отношения.

Де Голль считал, что Франция должна заявлять о себе и распространять свое влияние во всех регионах мира. К Восточной Азии и в первую очередь к Китаю внимание генерала было приковано давно. «Китай — нечто грандиозное», «самая большая страна», «колоссальный рынок», — говорил он{526}. Как только эта огромная восточная держава освободилась от влияния Советского Союза, де Голль сразу взял курс на сближение с ней. Китайцы откликнулись, и сотрудничество началось.

Юго-Восточную Азию, бывшие колонии Франции на Индокитайском полуострове, генерал тоже хотел видеть вовлеченными в сферу интересов своей страны. Но обстановка там была сложной из-за американского военного присутствия. Против него выступали и де Голль, и некоторые лидеры стран региона, например король Камбоджи Нородом Сианук. В июне 1964 года президент Франции принял его в Париже. Вьетнамская тема активно обсуждалась на переговорах. Генерал и Нородом Сианук выступили за созыв международной конференции по урегулированию все разраставшегося конфликта. Но американцы воспротивились этому. К мнению президента Франции они прислушиваться не желали. А между тем он совершенно верно предсказывал: «Они шаг за шагом будут увязать в бездонной политической трясине», «американцы уже не выпутаются, они идут к катастрофе»{527}.

В Европе успешно развивались отношения Франции с Западной Германией. Аденауэра на посту канцлера сменил Людвиг Эрхард. Де Голль сразу пригласил его в Париж в феврале 1964 года и беседовал с ним о дальнейшем сотрудничестве. В июле генерал осуществил в сопровождении девяти министров своего правительства ответный, официальный визит в Бонн.

В 1964 году президент впервые посетил Латинскую Америку. В марте он летал в Мексику и возвратился в Париж через французские владения в Западном полушарии — Гайану, Гваделупу и Мартинику.

В сентябре-октябре де Голль более месяца путешествовал по странам Южной Америки. В канун отъезда он написал бывшему премьер-министру Мишелю Дебре: «Я отправляюсь в Латинскую Америку без четкой программы, как-то инстинктивно. И все-таки,

может быть, это важно»[528]. Но генерал говорил и другое: «Латинская Америка ненавидит американцев. Она страстно желает освободиться от их гегемонии… Вот такую карту можно прекрасно разыграть»[529]. Президент Франции не преминул это сделать. Ему было явно приятно встретиться на южноамериканской земле с единомышленниками.

Де Голль проехал десять государств — Венесуэлу, Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию, Чили, Аргентину, Парагвай, Уругвай и Бразилию. Генерал часто переправлялся из страны в страну океаном, на французском крейсере «Кольбер».

Повсюду ему оказывали очень теплый прием. Он получил от путешествия большое удовольствие.

По возвращении президент сказал: «Поездка была полезной. Она показала, что нации утверждаются и уже не всегда будут готовы отдавать свой суверенитет в руки двух супердержав. Они начинают понимать, что нужно сопротивляться. Таковы Мексика, Бразилия, Аргентина, Чили. Они это чувствуют, хотя пока боятся высказаться в полный голос. Призвание Франции — осуществлять свое влияние и способствовать такому движению. Настанет день и страны, неприязненно относящиеся к господству двух гигантов, поднимутся, чтобы защитить собственную независимость. И этот день будет наш»[530].

В рамках «Общего рынка» продолжал развиваться процесс интеграции стран шестерки. Внутри ЕЭС уже были созданы структуры по экономике, атомной энергетике, углю и стали. Франция решительно боролась за включение в систему «Общего рынка» сельского хозяйства. Тем самым она стремилась получить выгодные для себя условия по производству и сбыту сельскохозяйственной продукции. Де Голль и его правительство после долгих дебатов с партнерами добились заключения соглашения по этому вопросу.

В целом 1964 год прошел для президента в насыщенном и интенсивном режиме. Он осуществил 15 путешествий за пределы Франции, 5 поездок по стране, 121 раз председательствовал на различных заседаниях, принял 7 глав зарубежных государств, произнес 67 речей, 41 раз участвовал в Париже в официальных церемониях, дал 2 пресс-конференции и 746 аудиенций[531]. Между тем в апреле президент перенес операцию на предстательной железе. Однако он быстро поправился и чувствовал себя бодро.

С годами генерал отнюдь не утратил чувства юмора. Однажды, когда де Голль работал в своем кабинете в Елисейском дворце, из комнаты адъютантов вдруг раздался громкий смех. Он продолжался долго. Президенту пришлось вызвать адъютанта

Гастона де Бонневаля и спросить, в чем дело. Тот ответил: «Мой генерал, это Тессейр рассказывает свою очередную историю. Его репертуар неисчерпаем». «Ну надо же, — с грустью произнес де Голль, — а почему он не заходит сюда и не рассказывает о своих историях мне»?{532}

Еще один забавный случай произошел во время поездки президента на Корсику. В каждом городе генералу рассказывали, что в нем делал молодой Бонапарт. Во время обеда в Корте его мэр заявил де Голлю: «Наполеон родился в Аяччо, но доподлинно известно, что он был зачат здесь, в Корте». Президент улыбнулся, с удивлением поднял на мэра свои карие глаза и сказал: «Очень интересно! Расскажите, пожалуйста, поподробнее»{533}.

В начале 1965 года возобновился диалог Франции с Англией, практически «замороженный», после того как де Голль наложил вето на вступление Великобритании в «Общий рынок». Причиной тому послужила смена власти в этой стране. Консервативный кабинет Макмиллана сменил лейбористский во главе с Гарольдом Вильсоном.

Президент Франции впервые встретился с новым британским премьером в Лондоне, в январе 1965 года на похоронах Черчилля. Генерал пригласил Вильсона в Париж и беседовал с ним в апреле в Елисейском дворце. Де Голль надеялся, что лейбористское правительство изменит свое положение «младшего брата США» и перестанет следовать в фарватере внешней политики Соединенных Штатов. Однако ничего подобного не произошло. Поэтому разногласия Франции и Великобритании, главным образом по поводу вступления Англии в ЕЭС, остались прежними.

С большими трудностями Франция столкнулась на продолжающихся переговорах внутри «Общего рынка». Ее партнеры хотели, чтобы внутри ЕЭС принятие всех важных решений было возложено на комиссию, носящую наднациональный характер, а не на каждое отдельное государство, имеющее право вето. Этот принцип в корне противоречил голлистской концепции «Европы отечеств». Генерал сразу высказал свое отрицательное отношение. В знак протеста он отозвал в июне 1965 года постоянного представителя Франции при «Общем рынке». Такая позиция получила название политики «пустого кресла».

Осень 1965 года стала для де Голля временем серьезных раздумий. Заканчивался семилетний срок его пребывания на посту главы государства. В декабре должны были состояться очередные президентские выборы. Генерал сам еще в 1962 году выступил инициатором их проведения путем всеобщего голосования. Теперь ему предстояло решить, будет ли он

выставлять свою кандидатуру на повторный срок. Французы тоже давно хотели знать об этом. Еще в начале года в конце пресс-конференции один из журналистов спросил президента: «Как вы себя чувствуете, мой генерал?» Де Голль ответил шуткой: «Неплохо, но уверяю вас, в один прекрасный день я все-таки умру»{534}.

Президент действительно чувствовал себя хорошо, но долго не объявлял, будет ли выдвигаться в декабре на выборах. А тем временем его соперники уже в начале осени 1965 года начали действовать. От правой оппозиции выставился Жан Леканюэ. Единым кандидатом левых сил стал Франсуа Миттеран. Они выступали по радио и телевидению, без устали ездили по стране и громили в своих речах установленный генералом режим «личной власти». Словом, оба политика вели настоящую мощную предвыборную кампанию согласно всем законам жанра.

Де Голль объявил о выдвижении 4 ноября — за месяц до выборов. Он не хотел вести открытую борьбу с соперниками, оспаривая их обвинения. Президент считал ниже своего достоинства вступать с ними в полемику. Он полагал, что его многолетняя деятельность на благо Франции говорит сама за себя. Сторонники генерала просили его хотя бы выступить по телевидению перед французами. А он им отвечал: «Ну что мне им сказать? Меня зовут Шарль де Голль, мне 75 лет»{535}. И все-таки в день выдвижения президент произнес речь, которую передавали по радио и телевидению.

«Француженки, французы! — восклицал он. — Двадцать лет назад, когда Франция стояла на краю пропасти, я уверовал, что мое призвание привести ее к освобождению, победе и сделать хозяйкой собственной судьбы. Семь лет назад я понял, что должен встать во главе страны, чтобы уберечь ее от гражданской войны, финансового краха и дать ей институты, соответствующие современной эпохе. С тех пор я управляю Францией, и она следует невиданным доселе путем внутреннего развития, живет в мире, в достойной политической и моральной обстановке. Сегодня я готов продолжать выполнение моей задачи. Я понимаю, каких усилий это будет стоить, но утверждаю, что они будут предприняты во имя Франции»{536}.

Да, речь была красивой и возвышенной. Но таких ли слов ждали от президента соотечественники? А может быть, они хотели, чтобы он сказал, что намерен делать не для Франции, а для них, для того, чтобы их жизнь стала лучше и сытнее? Де Голлю такое и в голову прийти не могло.

Голосование 5 декабря страшно разочаровало президента. За него было подано 44,64 %. Миттеран собрал 32 %, Леканюэ —

16 %. Итак, генерал не смог получить половины голосов. Он считал, что французы отплатили ему черной неблагодарностью за его каждодневный, интенсивный труд на благо отечества. Теперь объявлялся второй тур. Его, «самого знаменитого из французов», сограждане подвергли унизительной баллотировке. Де Голль должен был вместе с каким-то Миттераном, к которому он относился с презрением, пройти повторное испытание всеобщим голосованием.

Президент даже хотел бросить все и отказаться от дальнейшей борьбы за власть. Но он быстро успокоился и стал готовиться ко второму туру. Генерал согласился, по совету сторонников, дать в телевизионном эфире три интервью журналисту Мишелю Друа. Перед де Голлем поставили задачу опуститься до уровня простых французов и попытаться им понравиться. Однако президент сам признавался: «Моя внешность и моя манера держаться никак не могут очаровать аудиторию»{537}.

Результаты второго тура, прошедшего 19 декабря, тоже не были блестящими. Де Голль набрал 54,49 % голосов. В восторг от таких цифр он, конечно, не пришел. Через десять дней генерал писал сестре: «Ничего другого от этих выборов и не следовало ожидать, учитывая, что наши французы с легкостью и даже рассеянностью смотрят на вещи — поэтому они и падки на демагогию политиканов»{538}. И тем не менее, как бы президент ни был разочарован, мандат на второй срок он получил и решил идти дальше. Де Голль не сомневался, что Франции необходимо продолжение его почина.

Разрядка

Свой второй президентский срок де Голль открыл важнейшим решением — о выходе Франции из военной организации НАТО. Генерал, видимо, думал об этом давно. Совершенно очевидно, что он стремился к полной независимости от Северо-атлантического союза. 9 сентября 1965 года президент Франции заметил:

> «Когда истечет срок действия взятых в свое время обязательств, то есть не позднее 1969 года, прекратится и наше подчиненное положение. Оно называется интеграцией, предусмотренной Североатлантическим договором и передающей нашу судьбу в чужие руки»[539].

Однако дожидаться 1969 года де Голль не стал. Он принял решение сразу после переизбрания. 24 февраля 1966 года генерал пишет специальную записку для премьер-министра Жоржа Помпиду, министра иностранных дел Мориса Кува де Мюрвиля и министра обороны Пьера Мессмера. Она называется: «По поводу возвращения нашей обороны под национальный суверенитет»[540]. В ней четко указывается, что Франция покидает военную организацию НАТО. 7 марта де Голль официально известил об этом президента Соединенных Штатов Линдона Джонсона. В письме к нему генерал написал, что его страна «прекращает свое участие в интегрированных командованиях»[541]. На деле это означало, что все французские военные силы, где бы они ни находились, выводились из-под контроля альянса, а с территории Франции полностью удалялись американские и канадские военные части, штабы и базы.

Решение де Голля вызвало негодование в США и непонимание в других странах, входящих в Североатлантический союз. Тем не менее штаб-квартира НАТО переехала из Парижа в Брюссель, и все условия выхода Франции из альянса постепенно были выполнены.

Теперь взоры генерала обратились к востоку Европы и в первую очередь к Советскому Союзу. Еще в 1960 году в одной из речей он сказал: «Франция расположена к разрядке, разоружению и сотрудничеству. У нее нет никаких серьезных споров с Россией. Она испытывает к народу этой страны традиционную тягу и желает, чтобы поднялся железный занавес»[542]. Через два года де Голль выдвинул формулировку «Европа от Атлантики до Урала», которая означала, что в единый европейский дом должен быть

включен и Советский Союз. В 1966 году президент Франции прямо заявил:

> «В сегодняшнюю Европу входит Россия. Она всегда была могущественной, а сейчас сильна, как никогда… благодаря своему населению, полезным ископаемым и мощной экономике, которой она располагает впервые в истории. Одна из главных европейских реальностей и состоит в этой огромной советской державе»{543}.

Де Голль хотел побывать в Советском Союзе. Руководители СССР отнеслись к этому благожелательно. Летом 1966 года французская и советская стороны организовали официальный визит генерала. Помимо переговоров он включал в себя интересное десятидневное путешествие. Генерал готовился к поездке. Он читал книги по русской истории, внимательно изучал маршрут своего следования, заранее написал речи, которые намеревался произнести в разных городах, частично и на русском языке.

20 июня де Голль в сопровождении нескольких министров, жены, сына и личного адъютанта прилетел в Москву. Его разместили прямо в Кремле. В тот же день вечером начались переговоры президента Франции с председателем Совета министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, председателем президиума Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным и Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым.

Генерал сразу отметил:

> «Россия во всех отношениях самая мощная держава региона, в котором расположена. Для Франции она является собеседником, взаимопонимание и сотрудничество с которым всегда были совершенно естественными. Эта политическая и человеческая реальность, старая, как наши страны, восходит к их истории и географии. В действительности никаких серьезных противоречий не возникало между нами даже в период "Войны и мира" или в эпоху Севастополя. Во все времена существовали четко выраженные симпатии между нашими интеллектуальными, литературными, артистическими и научными элитами, как и вообще между нашими народами»{544}.

Беседы президента Франции с советскими руководителями в Москве длились еще два дня. Они касались развития

двусторонних отношений, а также важнейших проблем европейской политики.

21 июня де Голль днем выступил с краткой речью перед москвичами с балкона Моссовета. Ему сказали, что до него такой чести удостаивался только Ленин. Генерал пришел в восторг. Вечером он с женой и сыном отправился в Большой театр, где присутствовал на балете «Ромео и Джульетта» на музыку Прокофьева. На следующий день президент Франции побывал в Московском государственном университете имени Ломоносова.

Ивонна и Филипп вместе с генералом знакомились с жизнью советских людей, которые повсюду оказывали им самый теплый прием. Однако до отъезда они наслушались всяких небылиц о Стране Советов. В Москве де Голль вдруг услышал от жены: «Шарль, говорят, что русские могут подсыпать такого яду, что умрешь только через пять лет». Президент рассмеялся и ответил: «Ивонна, мы с вами уже в таком возрасте, что вполне можем рискнуть»{545}.

23 июня генерал вылетел в Новосибирск. Он жил два дня в уютном деревянном доме на берегу широкой, величаво несущей свои воды Оби. В первый день президент знакомился с городом, во второй — отправился на встречу с учеными в Академгородок.

Утром 25 июня де Голль отправился в Казахстан. Он был первым главой иностранного государства, которому советские руководители позволили посетить космодром Байконур. Генерал присутствовал при запуске ракеты. Она должна была доставить на орбиту для научных исследований спутник «Космос». Зрелище отделяющейся от земли, выпускающей клубы огненно-черного дыма и моментально набирающей скорость металлической громады очень впечатлило французского президента.

После Байконура — длительный перелет в Ленинград. 26 июня де Голль начал знакомство с городом, посетив Пискаревское кладбище, где он отдал дань памяти воинам, погибшим при защите Северной столицы СССР от немцев. Затем генерал отправился в Эрмитаж. С особым интересом он рассматривал скифские золотые фигурки животных. На следующий день была поездка в «русский Версаль» — Петро-дворец, а также на завод по производству турбин имени XXII съезда КПСС.

Город на Неве понравился де Голлю. На прощальном ужине в ленинградской мэрии свою краткую речь он закончил двумя строками из «Медного всадника» Пушкина:

> «Красуйся, град Петров, и стой
> Неколебимо, как Россия!»{546}

27 июня поздно вечером президент Франции прибыл в Киев. На следующий день после обеда он уже вылетел в Волгоград. Генерал вспоминал свой первый приезд сюда в последний хмурый день ноября 1944 года. Тогда город, невероятными усилиями и мужеством советских солдат одолевший врага, лежал в руинах. Теперь на Мамаевом кургане возвышался грандиозный мемориальный комплекс. Де Голль посетил монумент, на следующий день побывал на Волжской ГЭС и возвратился в Москву.

Утром 30 июня генерал поехал в одну из военных частей Подмосковья, где присутствовал на маневрах с участием танков. Вспоминал ли он молодость, межвоенные годы? Во всяком случае, как утверждал его адъютант Франсуа Флоик, президенту было явно приятно находиться в обществе молодых людей, которые, как некогда и он сам, выбрали военную профессию. Неважно, что они русские, а не французы. После маневров де Голль пошел вместе с офицерами обедать в столовую. Он поел мяса с картошкой и запил русским квасом{547}.

В тот же день в столице СССР были подписаны два договора о двустороннем сотрудничестве. На прощальном обеде в Кремле президент Франции подчеркнул:

> «Что касается наших общих целей, то ими являются разрядка, согласие, безопасность, а в один прекрасный день и объединение Европы от края до края, равновесие и мир во всем мире»{548}. Таким образом, де Голль одним из первых политических деятелей Запада выступил инициатором процесса разрядки международной напряженности и заложил основы будущих интеграционных процессов на Европейском континенте. В опубликованной после переговоров советско-французской декларации прямо говорилось о необходимости сближения Востока и Запада, которое в конце концов открыло бы путь «к плодотворному сотрудничеству во всей Европе»{549}.

Президент покидал Москву усталый, но очень довольный. 1 июля, когда его самолет уже взял курс на Париж, радио и телевидение СССР транслировали обращение генерала к советским гражданам. Он закончил его на русском языке. «Всем русским, мужчинам и женщинам, которые меня слышат и видят, — медленно произнося слова, говорил де Голль, — от всего сердца выражаю мою благодарность за чудный прием, оказанный народом и его руководителями. Каждой и каждому из вас желаю всего лучшего… Да здравствует Советский Союз! Да

здравствует дружба России и Франции!»{550}

Летом президент позволил себе дольше обычного отдохнуть в Коломбэ. Он уже восемь лет управлял Францией. А сколько до того было отдано служению ей! Откуда начать отсчет? Генерал общался с детьми и внуками, отвечал на письма, читал присланные ему книги писателей и историков, но брал в руки и старые томики. Некоторые из них чудом уцелели в Буассери во время войны. Он думал о настоящем и будущем, но все чаще вспоминал и о прошедшем. Иногда мысль сама воскрешала в памяти стихотворные строфы из бессмертного «Фауста» Гёте:

Ihr bringt mit euch die Bilder
froher Tage…
Der Schmerz wird neu,
es wiederholt die Klage
Des Lebens labyrinthisch irren Lauf…

О прежних днях ко мне мечта
нисходит…
И снова грусть в седую даль
уводит,
Былые дни напоминает вновь…[51]

В самом конце лета президент Франции отправился в новое большое путешествие. Теперь его путь лежал еще дальше на Восток — в Сомали, Эфиопию, Камбоджу, а затем в Новую Каледонию и во Французскую Полинезию.

Пять дней, с 25 по 29 августа, де Голль провел в дружественных Франции Сомали и Эфиопии. Генерал старался поддерживать влияние своей страны в этих молодых африканских государствах.

30 августа президент прибыл в столицу Камбоджи Пномпень, где был принят королем Нородомом Сианук. Он пробыл там четыре дня, с интересом наблюдал за колоритным национальным представлением на воде, осмотрел старинный грандиозный дворцово-храмовый комплекс Ангкор.

Главным же событием визита в Камбоджу стали переговоры де Голля с королем. Они касались проблемы безопасности в Юго-Восточной Азии. Генерал еще раз высказал свое крайне

отрицательное отношение к бомбардировкам американцами Северного Вьетнама. Само присутствие президента Франции в соседней стране явилось укором Соединенным Штатам.

В начале сентября де Голль уже находился во французском владении — Новой Каледонии. Оттуда он отправился во Французскую Полинезию. Генерал задержался на острове Таити, чтобы посмотреть Музей Гогена. Наконец, 9 сентября он прибыл в Экспериментальный центр Франции на атолле Муруроа. Его путешествие достигло кульминации. Президент взошел на крейсер «Де Грас»[52], который отправился в плавание. 11 сентября с его борта де Голль наблюдал за первым взрывом французской термоядерной бомбы в открытом океане. После этого события генерал с гордостью заявил: «Вот теперь мы — держава»{551}.

Атомный арсенал для де Голля — это прежде всего не оружие уничтожения, а научное достижение, национальная гордость. Президент всегда придавал первостепенное значение успехам Франции в области науки и техники. Он много раз приезжал в Академию наук, посещал исследовательские центры, лично присутствовал при спуске на воду атомной подводной лодки «Грозный», был счастлив, когда ему сообщили, что французская ракета «Алмаз» вывела на орбиту первый национальный искусственный спутник «Астерикс», горячо одобрил создание первого французского сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд».

Свободный Квебек

Главным политическим событием Франции в 1967 году стали парламентские выборы, прошедшие в марте. Они опять принесли большой успех сторонникам президента. Голлистская партия завоевала большинство мест. Генерал вновь поручил сформировать правительство Жоржу Помпиду.

Внимание де Голля в первые месяцы года было приковано к Европе. Внутри «Общего рынка» Франция добилась немалого. В результате твердой и бескомпромиссной позиции генерала с 1 июня 1967 года устанавливались определенные цены на многие сельскохозяйственные продукты. Такая договоренность обеспечивала его стране широкие возможности сбыта продуктов на выгодных условиях.

В «Общий рынок» по-прежнему стремилась попасть Великобритания. Гарольд Вильсон неоднократно беседовал об этом с президентом Франции. Однако де Голль, как и раньше, не желал видеть в рамках ЕЭС сильного, связанного с Соединенными Штатами, конкурента. В мае он фактически вторично наложил вето на вступление Англии в «Общий рынок».

В Западной Германии к власти пришел новый канцлер — Курт Кизингер. В январе 1967 года генерал принял его в Елисейском дворце. Руководители двух государств обсудили планы дальнейшего сотрудничества. В апреле на 92-м году жизни умер Конрад Аденауэр. В соболезнованиях президенту ФРГ Генриху Любке и родным покойного канцлера президент Франции назвал его «своим знаменитым другом» и «одним из самых выдающихся государственных деятелей современности»{552}. 25 апреля де Голль лично присутствовал в Кёльне на похоронах Аденауэра.

В самом конце мая генерал с женой отправился с официальным визитом в Италию и Ватикан. В Риме де Голль участвовал в заседании шестерки стран ЕЭС. Затем он встретился с президентом Италии Джузепле Сарагатом.

31 мая в Ватикане генерал познакомился с избранным в 1963 году понтификом Павлом VI. Они беседовали о роли Святого престола в поддержании мира на всех континентах планеты. По просьбе президента папа римский освятил ему перламутровые четки, которые де Голль приобрел в Иерусалиме в 1931 году.

В Ватикане генерал произнес речь, полную веры в неисчерпаемые силы человека. «Какими бы ни были опасности, кризисы, драмы, — сказал он, — мы преодолеваем их, несмотря ни на что, и всегда знаем, куда идти дальше. Ведь мы идем, даже

когда умираем, к Жизни»{553}. На такой оптимистической ноте президент Франции заканчивал свое пребывание в Вечном городе.

Завершилась поездка посещением Венеции. В далеком 1921 году капитан Шарль де Голль приезжал сюда с молодой женой в свадебное путешествие. Теперь, через сорок шесть лет, они стояли в первый день лета у освещенного солнцем Дворца дожей, не молодые, но такие же счастливые.

Сразу по возвращении в Париж президент Франции узнал, что Ближний Восток стоит в преддверии крупного военного конфликта. После блокировки Египтом порта Эйлат Израиль готовился начать превентивную войну против Египта, Сирии и Иордании. 2 июня де Голль собрал заседание кабинета министров и заявил: «Та сторона, которая первой откроет огонь, не получит ни нашего одобрения, ни нашей поддержки»{554}.

Генерал стремился не допустить войны. 5 июня он писал в Москву Косыгину: «До начала военных действий французское правительство считало необходимым, чтобы великие державы их не допустили» {555}. И все же разразилась Шестидневная война. Тогда президент немедленно наложил эмбарго на поставку французского оружия всем воюющим государствам.

В том же июне Соединенные Штаты начали открытую войну во Вьетнаме. Де Голль немедленно осудил их действия, заявив: «Франция заняла твердую позицию, осуждающую войну во Вьетнаме и иностранную интервенцию в эту страну. Она еще раз подчеркивает, что этот конфликт прекратится, только когда Америка возьмет обязательство по выводу своих сил в определенные сроки»{556}.

Позиция президента Франции по ближневосточной проблеме вызвала недовольство израильтян. Масла в огонь де Голль подлил сам, когда на пресс-конференции 27 ноября 1967 года назвал евреев «элитарным, самоуверенным народом, стремящимся к господству»{557}. Генерала сразу объявили чуть ли не антисемитом. Нет, он им никогда не был. Де Голль благосклонно отнесся к созданию государства Израиль в 1948 году. Сразу после своего возвращения к власти он вступил в переписку с его руководителями и продолжал ее много лет. Среди его адресатов — Давид Бен-Гурион, Голда Меир, Моше Даян{558}. Премьер-министра Израиля Бен-Гуриона президент Франции дважды принимал в Елисейском дворце — в июне 1960-го и в июне 1961 годов. Однако военные действия Израиля против арабских государств генерал расценил как агрессию и произнес об израильтянах сразу облетевшие весь мир слова исключительно применительно к современному ближневосточному конфликту.

В июле 1967 года президент Франции отправился с давно

запланированным визитом в Канаду. Он поехал туда по приглашению не канадского правительства, а премьер-министра Квебека Даниэля Джонсона.

В XVIII веке Квебек был французской колонией, но в 1774 году перешел к англичанам и в 1867 году стал провинцией Канады. Тем не менее его население всегда в подавляющем большинстве составляли французы. В середине XX столетия в Квебеке ширилось движение за самоопределение и образование самостоятельного государства.

Де Голль всегда пристально следил за развитием ситуации в Квебеке. Он мечтал об образовании франкофонного государства в Северной Америке. В 1963 году президент заявил на заседании кабинета министров: «Я верю, что будет существовать Французская республика Канады. Сейчас французская Канада переживает расцвет. Однажды она отделится от английской Канады, потому что для французских канадцев противоестественно вечно находиться под английским господством»{559}.

Де Голль принимал Даниэля Джонсона в Париже, вел с ним переписку и с удовольствием согласился прибыть в Квебек. Генерал планировал посетить города Квебек и Монреаль, где открылась Всемирная выставка, а затем отправиться в столицу Канады — Оттаву. Накануне отъезда президент сказал, правда, в неофициальных кругах: «Единственно возможное будущее для Французской Канады — это стать суверенной»{560}.

Генерал решил добираться в Северную Америку по океану, чтобы прибыть прямо в квебекский порт, на территорию Французской Канады. Если бы он летел самолетом, ему пришлось бы приземлиться в международном аэропорту Оттавы. 15 июля в Бресте президент поднялся на борт крейсера «Кольбер», который сначала взял курс на владение Франции в Атлантическом океане Сен-Пьер-и-Микелон. Плавание длилось пять дней. После остановки еще два дня в море и, наконец, прибытие 23 июля в квебекский порт.

Население города встретило де Голля с невероятным энтузиазмом. Такой же теплый прием ему был оказан на следующий день в Монреале. Там президент Франции выступил с приветственной речью с балкона ратуши перед огромной толпой. Закончил он ее словами: «Вся Франция знает, видит и слышит вас. Она понимает, что здесь происходит, и хочет этого вместе с вами. Да здравствует Монреаль! Да здравствует Квебек! Да здравствует свободный Квебек! Да здравствует Французская Канада и да здравствует Франция!»{561} Собравшиеся жители Монреаля ответили де Голлю ликованием.

Правительство Оттавы немедленно отреагировало. Оно расценило слова генерала как скандальные, провокационные. Президент Франции посетил на следующий день Всемирную выставку и 26 июля побывал в Монреальском университете. Но ехать в столицу Канады после заявлений с балкона ратуши было уже невозможно. Де Голлю пришлось прервать официальный визит и вернуться в Париж.

Генерала случившееся нисколько не смутило. Он, похоже, даже остался доволен тем, что «разжег огонь» в Северной Америке. Президент был абсолютно убежден в собственной правоте. В коммюнике, опубликованном после заседания кабинета министров, специально посвященного визиту президента в Квебек, говорилось: «Генерал де Голль стал свидетелем невероятного французского рвения по пути всего следования. Он понял, что французским канадцам не обеспечили свободы, равенства и братства. Он имел возможность оценить их стремление быть хозяевами собственного прогресса»{562}.

Страсти понемногу улеглись. Президент Франции отдохнул и в сентябре отправился с еще одним официальным визитом — на сей раз в Польшу. Де Голль давно выступал за развитие дружественных отношений своей страны с государствами Восточной Европы. После поездки генерала в СССР в 1966 году и поворота к политике разрядки его планы стали воплощаться в жизнь. Президент сам для начала выбрал Польшу. Это была самая католическая страна Восточной Европы. Он служил в ней после Первой мировой войны и хотел посмотреть, какая же она сейчас. Де Голль провел на польской земле неделю, вел переговоры с руководителями государства, выступил в сейме, проехал Варшаву, Краков, Катовице, Гданьск и Гдыню.

1967 год подходил к концу. Президент Франции считал его удачным. В декабре он писал сыну: «В Париже ничего нового. Политический, социальный и экономический год для нашей страны спокойно завершается»{563}. Так, наверное, оно и было. Но уже через несколько месяцев стало ясно, что Франция — дремлющий вулкан, который неожиданно проснулся и стал действовать.

1968 Год

С середины 1960-х годов во Франции все громче стали заявлять о себе студенты. Их насчитывалось более 600 тысяч человек. В своем большинстве это были учащиеся государственных университетов, доступ в которые оставался открытым практически для любого молодого человека, имеющего диплом о среднем образовании. Однако сложная система экзаменов приводила к тому, что лишь треть зачисленных на первый курс заканчивала университеты. Многим студентам такая ситуация не нравилась. В их среде начали складываться так называемые гошистские[53] группировки, находившиеся под влиянием идей анархизма, троцкизма и маоизма. Представители этих самопровозглашенных объединений призывали к бунту против устаревшей системы французского высшего образования.

Гошистское движение быстро ширилось. Студенты все более открыто выступали с требованиями предоставить им право участвовать в решении вопросов, касавшихся условий их жизни в университетских кампусах, а также содержания, форм и методов обучения. Они заявляли, что необходимо «отрицать» и «оспаривать» традиционные устои французского общества, и выдвинули лозунг «запрещено запрещать».

От слов учащиеся постепенно перешли к делу. Гошисты стали срывать занятия. 15 января 1968 года в университетском пригороде Парижа Нантер студенты спровоцировали стычки с полицией. На это событие никто не обратил особого внимания. Главной темой разговоров по всей Франции были предстоящие X Зимние олимпийские игры в Гренобле. 6 февраля де Голль присутствовал на их торжественном открытии. Правда, президенту грандиозный спортивный праздник не доставил удовольствия. Генерал был опечален гибелью в Средиземном море французской подводной лодки «Минерва». Она исчезла с радаров 27 января. Группа аквалангистов во главе с известным океанографом Жаком Ивом Кусто не смогла отыскать даже ее следов.

8 февраля де Голль отправился в Тулон, где участвовал в траурной церемонии по погибшим морякам и морским офицерам. Там президент зашел на борт другой подводной лодки — «Эвридики», совершившей погружение. В тот же день генерал уехал в Париж. В знак траура он в течение месяца носил на левой руке черную ленту.

Весной жизнь президента Франции проходила в обычном русле. Он занимался вопросами международной политики,

принимал в Елисейском дворце глав иностранных государств, давал аудиенции. Тем временем ситуация в Нантере становилась напряженной. Студенты срывали занятия, объявляли о своем намерении устроить «культурную революцию». В апреле 1968 года в парижском пригороде начались настоящие беспорядки. Их возглавил известный гошист, выходец из Германии Даниэль Кон-Бендит. Он и его сторонники призывали ликвидировать «классовый университет» и даже свергнуть правительство, все время нарывались на стычки с полицией.

Президент республики и премьер-министр уже были вынуждены обратить внимание на происходящее. Де Голль в это время занимался организацией мирных переговоров между США и Северным Вьетнамом. Он гордился тем, что стороны дали согласие встретиться в Париже. По поводу студенческих волнений генерал просто сказал Помпиду: «Выпутывайтесь»{564}.

Глава кабинета, видимо, посчитал, что «выпутаться» еще успеет. У него давно была запланировала десятидневная поездка в Иран и Афганистан, и 2 мая он уехал. А декан факультета в Нантере объявил о прекращении занятий и исключении Кон-Бендита. В ответ на это студенческие волнения уже переместились в центр столицы, в Сорбонну и окружающий ее Латинский квартал. Учащиеся организовали митинг протеста. 4 мая руководители старейшего университета Европы вызвали полицию. Сорбонну закрыли, многих гошистов задержали.

Такие действия лишь еще более распалили обстановку. Многие студенческие союзы объявили забастовку. Занятия и в высших и в средних учебных заведениях прекратились. Учащиеся вышли на улицы. С 7 по 10 мая беспорядки охватили весь Латинский квартал. Студенты били витрины, поджигали машины, валили деревья и решетки. В ночь с 10 на 11 мая они выстроили в центре Парижа баррикады.

Де Голля такая ситуация поначалу только раздражала. Президент говорил о происходящем: «Они заявляют, что бастуют, но ведь они — не производители… Это трагикомедия, взрыв общества изобилия… На самом деле они хотят только наслаждаться, прожигать жизнь и сеять хаос»{565}. Генерал считал, что необходимо реагировать жестко. 8 мая президент твердо сказал: «Нельзя допускать, чтобы на улице царил беспорядок! Это невозможно! Надо заканчивать с насилием!» Потом добавил: «Вначале делают предупреждение, потом стреляют в воздух, один раз, второй, а если это не действует, то — по ногам»{566}. Президент, конечно, погорячился. Вряд ли он готов был применить такие меры. Однако полиция действовала и дубинками и слезоточивым газом. Только за ночь с 10 на 11 мая

несколько сот студентов ранили и столько же арестовали. А Франция, так беззаветно любимая президентом, уже походила на реку, вышедшую из берегов.

11 мая вернувшийся из зарубежной поездки Помпиду решил смягчить обстановку и открыть Сорбонну. Студенты тут же заняли ее. Мало того, 13 мая профсоюзы объявили о всеобщей забастовке, которая очень быстро охватила всю страну. Президент должен был отправиться с официальным визитом в Румынию. Он колебался, но все же 14 мая уехал. Генерал решил, что, в конце концов, «наведение порядка — дело правительства, а не главы государства»{567}. Своим министрам де Голль нравоучительно объявил: «Если мы будем расстилаться перед ними, значит, Государства больше нет. Власть не отступает, иначе она потеряна»{568}.

Возможно, президент надеялся, что все как-то образуется. Но за те пять дней, что он отсутствовал, ситуация стала еще хуже. 15 мая студенты заняли театр «Одеон». А к 20-му бастовали уже более десяти миллионов человек. Закрылись почти все учреждения, банки и учебные заведения. Прекратили действовать транспорт, радио и телевидение. Рабочие и служащие повсеместно занимали предприятия, проводили манифестации под лозунгами «Десяти лет достаточно», «Де Голль, до свидания». Однако профсоюзы не стали солидаризироваться со студентами. Воспользовавшись их взрывом, они сочли момент самым удобным, чтобы выдвинуть собственные требования, которые главным образом сводились к повышению зарплаты.

Де Голль держался, но реагировал очень нервно. По возвращении из Румынии 18 мая он бросил министру национального образования Алену Пейрефиту: «Ну что там ваши студенты? Все носятся?»{569} На заседании правительства, состоявшемся в тот же день, президент был краток. Он призвал министров навести, наконец, порядок и произнес свою знаменитую фразу: «Реформа — да, хаос — нет!»

24 мая де Голль решил выступить по радио и телевидению с речью перед соотечественниками. Он говорил о «сдвигах, происшедших во французском обществе», «исключительности создавшейся ситуации» и заявил о необходимости проведения референдума по дальнейшей государственной политике{570}. Однако к речи президента никто и не думает прислушаться. Ситуация достигла апогея. Премьер-министр Помпиду в резиденции на улице Гренель начал переговоры с профсоюзами и предпринимателями. Но теперь, помимо студентов и профсоюзов, в бой вступила левая оппозиция, выдвинувшая политические требования. Коммунисты говорили о необходимости создания

народного правительства с их участием. А Франсуа Миттеран просто заявил — «власть вакантна». Он объявил себя кандидатом на пост президента и сказал, что назначит Пьера Мендес-Франса премьер-министром.

И вот тогда де Голль дрогнул. Бурный водоворот событий его окончательно разбалансировал. Генерал переживал страшные дни. Он понимал, что впервые в жизни не контролирует ситуацию. Президент говорил генеральному секретарю Елисейского дворца Бернару Трико: «Ситуация совершенно неуловимая. Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам взял себя в руки. Я не знаю, что делать»{571}.

Близким де Голлю людям тяжело было смотреть на него в последние дни мая. Сын генерала, приезжавший в Елисейский дворец, вспоминал: «Я видел перед собой не президента республики, а отца — истерзанного, разочарованного, раздраженного и очень усталого от наблюдения за зрелищем, которое являла наша страна»{572}. Генерал сам признавался, что потерял голову. Он с грустью отмечал: «Я чувствую, что во мне теперь живут два человека. Один верит в государство, во Францию, в свои собственные возможности выступить с призывом к французам, чтобы они еще раз избежали катастрофы. Второй сомневается в себе, во французах, в государстве, в армии. Один от имени Франции и своей любви к ней требует от себя огромного усилия, чтобы встать выше обстоятельств и изгнать бесов. Другой пытается оставить французов на их пути к злу, потому что они сами этого хотят»{573}.

Что мог предпринять человек в таком состоянии? 29 мая президент принимает довольно странное решение — лететь на вертолете с женой в Баден-Баден, в ставку французских войск в Западной Германии. Он прибыл туда и встретился с командующим этим подразделением генералом Массю. Де Голль заявил ему, что «все потеряно», и хотел заручиться поддержкой вверенных Массю военных сил{574}. Тот ответил, что на французский контингент, расквартированный в ФРГ, конечно, можно рассчитывать. Однако Массю не расценивал ситуацию во Франции как критическую. Он быстро убедил президента вернуться. Де Голль пробыл в Баден-Бадене полтора часа и улетел назад, сначала в Коломбэ, а затем в Париж.

В столице президент принял решение. 30 мая он опять выступил с речью по радио и телевидению, заявив, что стране грозят «диктатура» и «тоталитарный коммунизм». Де Голль объявил о намерении «остаться на занимаемом посту, роспуске Национального собрания и проведении новых выборов»{575}.

Премьер-министр Жорж Помпиду в конце мая завершил переговоры с профсоюзами, в результате которых были подписаны Гренельские соглашения. В них фиксировалось обязательство правительства значительно повысить зарплаты, пенсии и различные пособия. 31 мая в Париже состоялась мощная манифестация в поддержку президента. Демонстранты вышли на улицы под лозунгами «Де Голль не одинок!», «Коммунизм не пройдет!».

Франция, казалось, устала от бурного майского выплеска эмоций. Студенты успокоились, профсоюзы, добившись своего, призывали французов возвратиться на рабочие места, а оппозиция не смогла сплотиться. Теперь ей надо было готовиться к внеочередным парламентским выборам. В середине июня в стране воцарилось прежнее спокойствие.

На прошедших в конце месяца выборах в Национальное собрание голлистская партия добилась небывалого успеха. Она завоевала абсолютное большинство, заняв 293 места. Таким образом, французы, совсем недавно выражавшие недовольство властью, теперь сказали ей «да», предпочитая порядок, а не хаос. Де Голль мог праздновать победу. Но в его душе майские события оставили такую рану, которая не заживет уже никогда. До конца своих дней он будет бесконечно возвращаться в мыслях к ним.

10 июля президент решил сменить премьер-министра. Он назначил на пост главы правительства Мориса Кува де Мюрвиля. А Помпиду, служивший де Голлю верой и правдой шесть лет, отправился в отставку. Генерал всегда доверял ему, но майские события не сплотили, а разъединили двух человек.

Президент размышлял о том, отчего все произошло. Он говорил: «Единственный виновник — это я»[576]. Но в чем де Голль себя винил? В том, что предоставил премьер-министру полную свободу действий в области внутренней политики[577]. А что изменилось бы, если бы президент сам занимался сложными социальными проблемами, которые порой разрешить очень трудно. Человек так устроен, что всегда будет чем-нибудь недоволен. Май стихийно вовлек в свою пучину почти все слои французского общества. Генерал не мог этого не понимать. И все-таки он затаил тайную обиду на Помпиду. Де Голль считал, что его премьер-министр слишком много уступил профсоюзам во время переговоров, не отдавая себе отчета в последствиях. Президент прямо заявлял: «Помпиду все выложил на улице Гренель. Не надо было это делать. Профсоюзы довольствовались бы половиной и даже четвертью. А теперь экономика раздавлена и отброшена на годы… Ни у кого нет чувства государства»[578]. Генерал был абсолютно прав. Из-за огромного повышения

зарплат, пенсий, всевозможных пособий французская экономика дала сильный крен. Стране с большим трудом удалось избежать девальвации франка, у нее возникли серьезные проблемы внутри «Общего рынка».

Летом 1968 года де Голль не переставал думать и о своих соотечественниках. Он не понимал, как они могли так поступить с ним. Впрочем, президент давно знал, что Франция и ее жители — это далеко не одно и то же. Его отзывы о согражданах стали уничтожающими. «Ох, эти французы, — гневно замечал он, — крикливый народ, который всегда готов все сломать и предать огню, если затронут его ничтожный личный интерес»{579}.

И тем не менее президент размышлял и о том, в чем, может быть, был не прав по отношению к согражданам. В день национального праздника 14 июля 1968 года он неожиданно для всех принял решение амнистировать оасовцев, даже приговоренных к пожизненному заключению.

В августе внимание президента Франции было приковано к событиям в Чехословакии. Он решительно осудил ввод советских войск на территорию этой страны.

Осенью де Голль начал понемногу отвлекаться от своих грустных мыслей. В сентябре он ездил в Бонн. В октябре генерал отправился с официальным визитом в Турцию. Красоты Стамбула — роскошные залы гарема во дворце Топкапы, величественный собор Святой Софии, лазурно-голубые воды Босфора — так радовали глаз, хотя и не могли исцелить душу.

Президент не смог обрести прежнюю форму. Это отмечали и его близкие, и его соратники. В начале декабря в Рамбуйе после традиционной охоты гости собрались в большом зале замка на обед. Министр Раймон Трибуле смотрел на де Голля и думал: «Где же прежний Генерал, где его оживленная речь, эрудиция? Теперь он заставлял себя не потерять нить разговора, а взгляд его устремлялся за окно и терялся в печали зимнего пейзажа. Какой же он грустный»{580}.

В начале 1969 года жизнь де Голля оживило одно событие — вступление в США в должность президента Ричарда Никсона. Генерал был давно знаком с этим человеком, он ему нравился. И Никсон, в свою очередь, с большим уважением относился к де Голлю, считая его выдающимся государственным деятелем эпохи. Президент США вспоминал: «Первое, что я считал необходимым сделать, — это установить хорошие отношения с Францией и с де Голлем»{581}. И Никсон, действительно, в конце февраля 1969 года приехал в Париж. Генерал принял его и был очень рад, что теперь главой Белого дома стал человек, с которым легко и удобно будет вести диалог. В конце марта де Голль отправился в

Соединенные Штаты на похороны Эйзенхауэра. После них он еще раз беседовал с Никсоном о развитии отношений между США и Францией.

Возобновление диалога с Америкой де Голль расценивал как важный момент французской политики. Однако беспокоило его совсем другое. Президент упорно думал о том, что он может предложить уже не Франции, а французам. Генерал считал теперь своим долгом обратиться к внутренней политике и тем самым оправдаться перед соотечественниками за невнимание к ним. Он задумал осуществить идею «ассоциации труда и капитала», разработанную голлистами еще во времена РПФ. Но одно дело идея, совсем другое — воплощение ее в жизнь.

Президент решил, что первым шагом на пути к «ассоциации» будут реформа сената и новое районирование страны. Первая предполагала лишение верхней палаты парламента законодательных функций. Второе — некоторое расширение местного самоуправления. Де Голль счел нужным объединить эти две проблемы в один законопроект и вынести его на суд французов — всеобщий референдум.

Проект был явно неудачным. В нем объединялись две плохо сочетаемые вещи. Простой человек вообще не мог понять, что все это означает, и уж тем более, как может повлиять на улучшение его жизни. Многие министры и соратники говорили президенту, что лучше всего отказаться от такой странной затеи. Но он и слушать никого не хотел. Законопроект по настоянию генерала вынесли на референдум, назначенный на 27 апреля 1969 года. Де Голль объявил во всеуслышание, что, если французы его не поддержат, он уйдет в отставку. Некоторые сразу назвали такое заявление президента политическим самоубийством.

В начале весны началась кампания по референдуму. Голосовать против законопроекта призвали лидеры левой оппозиции и бывший министр Валери Жискар д'Эстен, глава группы «независимых республиканцев». Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что большинство французов не склоняются одобрить проект.

Де Голль словно замер. Он говорил, что ему больше нечего предложить французам. Складывалось впечатление, что президент устал и просто не знал, что ему дальше делать со своей властью. Но тем не менее он надеялся до последнего и не хотел верить опросам[582]. 10 апреля в беседе с Мишелем Друа, транслировавшейся телевидением, генерал пытался объяснить согражданам суть законопроекта. 25 апреля президент выступил еще раз, призывая к положительному голосованию[583]. Но французы впервые сказали ему «нет». 27 апреля 1969 года

52,41 % голосовавших дали отрицательный ответ. Узнав о результатах, генерал с горечью произнес:

«Меня ранили в мае, а теперь прикончили»{584}. 28 апреля де Голль опубликовал свое самое короткое коммюнике — «Я прекращаю мои функции президента республики. Это решение входит в силу сегодня в полдень»{585} — и навсегда покинул Елисейский дворец.

Так неожиданно и несколько нелепо завершилась политическая и государственная карьера «самого знаменитого из французов». Так он сам решил свою судьбу. Покидая президентский дворец, генерал сказал адъютанту Франсуа Флоику: «В сущности я не должен огорчаться, что все закончилось именно таким образом. Иначе, какие у меня были бы перспективы на будущее? Только трудности. Они лишь ухудшали бы мнение обо мне как о персонаже, вылепленном Историей. А я бы напрасно истощал свои силы, потому что Франция в них больше не нуждается»{586}.

В конце пути

Что же осталось? Только Коломбэ и воспоминания. Де Голль сразу решил начать работать над мемуарами о своем президентстве. Но первые дни после референдума оказались мучительными. Как трудно было входить в другую жизнь, осознать в одночасье, что ты навсегда отошел от дел, и действительно ощутить себя «старым человеком, ожидающим вечного холода». Отвлечься помогали только свежая майская природа, ранние цветы, высаженные Ивонной в парке Буассери, и чтение. Генерал брал в руки старые стихотворные сборники. Но глаза сами отыскивали почему-то лишь грустные строки. Вот, например, Пеги. Де Голль выписал в свой дневник несколько строф:

O coeur humilie
coeur solitaire
Seul sur un ocean
De lassitude
Plongé dans un néant
De solitude{587}

Сердце униженное
Сердце одинокое
Одно в океане
Безбрежности
Ты погрузилось в небытие
Неизбежности[54].

Во Франции в начале мая уже открылась президентская кампания. Голлистская партия выдвинула Жоржа Помпиду. Генерал не хотел вмешиваться в происходящее. Он раз и навсегда решил, что никогда не будет никоим образом принимать участие в политической жизни страны. Де Голль захотел на время вообще покинуть Францию. По просьбе бывшего президента его личные адъютанты-секретари организовали ему поездку в Ирландию. Генерал никогда не был на этом острове, земле своих предков по

материнской линии, и захотел ее посмотреть и заодно отвлечься от недавних печальных событий.

Путешествие де Голля по Ирландии длилось целых сорок дней. Его принял в Дублине президент страны Имон Де Валера. Он познакомился со многими людьми, в том числе своими дальними родственниками. С острова генерал отправил много писем. Он нашел в себе силы ответить всем тем, кто прислал ему послания по поводу ухода с поста президента. Его ответы были кратки и любезны. Но в письме к сестре де Голль все-таки дал и оценку происшедшему: «Случилось то, что должно было случиться. Французы в настоящее время в своем большинстве еще не стали таким народом, который в состоянии отстаивать утверждение Франции, за которое от их имени я боролся тридцать лет. Но то, что было сделано, сначала во время войны, а потом в течение последних одиннадцати лет, имеет такой размах, что только будущее его оценит. Тот посредственный период, в который теперь вступает наша страна, лишний раз докажет это»{588}.

Сыну генерал писал о своих впечатлениях от Ирландии: «Страна очень красива. Ее пейзажи великолепны. Сейчас мы находимся на берегу бухты океана, окруженной пустынными скалистыми горами»{589}. День 18 июня бывший президент впервые провел вдали от холма Валерьен под Парижем, куда приезжал ежегодно, начиная с 1945 года. Сейчас он вспоминал эту знаменательную для себя дату почти один, без соратников, «голлистов первого часа». Рядом были лишь Ивонна и адъютант Франсуа Флоик. На следующий день де Голль возвратился во Францию, в Коломбэ.

Жизнь генерала шла в спокойном, размеренном ритме. Прогулки по лесу и парку Буассери, книги, телевизор, пасьянс. Бывший президент ни к чему не потерял интерес. Главой Франции стал Жорж Помпиду. Он назначил на пост премьер-министра Жака Шабан-Дельмаса, который всегда слыл левым голлистом. Сейчас он провозгласил программу реформ под названием «новое общество». Бывшему президенту было любопытно, насколько Шабан-Дельмас сможет преуспеть. Генерал буквально прильнул к телевизору, когда в июле 1969 года показывали кадры о высадке американских космонавтов на Луну.

Главным же в жизни де Голля становится работа над воспоминаниями. Он назвал их «Мемуары Надежды». Книга должна была охватить весь период президентства и составить три тома. Генерал хотел оставить миру письменное свидетельство о своей деятельности на службе любимой Франции.

Теплым длинным августовским вечером Ивонна, уютно

расположившись под торшером, вязала. Рядом с ней сидел ее сын. Бывший президент работал в кабинете. И вдруг он появился в гостиной с исписанными листами бумаги в руках и сказал: «Сейчас я буду вам читать первые строки моих мемуаров»{590}. Нетрудно было догадаться, что они начинались с его видения отечества:

> «Франция возникла из глубины веков. Она существует. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена Франция оставалась сама собой… Государство, которое несет ответственность за Францию, должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о его сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее»[55].

Приезд в Коломбэ родных, особенно детей и внуков, всегда радовал де Голля. Своих известных соратников, министров он принимал редко, хотя многие хотели его видеть. В Буассери все время приезжали лишь два секретаря, Пьер-Луи Блан и Ксавье де Боленкур, которые подбирали документы для воспоминаний генерала и выполняли всю вспомогательную техническую работу по тексту. Блан говорил, что именно в 1969 году де Голль как нельзя больше походил на «короля в изгнании»{591}.

Пришла осень. Увядание природы наводило на грустные мысли. Багрово-золотистый октябрь сменился хмурым ноябрем с дождем и туманом. Генерал отвечает на поздравительные открытки, присланные к Дню святого Шарля. Он замечает в письме к племяннице: «Мы с Ивонной живем здесь в одиночестве. Но после стольких пережитых волнений оно не кажется нам давящим»{592}. Сыну же де Голль пишет следующее: «Через тринадцать дней я начну восьмидесятый год моей жизни. Несмотря на испытания, сомнения и связанную с возрастом усталость, я должен спешить»{593}. Думал ли он о смерти? Возможно. Ведь еще два года назад, будучи президентом, генерал отметил: «В моем возрасте уже чувствуешь, как тень жизни расплывается в ожидании ночи»{594}.

В декабре в Коломбэ приехал Андре Мальро. Через полтора года писатель издал небольшую книгу об этой своей последней встрече с де Голлем — «Дубы, которые срубают…»{595}. Два знаменитых человека уселись в кабинете генерала и провели за разговорами весь день. За окном падал хлопьями снег, в кресле спал, свернувшись клубочком, серый кот Гри-гри, а хозяин дома и писатель вспоминали ушедшие годы, события, людей. Мальро запало в память, как де Голль сказал: «Да, Сталин был прав. В конечном счете все побеждает смерть».

В новом, 1970 году бывший президент согласился на предложение издательства «Плон» опубликовать его речи и послания в пяти томах. Теперь работы только прибавилось. Генералу так хотелось все успеть. А сделать еще нужно было очень много. Он все время думал об этом. В письмах к родным и знакомым де Голль неизменно подчеркивал: «Если Богу будет угодно, я завершу мой труд» или «Может быть, Бог отпустит мне время, чтобы закончить»{596}. Он просил у Всевышнего еще три года.

Весна прибавила генералу сил. Первый том был в целом написан. Де Голль назвал его «Возрождение». Настроение поднял и выход в свет двух книг «Речей и посланий» — «Во время войны» и «В ожидании». Бывший президент мог немного расслабиться. Он решил поехать в начале лета в Испанию, где никогда не был.

3 июня генерал с женой отправился в путь на машине. Супруги решили посмотреть самые красивые города страны и просто отдохнуть. Свой маршрут они начали со святого места — Сантьяго-де-Компостела, города со знаменитым средневековым собором, хранящим мощи святого Иакова. 8 июня де Голль прибыл в королевский дворец-музей Эскориал. Как тут было не вспомнить стихи Альбера Самена[56], которые он так любил:

Mon ame est une infante en robe de parade,
Dont l'exil se rflete, éternel et royal,
Aux grands miroirs déserts d'un vieil Escurial
Ainsi qu'une galere oubliée en rade{597}.

Моя душа — инфанта в нарядных жемчугах,
Ее изгнанье вечно, без конца и без начала,
Оно отражено лишь в зеркалах Эскориала,
Душа моя — забытая галера на дремлющих волнах[57].

Генерал ходил по мрачным залам дворца и думал. Чья это душа? Чье изгнанье? Его? Сколько же их было этих изгнаний? Сорокового года, сорок шестого и последнее, шестьдесят девятого. Кто помнит об этом сейчас? Стены здания военного министерства на улице Сен-Доминик или зеркала нелюбимого Елисейского дворца? А он сам? Разбитая об острые скалы, старая заброшенная галера. Без кормчего, без гребцов. Никогда она уже

не отправится в счастливое плавание на завоевание милой сердцу Франции.

Потом был Мадрид. Бывший президент встретился с Франко. Он с уважением относился к этому человеку и был рад беседе с ним. Два генерала говорили о колониальной политике, деколонизации, роли ООН в международных отношениях{598}. Де Голль побывал в музее Прадо, а затем отправился в Толедо, Кордову, Гранаду, Севилью. Передохнув неделю на южном берегу в горах под Марбельей, он вернулся в Коломбэ.

Лето в самом разгаре, но об отдыхе больше думать не приходится. Столько дел! Дня едва хватает, чтобы успеть выполнить намеченное. Писатели, ученые по-прежнему присылают де Голлю свои книги. Он находит время хотя бы просмотреть их, отвечает на письма. Приезжают внуки. Генералу так приятно пообщаться с мальчиками, которые уже выросли и вступают во взрослую жизнь. Он гуляет с ними по парку, а вечером все усаживаются в гостиной и бывший президент торжественно, почти ритуально, читает отрывки из своих воспоминаний.

Де Голль очень рад тому, что издательство «Плон» быстро выпустило оставшиеся три тома его «Речей и посланий». Третья книга — «Возрождение» увидела свет в июне, четвертая — «С усилием» — в июле и последняя — «В конце пути» — в начале сентября.

Генерал спешит. Готов первый набросок второго тома мемуаров. Он будет называться «Усилие». Но сил не так много. Работать быстро не удается. Де Голль подбадривает себя и вспоминает о великих людях, которые в более почтенном возрасте, чем он сейчас, создавали шедевры. Бывший президент отмечает в своем дневнике: «В 89 лет Софокл пишет "Эдип в Колоне", в 80 Гёте пишет "Фауст". В 97 лет Тициан рисует "Снятие с креста", а Верди в 85 создает свой грандиозный "Те Деум". Еще Моне, Кант, Вольтер, Шатобриан, Гюго, Толстой, Шоу, Мориак. Сколько восьмидесятилетних людей продолжали свое замечательное творчество!»{599}

Генерал размышлял, о чем писать дальше. Он ходил по дому и смотрел на подарки, которые получил от разных государственных деятелей. Так он вспоминал людей, и память сразу восстанавливала какие-нибудь эпизоды. Де Голлю за годы президентства надарили уйму всевозможных предметов. Но он взял в Коломбэ лишь то, что ему нравилось. Персидский ковер ручной работы от шаха Ирана, на котором был выткан портрет генерала. Сабли из Саудовской Аравии, Ирака, Сирии, Марокко. Большой серебряный самовар от Брежнева и Косыгина. Огромные

бивни слона из Камеруна. Смешная, но такая милая трехметровая эфиопская вышивка. На ней в наивной форме изобразили де Голля с женой, приехавших в Аддис-Абебу. Генерал особенно любил резное изображение Богородицы, выполненное из дерева средневековым мастером, — подарок Аденауэра, а также большую бронзовую статую «Победа» Антуана Бурделя. Жена известного скульптора подарила ее де Голлю, и она была установлена в парке Буассери.

И опять в Коломбэ пришла осень, сначала, как обычно, красивая, мягкая и тихая. Октябрь ознаменовался для генерала важным событием. Вышел в свет первый том его «Мемуаров Надежды», охвативший 1958–1962 годы. Де Голлю привезли несколько десятков экземпляров. Он с удовольствием стал их подписывать.

А дни летели дальше. Наступил и самый печальный осенний месяц. Время, остановись! Господь, дай ему еще пожить, чтобы он успел завершить свой труд. Нет?!

9 ноября 1970 года. Генерал встал в восемь, в девять позавтракал, просмотрел утренние газеты и отправился на традиционную прогулку по своему парку. День был таким хмурым, промозглым. Накрапывал мелкий дождик. Его капельки маленькими струйками стекали по статуе «Победы». Ветер срывал с деревьев последние желтые листья. Де Голлю сами пришли в голову стихи Эмиля Верхарна:

O ces feuilles qui tombent…
Et cette pluie a l'infini
Et puis ce cri, ce cri
Toujours le meme dans mon ame!
Feuilles…
Feuilles couleur de mes douleurs et de mes pleurs
Comme il en tombe sur mon coeur…
И fait novembre en mon ame.

О эти листья, что спадают…
О этот бесконечный дождь
И этот вой средь голых рощ,
Однообразно рвущий все в душе!
Листья…
Как рой моих скорбей все тяжелей, желтей,
Так падают они в душе моей…

Ноябрь в душе моей[58].

Все эти слова были так созвучны и погоде, и его настроению. На улице ему стало холодно и неуютно. Через пятнадцать минут он вернулся в дом. День прошел как обычно.

Бывший президент посетил мессу в деревенской церкви, потом писал, читал, отвечал на письма. В половине седьмого вечера он уселся за ломберный столик и в ожидании вечерних новостей по телевизору стал раскладывать пасьянс. Внезапно генерал пошатнулся на стуле и упал, успев сказать: «Какая боль в спине». Ивонна сразу подошла и начала спрашивать мужа: «Шарль, вы меня слышите?» Нет, он ее не слышал, разрыв аорты остановил биение сердца. Спешно вызвали врача и кюре. Они появились одновременно через полчаса, но хозяин Буассери уже покинул мир живых.

На следующий день его дома, облачив в военную форму бригадного генерала, положили в простой деревянный гроб. В руки ему жена вложила четки, освященные папой римским Павлом VI. Проститься с мужем Ивонна позволила только родным. Крышку гроба сразу закрыли. В это самое время президент республики Жорж Помпиду объявил по радио и телевидению: «Француженки, французы. Умер генерал де Голль. Франция овдовела».

12 ноября. Гроб с телом генерала установили на бронетранспортер, накрыли национальным знаменем, и машина медленно двинулась под траурный колокольный звон к церкви Коломбэ. По всей дороге молча стояли люди — министры, соратники, писатели, журналисты, простые французы. После отпевания двенадцать юношей деревни понесли гроб с телом де Голля в последний путь. Генерала похоронили, как он завещал, «без музыки и фанфар», только в кругу родных и близких. Он упокоился на деревенском кладбище Коломбэ, рядом со своей дочерью Анной.

В тот же день в столице Франции в соборе Парижской Богоматери главы 84 государств присутствовали на траурной мессе в память о де Голле. Вспоминая этот день, Ричард Никсон сказал, как во время церемонии он осознавал, что мир покинул последний исполин мировой политики. Потом президент добавил: «Де Голль не нуждается в памятнике, потому что он сам — монумент. А творение его рук — Франция»[{600}].

Прошедшие годы только подтверждают эти слова. Сегодня весь мир знает, что «самый знаменитый из французов» XX

столетия — генерал Шарль де Голль, Неутомимым созиданием на благо отечества он навеки вписал свое имя в анналы истории.

Основные даты жизни и деятельности Шарля де Голля

1890, 22 ноября — в городе Лилль родился Шарль Андре Жозеф-Мари де Голль.

1896–1899 — учеба в начальной школе Фомы Аквинского в Париже.

1900, 22 мая — родилась Ивонна Вандру, будущая жена де Голля.

1900–1907 — учеба в иезуитском коллеже Непорочного Зачатия в Париже на греко-латинском отделении.

1907–1908 — учеба в иезуитском коллеже Сакре-Кёр в городе Антуан в Бельгии.

1908–1909 — учеба в специальном классе коллежа Станислас в Париже, готовящем абитуриентов для поступления в военное училище Сен-Сир.

1909 — поступление в военное училище Сен-Сир.

1909–1910 — служба в 33-м пехотном полку города Аррас до начала учебы.

1910, апрель — получение звания капрала.

1910–1912 — учеба в военном училище Сен-Сир, получение звания младшего лейтенанта.

1912–1914 — служба в 33-м пехотном полку в Аррасе, знакомство с Филиппом Петэном.

1913 — получение звания лейтенанта.

1914, август — 1916, март — участие в военных действиях Первой мировой войны.

1915 — получение звания капитана.

1916, март — 1918, ноябрь — пребывание в германском плену.

1919, апрель — 1921, апрель — служба во Французской военной миссии в Польше, осуществлявшей инструктаж польских офицеров.

1919 — получение ордена Почетного легиона.

1921, 6 апреля — женитьба на Ивонне Вандру.

1921 — стажировка в различных родах войск.

1921, 28 декабря — рождение сына Филиппа.

1922–1924 — учеба в Высшей военной школе.

1924, март — выход в свет книги «Раздор в стане врага».

1924, 15 мая — рождение дочери Элизабет.

1924–1925 — служба в Рейнской области.

1925 — служба в штабе вице-председателя Верховного

военного совета маршала Петэна.

1926–1929 — служба в городе Трир в Рейнской области, получение чина командира батальона, командование 19-м егерским полком.

1928, 1 января — рождение дочери Анны.

1929–1931 — служба во французских войсках в Ливане.

1931, ноябрь — получение должности секретаря Высшего совета национальной обороны.

1932, 3 мая — кончина отца Анри де Голля.

1932 июль — выход в свет книги «На острие шпаги».

1933 декабрь — получение чина подполковника.

1934 май — выход в свет книги «За профессиональную армию».

1934, июль — покупка имения Буассери в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз.

1934, декабрь — знакомство с Полем Рейно.

1935 — публикация на русском языке в Москве третьей книги де Голля под названием «Профессиональная армия».

1937, июль — назначение на должность командующего 507-м танковым полком в городе Мец.

1937, декабрь — получение чина полковника.

1938, сентябрь — выход в свет книги «Франция и ее армия».

1939 сентябрь — назначение командующим танковыми войсками 5-й армии.

1940 январь — меморандум де Голля восьмидесяти видным политическим и военным деятелям Франции.

11 мая — назначение командующим 4-й бронетанковой дивизией.

17—30 мая — отражение возглавляемой де Голлем 4-й бронетанковой дивизией наступления немецких войск под городом Абвиль.

25 мая — получение чина бригадного генерала.

5 июня — назначение заместителем военного министра.

9 июня — поездка в Лондон, первая встреча с Черчиллем.

14—16 июня — поездка в Лондон, вторая встреча с Черчиллем.

17 июня — вылет в Лондон.

18 июня — речь де Голля к французам, произнесенная по лондонскому радио Би-би-си, призывающая продолжать сопротивление врагу и присоединяться к нему.

19—22 июня — речи де Голля по лондонскому радио Би-би-си, повторно призывающие присоединяться к нему.

22 июня — лишение правительством Виши де Голля звания генерала.

24 июня — речь де Голля по лондонскому радио Би-би-си, осуждающая перемирие, заключенное маршалом Петэном с фашистской Германией.

28 июня — признание английским правительством де Голля как главы «свободных французов», основание де Голлем в Лондоне организации Свободная Франция.

3 июля — потопление французского флота в бухте Мерс-эль-Кебир.

10 июля — образование во Франции правительства Виши во главе с маршалом Петэном.

16 июля — кончина матери Жанны де Голль.

22 июля — присоединение к Свободной Франции Новых Гебридов.

2 августа — присоединение к Свободной Франции Таити.

4 августа — де Голль заочно приговорен к смертной казни.

7 августа — де Голль подписал с Черчиллем соглашение относительно использования французских добровольческих сил в Англии.

27 августа — присоединение к Свободной Франции Чада и Камеруна.

28 августа — присоединение к Свободной Франции Конго.

29 августа — присоединение к Свободной Франции Убанги-Шари.

2 сентября — присоединение к Свободной Франции французской Полинезии.

9 сентября — присоединение к Свободной Франции французских владений в Индии.

23—25 сентября — участие «свободных французов» во главе с де Голлем в неудачной франко-британской военной операции по овладению Дакаром.

24 сентября — присоединение к Свободной Франции Новой Каледонии.

8 октября —17 ноября — путешествие по присоединившимся территориям в Африке.

17 октября — публикация Манифеста относительно руководства усилиями французов во время войны и ордонанса, учреждающего Совет обороны империи.

24 декабря — признание английским правительством Совета обороны империи.

1941,

14 марта — 1 сентября — путешествие по странам Африки и Ближнего Востока.

7 июня — овладение британскими войсками и военными

силами «свободных французов» Сирией и Ливаном, находившимися под юрисдикцией Виши.

13 июня — подписание в городе Акко перемирия между британскими силами и вишистскими войсками, дислоцированными в Сирии и Ливане.

24 сентября — создание в рамках Свободной Франции Французского национального комитета.

26 сентября — признание Французского национального комитета СССР.

Декабрь — де Голль поручил Жану Мулену объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение Свободной Франции.

1942,

5 мая — высадка британских войск на Мадагаскаре.

23 июня — публикация в подпольных изданиях Франции Манифеста де Голля о его солидарности с движением Сопротивления.

9 июля — признание Французского национального комитета США как «символа французского сопротивления державам оси».

14 июля — переименование Свободной Франции в Сражающуюся Францию.

5 августа — 25 сентября — путешествие по странам Африки и Ближнего Востока.

Октябрь — де Голль принял в Лондоне лидеров движения Сопротивления.

30 октября — де Голль назначил генерала Делестрена командующим тайной армии.

8 ноября — высадка англо-американских войск в Северной Африке, назначение американцами адмирала Дарлана Верховным комиссаром Северной Африки.

14 декабря — подписание де Голлем и Иденом соглашения о передаче власти на Мадагаскаре Французскому национальному комитету.

24 декабря — убийство адмирала Дарлана.

28 декабря — назначение генерала Жиро на должность «гражданского и военного главнокомандующего» в Алжире.

1943,

14—24 января — встречи де Голля с Рузвельтом, Черчиллем и генералом Жиро во время конференции в Касабланке.

27 мая — создание Жаном Муленом Национального совета Сопротивления.

3 июня — создание в Алжире Французского комитета

национального освобождения (ФКНО) под председательством генералов де Голля и Жиро.

26 августа — признание ФКНО Великобританией, США и СССР.

17 сентября — объявление ФКНО о созыве в Алжире Временной консультативной ассамблеи.

3 октября — де Голль стал единственным председателем ФКНО.

3 ноября — выступление де Голля на первом заседании Временной консультативной ассамблеи.

18 марта — выступление перед депутатами Временной консультативной ассамблеи, оглашение программы реформ в послевоенной Франции.

1944,

3 шюня — ФКНО провозглашает себя Временным правительством Французской республики.

6 шюня — начало высадки союзных войск в Северной Франции.

14 шюня — прибытие де Голля в Нормандию.

28—30 шюня — поездка в Италию, встреча с папой римским Пием XII.

5—12 шюля — визит в США и Канаду, встреча с Рузвельтом.

15 августа — начало высадки союзных войск в Южной Франции.

24 августа — освобождение Парижа, прибытие де Голля в столицу.

29 августа — речь по парижскому радио.

6 сентября — встреча де Голля с генералом Эйзенхауэром, достижение договоренности об участии французских войск в наступлении на Германию.

9 сентября — переформирование де Голлем Временного правительства.

12 сентября — выступление во дворце Шайо.

23 октября — прибытие в Париж Черчилля и Идена, договоренность о выделении Франции зоны оккупации Германии.

30 ноября — 10 декабря — визит в СССР, встреча со Сталиным, подписание советско-французского договора о взаимной помощи.

1945,

4—11 февраля — на Ялтинской конференции в отсутствии де Голля Рузвельт, Черчилль и Сталин приняли решение о введении Франции в Союзный контрольный совет и предоставлении ей

одного из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности ООН.

8 мая — участие Франции в акте капитуляции Германии.

17 мая — де Голль отменил вынесенный судом приговор к смертной казни маршалу Петэну и заменил его пожизненным заключением.

19—20 мая — поездка в Германию.

17 июля — 2 августа — на Потсдамской (Берлинской) конференции в отсутствии де Голля Франция введена в Совет министров иностранных дел, призванный решать проблемы мирного урегулирования.

21—30 августа — визит в США, встреча с Трумэном.

3—5 октября — поездка во французскую зону оккупации Германии.

21 октября — проведение всеобщего референдума и выборов в Учредительное собрание.

13 ноября — де Голль единогласно выбран Учредительным собранием председателем Временного правительства, формирование нового кабинета.

1946,

20 января — заявление де Голля о добровольной отставке.

16 июня — речь в Байё.

1947,

31 марта — речь в Брюневале.

7 апреля — речь в Страсбурге.

14 апреля — официальное объявление о создании Объединения французского народа (РПФ).

Август — создание в Национальном собрании интергруппы, в которую вошли депутаты разных политических партий, солидаризировавшиеся с целями РПФ.

Октябрь — РПФ завоевало 40 % голосов избирателей на муниципальных выборах.

1948, 6 февраля — кончина дочери Анны.

28 сентября — рождение внука Шарля.

1951, 1 января — рождение внука Ива.

Июнь — РПФ получило на парламентских выборах 22,3 % голосов избирателей и 118 мест в Национальное собрание.

1952 12 июля — исключение из рядов РПФ депутатов-диссидентов.

1953

4 марта — 1 апреля — путешествие по французским владениям в Африке.

Апрель — май — РПФ получило 10,6 % голосов избирателей на муниципальных выборах.

6 мая — заявление де Голля о том, что РПФ прекращает парламентскую деятельность.

13 июня — рождение внука Жана.

4—22 октября — путешествие по французским владениям в Индийском океане.

1954 октябрь — выход в свет первого тома «Военных мемуаров» — «Призыв».

1955 сентябрь — прекращение деятельности РПФ.

1956 июнь — выход в свет второго тома «Военных мемуаров» — «Единство».

8 августа — 18 сентября — путешествие по французским владениям в Океании.

1957 10–18 марта — поездка во французскую Сахару.

1958 13 мая — мятеж ультраколониалистов и французских военных в Алжире, создание Комитета общественного спасения.

15 мая — призыв к де Голлю главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала Салана; заявление де Голля о том, что он «готов взять на себя власть республики».

26 мая — встреча де Голля с премьер-министром Пьером Пфлимленом.

27 мая — коммюнике де Голля о том, что он «начал процесс формирования правительства».

28 мая — встреча де Голля с председателями Национального собрания Андре Лё Трокёром и сената Гастоном Моннервилем.

29 мая — обращение к де Голлю, «самому знаменитому из французов», президента республики Рене Коти с просьбой сформировать правительство.

1 июня — утверждение Национальным собранием де Голля в качестве премьер-министра.

3— 7 июня, 1–3 июля — поездки в Алжир.

14—15 сентября — встреча с Аденауэром в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз.

17 сентября — меморандум де Голля по НАТО, адресованный Эйзенхауэру и Макмиллану.

28 сентября — на всеобщем референдуме проект конституции, выдвинутый правительством де Голля, утвержден французами 75,25 % голосов.

1 октября — создание голлистской партии Союз за новую республику (ЮНР).

21 декабря — избрание де Голля президентом республики косвенным голосованием на семилетний срок.

1959,

1 января — вступление в силу договора об «Общем рынке».

8 января — назначение на пост премьер-министра Мишеля Дебре.

3 марта — визит Аденауэра в Париж.

9—10 марта — визит Макмиллана в Париж.

23—27 июня — официальный визит в Италию и Ватикан, встречи с премьер-министром Сеньи, президентом Гронки и папой римским Иоанном XXIII.

Июль — рождение внучки Анны.

3—10 июля — путешествие во французское Сомали, на Мадагаскар, Реюньон и Коморские острова.

27—30 августа — поездка в Алжир.

2—4 сентября — официальный визит во Францию Эйзенхауэра.

16 сентября — речь о самоопределении Алжира.

Октябрь — выход в свет третьего тома «Военных мемуаров» — «Спасение».

1—2 декабря — официальный визит во Францию Аденауэра.

19—21 декабря — конференция в верхах в Париже с участием де Голля, Эйзенхауэра, Макмиллана и Аденауэра.

1960,

24 января — 2 февраля — «неделя баррикад» в Алжире.

13 февраля — первое испытание Францией атомной бомбы во Французской Сахаре.

3— 7 марта — поездка в Алжир.

13 марта — визит Макмиллана в Париж.

23 марта — 3 апреля — официальный визит Хрущёва во Францию.

5—8 апреля — официальный визит в Великобританию.

18 апреля — 4 мая — путешествие в Канаду, США и заморские департаменты Франции.

16—17 мая — парижская конференция в верхах с участием де Голля, Эйзенхауэра, Макмиллана и Хрущёва.

29—30 июля — встреча с Аденауэром в Рамбуйе.

4 ноября — речь об «алжирском Алжире».

9—12 декабря — поездка в Алжир.

1961,

8 января — на всеобщем референдуме французы 79,2 % голосов одобрили план де Голля о предоставлении Алжиру права на самоопределение.

22—25 апреля — путч французских военных в Алжире.

20 мая — встреча с Аденауэром в Бонне.

31 мая — 2 июня — официальный визит Кеннеди во Францию.

Июль — начало работы комиссии под председательством Кристиана Фуше по разработке политической структуры, объединяющей государства «Общего рынка».

8 сентября — покушение на де Голля в местечке Пон-сюр-Сен.

24—26 сентября — поездка в Великобританию.

1962,

15 февраля — встреча с Аденауэром в Баден-Бадене.

18 марта — заключение Эвианских соглашений о прекращении войны в Алжире.

Апрель — провал «плана Фуше».

8 апреля — на всеобщем референдуме французы 90,6 % голосов одобрили заключение Эвианских соглашений.

14 апреля — назначение на пост премьер-министра Жоржа Помпиду.

2 июня — встреча с Аденауэром в Париже.

2—3 июня — встреча с Макмилланом в Шан.

2—8 июля — официальный визит Аденауэра во Францию.

22 августа — покушение на де Голля в местечке Пти-Кламар.

4—9 сентября — официальный визит в Западную Германию.

19—24 октября — заявление де Голля по поводу Карибского кризиса.

28 октября — на всеобщем референдуме французы 61,7 % голосов одобрили проект закона об избрании президента республики всеобщим голосованием.

15—16 декабря — встреча с Макмилланом в Рамбуйе.

1963,

январь — первое вето Франции на вступление Великобритании в «Общий рынок».

21—23 января — франко-германские переговоры и подписание франко-германского договора в Париже.

16—19 мая — путешествие в Грецию.

20 мая — рождение внука Пьера.

4—5 июля — встреча с Аденауэром в Бонне.

29 августа — заявление де Голля по Вьетнаму.

21—22 сентября — встреча с Аденауэром в Рамбуйе.

16—20 октября — путешествие в Иран.

24—25 ноября — присутствие на похоронах Кеннеди в Вашингтоне.

1964,

январь — признание Францией Китайской Народной Республики.

14—15 февраля — встреча с Эрхардом в Париже.

15— 24 марта — путешествие в Мексику и на Антильские острова.

24—26 июня — официальный визит во Францию короля Камбоджи Нородома Сианука.

3—4 июля — официальный визит в Бонн.

20 сентября — 6 октября — путешествие по странам Латинской Америки.

1965,

19—20 января — встреча с Эрхардом в Рамбуйе.

29—30 января — присутствие на похоронах Черчилля в Лондоне.

2— 3 апреля — встреча с Вильсоном в Париже.

11—12 июня — встреча с Эрхардом в Бонне.

19 декабря — переизбрание де Голля на пост президента республики всеобщим голосованием на семилетний срок.

1966,

7—8 февраля — встреча с Эрхардом в Париже.

7 марта — объявление о выходе Франции из военной организации НАТО.

20 июня — 1 июля — официальный визит де Голля в СССР.

21 июля — встреча с Эрхардом в Бонне.

25 августа — 12 сентября — визит во французское Сомали, Эфиопию, Камбоджу, Новую Каледонию, Новые Гебриды, французскую Полинезию и Гваделупу.

11 сентября — наблюдение с борта крейсера «Де Грае» за первым взрывом французской термоядерной бомбы в открытом океане.

1967,

13—14 января — встреча с Кизингером в Париже.

25 января — встреча с Вильсоном в Париже.

25 апреля — присутствие на похоронах Аденауэра в Кёльне.

2 мая — второе вето Франции на вступление Великобритании в «Общий рынок».

29 мая — 1 июня — официальный визит в Италию и Ватикан, встречи с президентом Сарагатом и папой римским Павлом VI.

19—20 июня — встреча с Вильсоном в Париже.

Июнь — заявления де Голля, осуждающие военные действия США против Вьетнама и Израиля против арабских государств.

12—13 июля — встреча с Кизингером в Бонне.

15—26 июля — официальный визит в Канаду.

16—12 сентября — официальный визит в Польшу.

1968,

6 февраля — присутствие на торжественном открытии X Зимних олимпийских игр в Гренобле.

8 февраля — участие в траурной церемонии по поводу гибели подводной лодки «Минерва» и совершение погружения на подводной лодке «Эвридика».

15—16 февраля — встреча с Кизингером в Париже.

13 мая — 30 июня — университетский кризис и социальные волнения во Франции.

14—I8 мая — официальный визит в Румынию.

29 мая — поездка в Баден-Баден, в ставку французских войск в Западной Германии.

30 мая — заявление о роспуске Национального собрания и проведении новых выборов.

10 июля — назначение на пост премьер-министра Мориса Кува де Мюрвиля.

Август — осуждение ввода советских войск в Чехословакию.

27—28 сентября — официальный визит в Бонн.

25—30 октября — официальный визит в Турцию.

1969,

28 февраля — 2 марта — официальный визит Никсона во Францию.

13—14 марта — встреча с Кизингером в Париже.

30—31 марта — присутствие на похоронах Эйзенхауэра в Вашингтоне.

27 апреля — на всеобщем референдуме французы 46,7 % голосов отклонили выдвинутый де Голлем проект закона о региональной реформе и реформе сената.

28 апреля — добровольная отставка.

10—19 июня — путешествие в Ирландию.

1970,

21 апреля — выход в свет первого тома «Речей и посланий» — «Во время войны».

21 мая — выход в свет второго тома «Речей и посланий» — «В ожидании».

3—27 июня — путешествие в Испанию.

18 июня — выход в свет третьего тома «Речей и посланий» — «Возрождение».

3 июля — выход в свет четвертого тома «Речей и посланий» — «С усилием».

18 сентября — выход в свет пятого тома «Речей и посланий» — «В конце пути».

23 октября — выход в свет первого тома «Мемуаров Надежды» — «Возрождение».

9 ноября — кончина в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз.

12 ноября — похороны в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз, торжественная заупокойная месса в соборе Парижской Богоматери.

1971,

20 февраля — создание Института Шарля де Голля в Париже.

19 марта — выход в свет второго, незаконченного тома «Мемуаров Надежды» — «Усилие», площадь Этуаль в Париже получила название Шарль-де-Голль-Этуаль.

1972, 18 июня — открытие мемориального комплекса в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз.

1974 — международный парижский аэропорт Руасси получил название Руасси-Шарль-де-Голль.

1975 — выход в свет «Статей и сочинений».

1979, 8 ноября — кончина Ивонны, жены Шарля де Голля.

1980–1988 — выход в свет двенадцати томов «Писем, записок и дневников».

1990, ноябрь — проведение в Париже всемирного конгресса «Де Голль и его век».

Ноябрь — открытие на проспекте Мира в Москве площади Шарля де Голля.

1997 — выход в свет тринадцатого тома «Писем, записок и дневников».

2000 — открытие на Елисейских Полях в Париже памятника Шарлю де Голлю.

2005, 9 мая — открытие на площади Шарля де Голля в Москве памятника Шарлю де Голлю.

Библиография

Произведения генерала де Голля

La discorde chez l'ennemi. P., 1924.
Le fil de l'Epee. P., 1932.
На острие шпаги. М., 2006.
Vers l'armee de metier. P., 1934.
Профессиональная армия. М., 1935.
La France et son armee. P., 1938.
Trois etudes. P., 1945.

Memoires de Guerre.
V. 1. L'Appel. 1940 — 1942. P. 1954.
V. 2. L'Unite. 1942 — 1944. R 1956.
V. 3. Le Salut. 1944 — 1946. P., 1959.
Военные мемуары
Т. 1. Призыв. 1940 — 1942. М., 1957; 2003.
Т. 2. Единство. 1942 — 1944. М, I960; 2003.
Т. 3. Спасение. 1944 — 1946. М., 2004.

Memoires d'Espoir.
V. 1. Le Renouveau. 1958—1962. P., 1970.
V. 2. L'Effoft. 1962. P., 1971.
Мемуары Надежды. М., 2000.

Discours et messages
V. 1. Pendant la guerre. Juin 1940 —Janvier 1946. P., 1970.
V. 2. Dans l'attente. Fevrier 1946 — Avril 1958. P., 1970.
V. 3. Avec le renouveau. Mai 1958 — Juillet 1962. P., 1970.
V. 4. Pour l'effort. Aout 1962 — Decembre 1965. P., 1970.
V. 5. Vers le terme. Janvier 1966 — Avril 1969. P., 1970.

Lettres, notes et carnets
V. 1. 1905 — 1918. P., 1980.
V. 2. 1919 — Juin 1940. P., 1980.
V. 3. Juin 1940 — Juillet 1941. Complements 1905 juin 1940. P., 1981.
V. 4. Juillet 1941 — Mai 1943. P., 1982.

V. 5. Juin 1943 — Mai 1945. P., 1983.
V. 6. Mai 1Juin 1951. P., 1984.
V. 7. Juin 1951 — Mai 1958. P., 1985.
V. 8. Juin 1958 — Decembre 1960. P., 1985.
V. 9. Janvier 1961 — Decembre 1963. P., 1986.
V. 10. Janvier 1964 — Juin 1966. P., 1987.
V. 11. Juillet 1966 — Avril 1969. P., 1988.
V. 12. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 1908 — 1968. P., 1988.
V. 13. Complements 1924 — 1970. P., 1997.

Мемуары, воспоминания, дневники

Аденауэр К. Воспоминания. Т. 1–4. М., 1966–1967.
Астье Э. д' Семь раз по семь дней. М., 1961.
Астье Э. д' Боги и люди. 1943–1944. М., 1962.
Бийу Ф, Когда мы были министрами. М., 1974.
Тренье Ф. Вот как это было. М., 1960.
Дубинин Ю. В. Дипломатическая быль. Записки посла во Франции. М., 1997.
Дюкло Ж. Мемуары. Т. 1–2. М. 1974, 1975.
Ерофеев В. Дипломат: Книга воспоминаний. М., 2005.
Хрущев Н. С. Воспоминания. М., 1997.
Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1–6. М., 1997.
Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Военные мемуары. М., 1980.
Argenlieu Th. d' Souvenirs de guerre, juin 1940—Janvier 1941. P., 1973.
Arrighi P. La Corse — atout decisif. P., 1958.
Awn R. Memoires. P., 1985.
Astoux A. L'Oubli. De Gaulle. 1946—1958. P., 1974.
Auburtin J. Charles de Gaulle. P., 1966.
Auriol V. Mon septennat. 1947—1954. P., 1970.
Baumel J. Resister. P., 1999.
Bidault G. D'une resistance a Pautre. P., 1965.
Boissieu General de Pour combattre avec de Gaulle. P., 1981.
Boissieu General de Pour servir le General. P., 1982.
Blum L. Memoires. P., 1955.
Burin des Roziers E. Retour aux sources. P., 1985.
Burin des Roziers E. L'annee decisive. P., 1986.
Capitant R. Ecrits politiques. 1960–1970. P., 1971.

Cassin R. Dix-huit mois de France Libre. Beyrouth, 1942.
Cassin R. Les Hommes partis de rien. P., 1974.
Catroux G. Dans la bataille de Mediterranee. 1940–1944. P., 1949.
Chaban-Delmas J. L'Ardeur. P., 1975.
Chaban-Delmas J. Charles de Gaulle. P., 1980; 1990.
Chaban-Delmas J. Memoires pour demain. P., 1997.
Chalk M. Notre revoke. P., 1968.
Charbonnel J. De Gaulle au present. P., 1990.
Claudel P. Au general de Gaulle. P., 1945.
Courcel G. de Les memoires — Le Figaro, 23 juin 1993.
Couve de Murville M. Une politique etrangere 1958–1969. P., 1971.
Dauer J., Rodet M. Le 13 mai sans complots. P., 1959.
Dauer J., Rodet M. Les orphelines de gaullisme. P., 1962.
Debu-Bridel J. Les partis contre Charles de Gaulle. P., 1948.
Debu-Bridel J. De Gaulle contestataire. P., 1970.
Debu-Bridel J. De Gaulle et CNR. P., 1978.
Dejean M. La France Libre, son chef, son caractere, ses buts. New-Delhi, 1941.
Denis P. Souvenirs de la France Libre. P., 1947.
Dronne R. La Revolution d'Alger. P., 1958.
Dronne R. La liberation de Paris. P., 1970.
Dronne R. Vie et mort d'un Empire. La decolonisation. P., 1989.
Eden A. The Recording. L., 1965.
Ely P. Memoires. V. 1–2. P., 1964.
Escrienne J. d' Le general m'a dit. P., 1973.
Escrienne J. d' De Gaulle de loin et de pres. P., 1978.
Flohic F. Ni chagrin, ni pitie: souvenirs d'un marin de la France Libre. P., 1985.
Flohic F. Souvenir d'outre-Gaulle. P., 1979.
Foccart J. Le General en mai. 1968–1969. P., 1998.
Foccart J. Tous les soires avec de Gaulle Journal de l'Elysee 1965–1967 P, 1997
Fouchet Ch. Memoires d'hier et de demain V1—2 P, 1971, 1973
Gary R. Ode a l'homme qui fut la France P, 1997
Gaulle Ph. de De Gaulle P, 1990
Gaulle Ph. de Memoires accessoires V1—2 P, 1997, 2000
Gaulle Ph. de De Gaulle mon pere V1—2 P, 2003, 2004
Gaulle Ph. de Mon pere en images P, 2006
Gaulle-Antoninoz G. de La traversee de la nuit P, 1999
Giraud H. Un seul but la victoire P. 1949
Guena Y. Le Temps des certitudes11969 P, 1982
Guichard O. Un chemin tranquille P, 1975

Guichard O. Mon general P, 1980
Guy C. En ecoutant de Gaulle P, 1996
Hamon L. De Gaulle dans la Republique P, 1958
Jouhaud E. La vie est un combat P, 1975
Juin A. Memoires P, 1960
Lefranc P. De Gaulle, raconte aux jeunes P, 1975, 1989
Lefranc P. Le vent de la hberteP, 1976
Lefranc P. Avec qui vous savez Vmgt-cinq ans aux cotes de de Gaulle P, 1979
Lefranc P. Charles de Gaulle, sa vie, son oeuvre P, 1985
Lefranc P. De Gaulle, un portrait P, 1990
Lefranc P. La tentation de Charles de Gaulle P, 1994
Macmillan H. The Blast of War11945 L, 1967
Malraux A. Antimemoires P, 1967
Malraux A. Les chenes qu'on abat P, 1971
Massu J. Le torrent et la digue P, 1972
Massu J. Baden 68 souvenirs d'une fidehte gaulhste P, 1983
Maunac C. Un autre de Gaulle P, 1970
Maunac C. Aimer de Gaulle P, 1978
Maunac F. De Gaulle P, 1964
Maunac F. Memoires politiques P, 1967
Maunac J. Mort du general de Gaulle P, 1972
Mengin R. De Gaulle a Londres Vu par un Franc.ais libre P, 1965
Messmer P. Memoires Apres tant de batailles P, 1992
Michelet E. Sur la fidehte en pohtique P, 1949
Michelet E. Contre la guene civile P, 1957
Michelet E. Le gaulhsme passionnante aventure P, 1962
Michelet E. La querelle de la fidehte Peut-on etre gaulhste aujourd'hui 9 P, 1971
Minbel E. de La hberte souffre violence P, 1981, 1990
Moch J. Rencontres avec de Gaulle P, 1971
Mollet G. 13 mai 1958 — 13 mai 1962 P, 1962
Monnet J. Memoires P, 1976
Muselier, Vice-Admiral. De Gaulle contre le gaulhsme P, 1946
Nachin L. Charles de Gaulle General de France P, 1944
Neuwirth L. Ma guerre a seize ans P, 1986
Neumrth L. Mais, apres tout P, 1994
Noel L. Notre dermere chance P, 1956
Noel L. L'avenir du gaulhsme Le sort des institutions de la V-e Republique P, 1971
Noel L. Comprendre de Gaulle P, 1972
Noel L. La traversee du desert P, 1973
Noel L. De Gaulle et les debuts de la V-e Repubhque P, 1976
Ortiz J. Mes combats P, 1964

Palewski G. Memoires d'action 1924–1974 P, 1988
Passeron A. De Gaulle vous parle1962—1966 P, 1966
Passy Souvenirs P, 1947
Peyrefitte A. C'etait de Gaulle V1-3 P, 1994, 1997, 2000
Пейрефит А. Таким был де Голль М, 2002 (сокращ. перевод)
Pflimhn P. Memoires d'un Europeen P, 1991
Pineau Ch. La simple vente1940—1945 P, 1983
Pompidou G. Pour retabhr une vente P, 1982
Remy De Gaulle, cet inconnu Monaco, 1947
Remy Memoires d'un agent secret de la France Libre V1—6 P, 1959
Remy Dix ans avec de Gaulle (11950) P, 1971
Remy Dans l'ombre du marechal P, 1971
Reynaud P. Au coeur de la melee 1930–1945 P, 1951
Reynaud P. Memoires V1-2 P, 1960, 1963
Reynaud P. Et apres? P, 1964
Reynaud P. La pohtique etrangere du gaulhsme P, 1964
Rodet M. Le gaulhsmeP, 1956
Rougter L. Mission secrete a Londres Montreal, 1946
Salan R. Memoires Fin d'un Empire V 1–4 P, 1970, 1971, 1972, 1974
Schumann M. Honneur et Patne P, 1946
Schumann M. L'homme des tempetes P, 1946
Schumann M. Un certain 18 juin P, 1980
Sengny A. de. La revolution du 13 mai P, 1958
Soustelle J. Envers et contre tout V1—2 P, 1947, 1950
Soustelle J. Aimee et souffrante Algene P, 1956
Soustelle J. L'Esperance trahie P, 1962
Soustelle J. Sur une route nouvelle P, 1964
Soustelle J. La page n'est pas tournee P, 1965
Soustelle J. Vingt-huit ans de gaulhsme P, 1968
Spears E. Assignment to catastrophe V1—2L, 1954
Terrenoire L. De Gaulle et l'Algene P, 1964
Terrenoire L. De Gaulle vivant P, 1971
Terrenoire L. De Gaulle, 1947—1954 Pourquoi l'echec? P, 1981
Terrenoire L. De Gaulle, Israel et les palestiniens P, 1989
Tournoux J — R. La tragedie du General P, 1967
Tournoux J — R. Le mois de mai du General Livre blanc des evenements P, 1969
Tournoux J — R. Le feu et la cendre les annees pohtiques du General de Gaulle 11970 P, 1979
Triboulet R. Des vessies pour des lanternes P, 1958
Triboulet R. Un gaulhste de la IV-e P, 1985
Triboulet R. Un ministre du General P, 1985

Tricot B. De Gaulle et le service de l'Etat P, 1978
Tricot B. Memoires P, 1994
Trinquier R. Le coup d'etat du 13 mai P, 1962
Vallon L. Le grand dessin nationalP, 1964
Vallon L. De Gaulle et la democratic P, 1971
Vendroux J. Cette chance que j'ai eue 1920–1957 P, 1974
Vendroux J. Ces grandes annees que j'ai vecues 1958–1970 P, 1975
Vendroux J. Yvonne de Gaulle, ma soeur P, 1980
Weygand M. En hsant les Memoires de guerre du general de Gaulle P, 1955

Литература (в список включены наиболее известные книги о де Голле и голлизме)

Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль (1890–1970) // Новая и новейшая история. 1971. № 3–6.
Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990.
Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990.
Арзаканян М. Ц. Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001.
Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972, 1980, 1988.
Aglion R. De Gaulle et Roosevelt. P., 1984.
Agulhon M. De Gaulle. Histoire, symbole, mythe. P., 2000.
Alexandra Ph. Le duel de Gaulle — Pompidou. P., 1968.
Amson D. Les relations entre le general de Gaulle et l'Etat d'lsrae'l. P., 1990.
Approches de philosophie politique du general de Gaulle. P., 1980.
Aron R. Charles de Gaulle. P., 1964.
Baillet R. De Gaulle et Machiavel. Lyon, 1986.
Barres Ph. Charles de Gaulle. L., 1941.
Berstein S. Histoire du gaullisme. P., 2001.
Binoche J. L'Allemagne et le general de Gaulle (11970). P., 1975.
Blanc P.-L. De Gaulle au soir de sa vie. P., 1990.
La Boisserie, c'est ma demeure. P., 1979.
Bournazel G. Un petit Ullois de Paris: Charles de Gaulle. P., 1984.
Broche F. De Gaulle secret. P., 1993.
Chariot J. V Union pour la Nouvelle Republique. Etude du pouvoir au sein d'un parti politique. P., 1967.

Chariot J. Le gaullisme deposition. 11958. P., 1983.
Chastenet J. De Petain a de Gaulle. P., 1971.
Choisel F. Bonapartisme et gaullisme. P., 1987.
Chronologie de vie la du general de Gaulle. P., 1973.
Cointet J.-P. La France Libre. P., 1975.
Cremieux-Brillac J.-L. La France Libre. P., 1996.
Daniel J. De Gaulle et l'Algerie. P., 1986.
Debre M., Debre J.-L. Le gaullisme. P., 1978.
Debre J.-L. Les idees constitutionnelles du general de Gaulle. P., 1974.
De Gaulle a Colombey, refuge d'un romantique. P., 1990.
De Gaulle en son siecle. V. 1–10. P, 11992.
De Gaulle et le Tiers Monde. P., 1984.
De Gaulle et Malraux. P., 1987.
De Gaulle et ses premiers ministres. P., 1990.
Delarue J. L'OAS contre de Gaulle. P., 1981, 1993.
Demaret P., Plume C. Objectif de Gaulle. P., 1973.
Dictionnaire De Gaulle. P., 2006.
Dreyfus F.-G. De Gaulle et le gaullisme: essai d'interpretation. P., 1982.
Droit M. L'Homme du destin. P., 1977, 1987.
Dulong C. La vie quotidienne a FElysee au temps de Charles de Gaulle. P., 1974.
Elgey G. Charles de Gaulle: la traversee du desert. P., 1973.
L'Entourage et de Gaulle. P., 1979..
Fabre-Luce A. Le plus illustre des Francais. P., 1960.
Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. P., 1965.
Ferro M. De Gaulle et TAmerique. P., 1973.
Fleury G. Tuer de Gaulle! P., 1996.
Foucaucourt H. de Naissance du myth gauiliste. P., 1984.
Gallo M. De Gaulle. V. 1–4. P., 11999.
Giraud H.-Ch. De Gaulle et les communistes. P., 1988.
Jouve E. Le general de Gaulle et la construction de Γ Europe 1940–1966. P., 1967.
Kerillis H. de, De Gaulle dictateur. P., 1945.
Kersaudy F. De Gaulle et Churchill. P.; L., 1981.
Lacouture J. De Gaulle. P., 1965.
Lacouture J. De Gaulle. V. 1–3. P., 1984, 1985, 1986.
La Gorce P.-M. de De Gaulle entre deux mondes. P., 1964.
La Gorce P.-M. de De Gaulle. P., 2000.
Larcan A. De Gaulle inventaire. La culture, Tesprit, la foi. P., 2003.
Maillard P. De Gaulle et l'AUemagne. P., 1990.
Maillard P. De Gaulle et l'Europe. P., 1995.

Messmer P., Larcan A. Les ecrits militaires de Charles de Gaulle. P., 1985.

Montalais J. de Qu'est que le gaullisme? P., 1969.

Moraze Ch. Le General de Gaulle et la Republique. P., 1972.

Petitflls J.-Ch. Le gaullisme. P., 1977.

Pognon E. De Gaulle et Гаппёе. P., 1976.

Pognon E. De Gaulle et l'Histoire de France. Trente ans eclaires par vingt siecles. P., 1970.

La politique africaine du general de Gaulle. P., 1981.

La politique etrangere du general de Gaulle. P., 1985.

Pouget J. Un certain capitaine de Gaulle. P., 1973.

Purtschet Ch. Le Rassemblement du peuple francais. 1947–1953. P., 1965.

Raissac G. Un combat sans merci. L'affaire Petain — de Gaulle. P., 1966.

Remond R. Le Retour de de Gaulle. Bmxelles, 1983.

Rouanet A. et P. L'inquietude outre-mort du general de Gaulle. P., 1985.

Roussel E. Charles de Gaulle. P., 2002.

Schoenbrun D. Les trois vies de Charles de Gaulle. P., 1965.

Suffert G. Vie, image et legende de Charles de Gaulle. P., 1980.

Touchard J. Le gaullisme. 11969. P., 1978.

Tournoux J.-R. Petain et de Gaulle. P., 1964.

Vaisse M. La Grandeur. Politique etrangere du general de Gaulle. 1958–1969. P., 1998.

Wailly H. De Gaulle sous le casque. P., 1990.

Список сокращений

CECA — Communaute europeenne de charbon et de Tacier
ЕОУС — Европейское объединение угля и стали

CED — Communaute europeenne de defense
ЕОС — Европейское оборонительное сообщество

CEE — Communaute economique europeenne
ЕЭС — Европейское экономическое сообщество

CFLN — Comite francos de la Liberation Nationale
ФКНО — Французский комитет национального освобождения

CNIP — Centre national des independants et paysans
СНИП — Национальный центр независимых и крестьян

CNRS — Centre national des republicains sociaux
СНРС — Национальный центр социальных республиканцев

FLN — Front de la liberation nationale
ФНО — Фронт национального освобождения (Алжира)

MRP — Mouvement republicaine populaire
МРП — Народно-республиканское движение

OAS — Organisation de Гаппёе secrere
ОАС — Секретная вооруженная организация

PCF — Parti communiste frangais
ФКП — Французская коммунистическая партия

PRL — Parti republicaine de la liberte
ПРЛ — Республиканская партия свободы

RPF — Rassemblement du peuple francais
РПФ — Объединение французского народа

SFIO — Section francaise d'Internationale ouvriere (Parti Socialiste)
СФИО — Французская секция рабочего Интернационала (Социалистическая партия)

UDSR — Union democratique et socialiste de la Resistance
ЮДСР — Демократический и социалистический союз Сопротивления

UNR — Union pour la Nouvelle Republique
ЮНР — Союз за новую республику

Указатель имен

Абади, Жюль
Агаянц (Авалов) И. И.
Адан, Адольф
Аденауэр, Конрад —
Акен, Жюль
Александр I
Аллар, Жак, генерал
Амон, Лео
Амруш, Жан
Антюхина-Московченко В. И.
Аристотель
Арк, Жанна д'
Арон, Раймон
Асту, Андре
Астье де Ля Вижери, Анри д'
Астье де Ля Вижери, Франсуа д'
Астье де Ля Вижери, Эммануэль д'
Базен, Эрве
Бадольо, Пьетро
Бардо, Брижит
Баррес, Морис
Баррес, Филипп
Бастьен-Тири, Жан
Беко, Жильбер
Бен-Гурион, Давид
Бенувиль, Гиен де
Бергсон, Анри
Бернанос, Жорж
Бернар Клервоский
Бидо, Жорж
Бизе, Жорж
Бийу, Франсуа
Бисмарк, Отто фон
Блан, Пьер-Луи
Бланшар, Пьер
Блюм, Леон
Богомолов А. Е.
Бодлер, Шарль
Бозель, Ален
Боленкур, Ксавье де

Бомель, Жак
Бонне, Анри
Бонневаль, Гастон де
Бонье де Ля Шапель, Фернан
Боссюэ, Жак Бенинь
Бразийяш, Робер
Браухич, Вальтер фон, генерал
Брежнев Л. И.
Бриан, Аристид
Броссолет, Пьер
Буайе, Шарль
Буассон, Пьер
Буассьё, Ален де, зять генерала
Буассьё, Анна де, внучка генерала
Будённый С. М.
Будор, подполковник
Бурвиль
Бурдель, Антуан
Бугру, Эмиль

Вален, генерал
Валери, Поль
Валин, Марсель
Валлон, Луи
Вандру, Жак, шурин генерала
Вейган, Максим, генерал
Вергилий
Верди, Джузеппе
Верлен, Поль
Берн, Жюль
Верней, Луи
Верхарн, Эмиль
Вилье де Лиль-Адан, Филипп Огюст
Вильсон, Гарольд
Виноградов С. А.
Виньи, Альфред де
Вобан, Себастьян
Вовенарг, Люк де
Вольтер
Вышинский А. Я.

Габен, Жан
Гаджибеков, Узеир
Гайяр, Феликс

Галактионов М. Р.
Гамелен, Морис, генерал
Гарнье, полковник
Гарриман, Аверелл
Гарро, Роже
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
Гелескул А.
Генрих IV
Геродот
Гёте, Иоганн Вольфганг
Ги, Клод
Гитлер, Адольф -
Гишар, Оливье
Гоген, Поль
Голль, Ален де, племянник генерала
Голль, Анна де, дочь генерала
Голль, Анри де, отец генерала —
Голль, Анри де, племянник генерала
Голль, Бернар де, племянник генерала
Голль, Вероника де, племянница генерала
Голль (Монталабер), Генриэтта де, невестка генерала
Голль, Дени де, племянник генерала
Голль, Жак де, брат генерала
Голль, Жаклин де, племянница генерала
Голль, Жан де, племянник генерала
Голль, Жан де, внук генерала
Голль, Жан-Батист де, прадед генерала
Голль (Майо), Жанна де, мать генерала —
Голль, Жеан де, предок генерала
Голль (Антониноз), Женевьева де, племянница генерала
Голль, Жозеф де, племянник генерала
Голль (Майо), Жозефина де, бабушка генерала
Голль, Жюль де, дядя генерала
Голль, Жюльен де, дедушка генерала
Голль, Ив де, внук генерала
Голль (Вандру), Ивонна де, жена генерала
Голль, Ксавье де, брат генерала
Голль (Кайо), Мари-Аньес де, сестра генерала
Голль, Мария-Луиза де, племянница генерала
Голль, Мария-Тереза де, племянница генерала
Голль, Мишель де, племянник генерала
Голль, Оливье де, племянник генерала Голль, Пьер де, брат генерала
Голль, Пьер де, племянник генерала

Голль, Пьер де, внук генерала
Голль, Ре не де, племянник генерала
Голль, Ришар де, предок генерала Голль, Роже де, племянник генерала
Голль, Филипп де, сын генерала-
Голль, Франсуа де, племянник генерала
Голль, Шанталь де, племянница генерала
Голль, Шарль де, дядя генерала
Голль, Шарль де, племянник генерала
Голль, Шарль де, внук генерала
Голль (Буассьё) Элизабет де, дочь генерала
Гомер
Горгулов, Павел
Гранру, генерал дю
Грае, Франсуа де
Гренье, Фернан
Грин, Грэм
Громыко А. А.
Гронки, Джованни
Губер Э.
Гудериан, Хайнц, генерал
Гуно, Шарль
Гуэн, Феликс
Гэ, Франсиск
Гюго, Виктор

Даладье, Эдуар
Данте
Дарлан, Франсуа, адмирал
Даян, Моше
Дебре, Мишель
Дебю-Бридель, Жак
Де Валера, Имон
Дежан, Морис
Деканозов В. Г.
Делакруа, Эжен
Делестрен, генерал
Делиб, Лео
Дельбек, Леон
Дени, Пьер
Денц, генерал
Дефо, Даниэль
Джакоби, Поль
Джонсон, Даниэль

Джонсон, Линдон
Димитров, Георгий
Диодор Сицилийский
Дит, Гюстав
Дрейфус, Альфред
Дрё Ля Рошель, Пьер
Дронн, Раймон
Друа, Мишель
Дрюон, Морис
Думер, Поль
Дьетельм, Андре
Дюамель, Жорж
Дюверже, Морис
Дюкасс, полковник
Дюкло, Жак
Дюлак, генерал
Дюма, Александр

Евгения, императрица
Елизавета II

Жакино, Луи
Жаннене, Жан-Марсель
Жаннене, Жюль
Жиро, Анри, генерал
Жискар д'Эстен, Валери
Жозефина, императрица
Жорес, Жан
Жорж, генерал
Жоффр, Жозеф, маршал
Жуо, Эдмон, генерал
Жуэн, Альфонс, генерал, маршал

Зеллер, Андре, генерал

Иаков Святой
Ивон, командир батальона
Иден, Антони
Иоанн XXIII, папа римский
Кайо, Альфред, зять генерала
Кант, Иммануил
Капитан, Рене
Карл Великий
Кассен, Рене

Кастро, Фидель
Катру, Жорж, полковник, генерал
Кей, Анри
Кейтель, генерал
Келли, Грейс, принцесса Монако
Кеннеди, Джон

Кеннеди, Жаклин
Кено, полковник
Кёниг, Мари-Пьер, генерал

Кизингер, Курт
Киплинг, Редьярд
Клемансо, Жорж
Клодель, Поль
Кон-Бендт, Даниэль
Корнель, Пьер
Корню-Жантий, Бернар
Косыгин А. Н.
Кот, Пьер
Коти, Рене
Коше, Габриэль, генерал
Кристи, Агата
Ксенофонт
Кув де Мюрвиль, Морис

Купер, Фенимор
Курсель, Жоффруа де
Кусто, Жак Ив
Кэрролл, Льюис

Лаваль, Пьер
Лагайярд, Пьер
Л а Горе, Поль-Мари де
Лакост, Робер
Лакутюр, Жан
Ламартин, Альфонс де
Ланьель, Жозеф
Лармина, Эдгар де, генерал
Латр де Тассиньи, Жан-Мари де, генерал
Лафарг, генерал
Лебрен, Альбер
Лежантийом, Поль, генерал
Леканюэ, Жан

Ле Клезио, Жан-Мари Гюстав
Леклерк (Филипп Мари де Отклок), генерал
Ленин В. И.
Лефевр, Бернар
Лё Трокёр, Андре
Ливии, Тит
Лиддл Гарт, Бэзил, генерал
Лиотей, Луи, маршал
Литлтон, Оливер
Лозинский М.
Лувуа, Франсуа Мишель
Лукреций
Любке, Генрих
Людовик Святой
Людовик XIV
Людовик XV
Лялуа, Жан

Мажино, Андре
Мазо, Леон
Майский И.М.
Мак-Куин, Стив
Макмиллан, Гарольд
Мальро, Андре
Мантон, Франсуа де
Марран, Жорж
Мартен, Рене, генерал
Марти, Андре
Марэн, Луи
Массигли, Рене
Массю, Жак, генерал
Меир, Голда
Мейер, Рене
Мейер, Эмиль —
Мендельсон, Феликс
Мендес-Франс, Пьер
Мессмер, Пьер
Микеланджело
Мильеран, Александр
Мирибель, Элизабет де
Миттеран, Франсуа
Мишле, Эдмон
Молле, Ги
Молотов В. М.

Молчанов Н. Н.
Мольер
Моне, Клод
Монне, Жан
Моннервиль, Гастон
Монтан, Ив
Монтгомери, Бернард
Монтень, Мишель
Монтескьё, Шарль Луи
Мориак, Клод
Мориак, Франсуа
Моррас, Шарль
Мулен, Жан
Муссолини, Бенито
Мюзелье, Эмиль, адмирал
Мюрат, маршал
Мэрфи, Роберт

Наполеон I Бонапарт
Наполеон III
Нашен, Люсьен
Нейвирт, Люсьен
Николай II
Никсон, Ричард
Ницше, Фридрих
Ноай, Анна де
Ногес Шарль, генерал
Нородом Сианук
Ноэль, Леон

Обуано, адмирал
Обюртен, Жан
Овидий
Одиссей
Ориоль, Венсан
Ортиз, Жозеф
Оффенбах, Жак

Павел I
Павел VI, папа римский
Палевски, Гастон
Паскаль, Блез
Пасси (Андре Деваврен)
Пастёр Балл ери Радо, Луи

Пеги, Шарль
Пейрефит, Ален
Пейрутон, Марсель
Петр Великий
Петэн, Филипп, маршал
Пешкоф. М.
Пиаф, Эдит
Пий XII, папа римский
Пине, Антуан
Пино, Кристиан
Пишари, Эрнест
Платон
Плевен, Рене
Плутарх
Подгорный Н. В.
Полибий
Помпадур, мадам
Помпеи, Жан
Помпиду, Жорж
Прело, Марсель
Прокофьев С. С.
Пти, Эрнест, генерал
Пуанкаре, Раймон
Пуссен, Никола
Пушкин А.С.
Пфлимлен, Пьер

Рагено, Филипп
Рамадье, Поль
Расин, Жан
Реза Пехлеви, Мохаммед
Рейно, Поль
Реми (Жильбер Рено), полковник
Ренан, Эрнест
Рено, Луи
Репессе, Этьен
Ривароль, Антуан
Ришелье, Арман Жан дю Плесси, кардинал
Роль-Танги, Жорж
Роммель, генерал
Ростан, Эдмон
Роше, Вальдек
Рузвельт, Франклин
Рур, Реми

Руссель, Эрик

Салан, Рауль, генерал
Самен, Альбер
Сарагат, Джузеппе
Сегюр, Софи
Сект, фон, генерал
Сенека
Сеньи, Антонио
Сиейес, Жак де
Симон, Мишель
Сократ
Солон
Софокл
Спирс, генерал
Сталин И. В.
Стеней, мадам
Сустель, Жак
Сюлли-Прюдом (наст, имя Рене Франсуа Арман Прюдом)

Танги-Прижан, Франсуа
Тардье, Андре
Тацит
Терренуар, Луи
Тессейр, подполковник
Тийон, Шарль
Тиксье, Адриен
Тициан
Токвиль, Алексис
Толстой Л. Н.
Тома, Амбруаз
Томазо, полковник
Торез, Морис
Трене, Шарль
Тренкье, полковник
Трибуле, Раймон
Трико, Бернар
Труайя, Анри
Трумэн, Гарри
Турну, Жан-Раймон
Тухачевский М. Н.
Тьерри д'Аржанлье, Жорж

Уфуэ-Буаньи, Феликс

Фенелон, Франсуа
Филип, Андре
Филипп-Август
Филипп Орлеанский
Фихте, Иоганн Готлиб
Флоик, Франсуа
Фоккар, Жак
Фолкнер, Уильям
Фома Аквинский
Фор, Феликс
Фош, Фердинанд, маршал
Франко, генерал
Франше д'Эсперей, Луи, маршал
Фрей, Роже
Френэ, Анри
Фримль, Рудольф
Фукидид
Фуллер, генерал
Фуше, Кристиан
Фюнес, Луи де

Хемингуэй, Эрнест
Хрущёв Н.С.

Цезарь

Чемберлен, Невилл
Черчилль, Уинстон

Шабан-Дельмас, Жак
Шак, Поль
Шаль, Морис, генерал
Шамфор, Никола-Себастьенде
Шатле, Альбер
Шатобриан, Франсуа де
Шекспир, Уильям
Шенгели Г.
Шмиттлен, Раймон
Шотан, Камиль
Шоу, Бернард
Шуман, Морис
Шуман, Робер

Эйзенхауэр, Дуайт, генерал
Эли, Поль, генерал
Эллис
Эренбург И.
Эрхард, Людвиг
Эсхил
Эттье де Буаламбер, Клод
Этьен, генерал

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Часть I ВОЕННЫЙ
Отчий дом
Отрочество и юность
Солдат отечества
На службе Франции
Жизненное кредо
Военная доктрина
Национальная катастрофа

Часть II СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА
Призыв к французам
Свободная Франция
Союзники
Движение Сопротивления
Сражающаяся Франция
Все сначала
Французский комитет национального освобождения
На родной земле

Часть III САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ИЗ ФРАНЦУЗОВ
Испытание республикой
Наедине с собой
Объединение французского народа
Надежды и разочарования
В Коломбэ
«Переход через пустыню»
Долгожданное возвращение

Часть IV ПРЕЗИДЕНТ
Пятая республика
Национальное величие
«Алжирская проблема»
В Елисейском дворце
Европа
Всеобщее голосование
В часы отдохновения
Баллотировка
Разрядка

Свободный Квебек
1968 год
В конце пути

Примечания
Основные даты жизни и деятельности Шарля де Голля
Библиография
Список сокращений
Указатель имен

notes

Сноски

1

Подробная библиография помещена в конце книги.

2

Лиценциат — ученая степень, подтверждающая окончание одного из циклов высшего образования.

З

Бакалавр (бакалавриат) — степень и диплом, свидетельствующие об окончании среднего учебного заведения учащимися, успешно сдавшими серию экзаменов.

4

Вобан Себастьян (1633–1707) — маршал Франции и военный инженер.

5

Перевод автора.

6

Коннетабль — в средневековой Франции военный советник короля.

7

Перевод автора.

8

Перевод автора.

9

Командир батальона соответствует чину майора в российской армии.

10

Перевод автора.

11

У де Голля было пятнадцать племянников и шесть племянниц. У его старшего брата Ксавье от первого брака родилось трое детей — Женевьева, Жаклин и Роже. После кончины первой жены он повторно вступил в брак, в котором имел еще двух детей — Марию-Луизу и Анри. У сестры Мари-Аньес было семеро детей — Жозеф, Мишель, Мария-Тереза, Анри, Шарль, Пьер и Дени. У Жака было четыре сына — Франсуа, Бернар, Жан и Пьер. У Пьера — пятеро детей — Шанталь, Вероника, Оливье, Ален и Рене.

12

Имеется в виду французская армия на Рейне.

13

Перевод автора.

14

Лига Наций — международная организация, учрежденная в 1919 г. и имевшая целью гарантировать мир и безопасность. Конференция по разоружению проходила в Женеве в 1932–1935 гг.

15

Буассери — дословно «находящаяся среди лесов», Коломбэ-ле-дёз-Эглиз — дословно «Коломбэ-две церкви».

16

Бернар Клервоский (1090–1153) — французский теолог, мистик, аббат монастыря в Клерво, вдохновитель второго Крестового похода.

17

7 марта 1936 г. Германия оккупировала демилитаризованную Рейнскую область, 11 марта 1938 г. — осуществила аншлюс Австрии. В 1936 г. началась Гражданская война в Испании.

18

Лувуа, Франсуа Мишель (1641–1691) — французский государственный и военный деятель. Провел крупную военную реформу, превратившую французскую армию в регулярную.

19

Цвета французского национального флага.

20

Перевод М. Лозинского.

21

Пешков, Зиновий Михайлович (1884–1966) — родной брат русского революционера Я. М. Свердлова, приемный сын Максима Горького. Участвовал в Первой мировой войне, затем натурализовался во Франции и сделал там военную карьеру. Одним из первых присоединился к де Голлю.

22

Лендлиз— система передачи (взаймы или в аренду) вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия и т.п.

23

Перевод Г. Шенгели.

24

Перевод М. Лозинского.

25

Жан Мулен умер от пыток в июне 1943 г. Пьер Броссолет покончил с собой в тюремных застенках. Генерал Делестрен был депортирован в Германию, заключен в концлагерь Дахау и убит охранниками в апреле 1945 г.

26

На холме Валерьен во время войны немецкие оккупанты расстреливали участников движения Сопротивления Проведение там торжественной церемонии стало традицией Де Голль неизменно председательствовал на ней с 1945 по 1968 год.

27

По сложившейся традиции аббревиатура названий политических партий на русском языке повторяет начальные буквы французских слов (см. список сокращений). Однако есть исключения, когда русская аббревиатура состоит из начальных букв русского перевода слов, например ФКП.

28

Перевод И. Эренбурга.

29

Перевод В. И. Антюхиной-Московченко.

«Третья сила» — имелось в виду, что в нее входили не коммунисты и не голлисты, а третье, коалиционное объединение.

31

Фонд Анны де Голль действует по сей день.

32

Ноай, Анна де (1876–1933) — французская писательница и поэтесса.

33

Перевод автора.

34

Аппарантирование — возможность различных партий заключать соглашения и суммировать полученные голоса при подсчете результатов выборов с целью получения дополнительных парламентских мандатов.

35

Бурбонский дворец — место заседаний Национального собрания. Люксембургский дворец — место заседаний Сената. Улица Сольферино — место главной ставки РПФ.

36

Североатлантический договор (НАТО) о коллективной взаимопомощи, направленный по существу против СССР, в апреле 1949 г. подписали США, Канада, Великобритания, Франция, Италии, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Норвегия, Дания и Исландия. В 1955 г. в НАТО вступила ФРГ, а позднее еще целый ряд государств.

37

«План Маршалла» — программа восстановления и развития Европы после Второй мировой войны путем предоставления ей американской помощи — вступил в действие в 1948 г.

Впоследствии издательство «Плон» выпустило и все остальные произведения де Голля, а также воспоминания о нем его родных и известных деятелей голлистского движения.

39

Фенелон, Франсуа (1651–1715) — французский архиепископ, писатель.

40

Сюлли-Прюдом (1839–1907) — французский поэт, первый лауреат Нобелевской премии по литературе 1901 г.

41

Перевод автора.

42

«Черноногие» — так часто называли европейцев Алжира, которые, в отличие от местных жителей, носили темную кожаную обувь.

43

Грации — в античной мифологии три богини красоты, изящества и радости. Музы — девять богинь — покровительниц поэзии, наук и искусств.

Перевод автора.

45

Фашода, или Фашодский кризис 1898 г. — конфликт между Англией и Францией, вызванный борьбой за колониальное господство в Африке Возник после захвата французским военным отрядом селения Фашода на Верхнем Ниле.

Франко-германский договор 1963 г. действует по сей день.

47

Фор-де-Франс — город в заморской территории Франции — на острове Мартиника в Атлантическом океане.

Перевод автора.

49

Сегюр (Ростопчина), Софи де (1799–1874) — французская писательница, дочь графа Ростопчина, министра Павла I, жена графа Эжёна де Сегюра Книга всегда была для де Голля самым близким другом. В чтении он находил истинное отдохновение. Генерал читал очень много, обычно три книги в неделю. Посидеть спокойно в кресле с томиком в руке и полностью погрузиться в другой мир, иную жизнь ему удавалось только в Коломбэ. Как всегда, президента интересовали самые разные авторы — историки, писатели, ученые прошлого и настоящего. Французских академиков де Голль неизменно называл украшением национального достояния, писателей — тоже{519}.

50

Перевод Эллиса.

51

Перевод Э. Губера.

52

Крейсер носил имя известного французского мореплавателя XVIII века Франсуа де Граса (1722–1788).

53

От французского слова gauche — левый.

Перевод автора.

Перевод В И Антюхиной-Московченко.

56

Самен, Альбер (1858–1900) — французский поэт, прославившийся своим сборником стихов «В саду инфанты» (1893).

Перевод автора.

58

Перевод Г. Шенгели.

comments

Примечания

1

Подробно родословную де Голля см.: Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 11946. P., 1997. P. 10–26.

2

Голль Ш. де . Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 годы. М., 1957. С. 30.

3

Полный текст пьесы см.: Gaulle Ch. de. Articles et ecrits. P., 1975. P. 11–22.

4

См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905–1918. P., 1980. P. 13–29.

Ibid. P. 36.

Ibid. P. 37.

Голль Ш. де . Военные мемуары. Призыв. С. 3.

8

См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905–1918. P., 1980. P. 38–44; Gaulle Ch, de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — novembre 1970. Complements 11968. P., 1988. P. 214.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905–1918. P. 50.

10

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 224.

11

Lacouture J. De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. P., 1984. P. 43.

12

Gaulle Ch. de. La France et son armee. P., 1938. P. 230.

13

Цит. по: Peyrefltte A. C'etait de Gaulle. V. 2. P., 1997. P. 189.

14

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 1908–1968. P. 183.

15

Цит. по: Lacouture J. De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. P. 43.

Gaulle Ch. de. La France et son armee. P. 211.

17

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 31.

Gaulle Ch. de. La France et son armee. P. 211.

19

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 31.

20

Цит. по: Tournoux J.-R. Petain et de Gaulle. P., 1964. P. 49.

21

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1905–1918. P. 68.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P., 2004. P. 163.

23

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1905–1918. P. 80.

24

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 31.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1905–1918. P. 237.

Ibid. P. 280.

27

Цит. по: Lacouture /. De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. P. 70.

28

Об этом де Голль после войны написал сам. См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P., 1980. P. 295–311. Де Голль ошибочно пишет, что город Щучин находится в Литве. В период Первой мировой войны немцы оккупировали Польшу, Литву и Западную Белоруссию. Де Голль считал, что он попал на территорию Литвы. На самом же деле Щучин расположен в приграничной с Литвой Гродненской области Белоруссии.

29

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 11918. P. 315, 317.

Ibid. P. 336.

31

Ibid. P. 398.

32

См., например: Ibid. P. 409–410.

Ibid. P. 497, 540.

34

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 11945. Т.1. 11943. М., 1983. С. 83. О встрече М. Н. Тухачевского с де Голлем в Ингольштадте сообщила в своих воспоминаниях и сестра маршала Елена Николаевна Тухачевская: Тухачевская Е. Н. В тени монумента // Огонек. 1988. 17 апреля. С. 20.

35

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905–1918. P. 519, 525.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 1921–1946. P. 66.

Gaulle Ch, de. Lettres, notes et carnets. 1919 —Juin 1940. P. 13.

Ibid. P. 21.

Ibid. P. 38.

Ibid. P. 44.

41

См.: Vendroux J. Cette chance que j'ai eue. P. 1974. P. 38–39.

Gaulle Ch. de. Articles et ecrits. P. 33–55.

43

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 89.

44

Свидетельство генерала Лафарга — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'etemel defi. P., 1988. P. 13.

45

Цит. по: Tournoux J.-R. P&ain et de Gaulle. P. 87.

Gaulle Ch. de. La discorde chez 1'ennemi. P., 1924.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905–1918. P. 465–466.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 212.

49

Свидетельство генерала Лафарга — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel deTi. P. 15.

Vendroux J. Cette chance que j'ai eue. P. 46–59.

К сожалению, большая часть этой корреспонденции утрачена. Со хранились лишь некоторые письма де Голля к Мейеру и Нашену.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P., 2003. P. 92.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 1921–1946. P. 87.

54

Цит. по: Larcan A. De Gaulle inventaire. La culture, Tesprit, la foi. P., 2003. P. 734.

55

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 329–333.

Ibid. P. 294.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 246.

Ibid. P. 251.

Ibid. P. 250.

60

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 359.

Ibid. P. 357.

Gaulle Ch. de. Articles et ecrits. P. 235.

63

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 354.

Ibid. P. 359.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 1921–1946. P. 103.

Gaulle Ch. de. Le fil de l'Epee. P., 1932.

Ibid. P. 1–30.

Ibid. P. 42.

Ibid. P. 46.

Ibid. P. 67.

Ibid. P. 140.

Ibid. P. 167.

73

Цит. по: Tournoux J.-R. Petain et de Gaulle. P. 143.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 1921–1946. P. 113; Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 224.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 11946. P. 112, 129.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 485.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 1921–1946. P. 108.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 34.

Там же. С. 42–43.

Там же. С. 36.

Gaulle Ch. de. Articles et ecrits. P. 305–314.

Gaulle Ch. de. Trois etudes. P., 1945. P. 251.

Gaulle Ch. de. Vers l'armee de metier. P., 1934.

Ibid. P. 223.

Ibid. P. 227.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 43.

Правда. 18.11.1935.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 32.

Gaulle Ph. de. De Gaulle топ реге. V. 1. P. 541.

90

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 541.

91

Nachin L. Charles de Gaulle. General de France. P., 1944. P. 75.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 33.

93

Reynaud P. Memoires. T. 1. Venu de la montagne. P., 1960. P. 421.

См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 —Juin 1940.

Palewski G. Memoires d'action. 11974. P., 1988. P. 75.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P. 386.

Reynaud P. Au coeur de la melee. P., 1951. P. 218.

Pouget F. Un certain capitane de Gaulle. P., 1973. P. 46.

99

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 438.

Ibid. P. 442.

Ibid. P. 457.

102

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin1940 —Juillet1941. Complements 1905 Juin 1940. P., 1981. P. 422.

103

Blum L Memoires — Oeuvres de Leon Blum. P., 1955. P. 111.

Gaulle Ch. de. La France et son armee. P., 1938.

105

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P. 470–471.

Ibid. P. 473.

107

См.: Lacouture J. De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. P. 281.

108

Подлинники нескольких писем де Голля полковнику Кено сохранились в архиве «Журнала пехоты», который был составной частью архива военного министерства Франции. Сразу после оккупации Парижа немецкими войсками в 1940 году этот архив был перевезен немцами на хранение в один из замков Чехословакии. После ее освобождения советскими войсками французские документы были вывезены в Москву. В течение нескольких десятилетий материалы архива военного министерства Франции, так же как и многие другие французские документы, хранились в московском Особом архиве, получившем в начале 90-х годов XX века название Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). К 2000 году почти все французские фонды были возвращены во Францию. В Москве же остались копии важнейших документов. В настоящее время они являются составной частью Российского государственного военного архива (РГВА). РГВА. Фонд (Ф.) I98-К. Опись (Оп.) 9, дело (д.) 5000.

109

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Complements 1924–1970. P., 1997. P. 24.

110

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P. 476.

111

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 1908–1968. P. 269.

Ibid. P. 270.

113

РГВА. Ф. К. Оп. 9. Д. 13241.

114

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1940 —Juillet 1941. Complements 1905 Juin 1940. P. 448.

115

РГВА. Ф. К. Оп. 9. Д. 5000.

116

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1940 —Juillet 1941. Complements 1Juin 1940. P., 1981. P. 445.

117

Полный текст Меморандума см.: Gaulle Ch. de. Trois etudes. P. 71—101.

Ibid. P. 99–101.

119

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1940 —Juillet1941. Complements 1905 — Juin 1940. P. 474.

120

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P. 496.

Ibid. P. 497.

122

Этой военной кампании посвящена книга: Wailly H. de. De Gaulle sous le casque. Abbeville, 1940. P., 1990.

123

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 —Juin 1940. P. 498.

Wailly H. de. De Gaulle sous le casque. P. 306.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 —Juin 1940. P. 499.

Ibid. P. 502.

127

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 84.

Там же. С. 87.

129

Там же. С. 92.

Spears E. Assignment to Catastrophe. T. 1. L., 1954. P. 85.

131

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 106.

132

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1940 —Juillet 1941. Complements 1905 — Juin 1940. P. 478.

133

Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. С. 99—100.

Там же. С. 106.

135

Reynaud P. Memoires. T. 1. P. 437.

136

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P. 285.

137

Свидетельство Жоффруа де Курселя — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'etemel defi. P. 29.

138

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P., 1980. P. 503.

139

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. М., 1957. С. 111.

140

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. Juin 1940 — Janvier 1946. P., 1970. P. 3–4.

141

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. С. 111.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P., 2003. P. 185.

Ibid. P. 199.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 4–5.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 190.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 7.

Ibid. P. 9–10.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 278.

149

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. С. 115.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 143.

Schumann M. L'Homme des tempetes. P., 1946. P. 12.

152

Soustelle J. Envers et contre tout. V. I. De Londres a Alger. 1940–1947. P., 1947. P. 15–19.

153

РГВА. Ф. 7-К. Оп. 1. Д. 296.

Chronologie de la vie du general de Gaulle. P., 1973. P. 23, 24, 26.

155

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P., 1988. P. 279.

Ibid. P. 290.

Catroux G. Dans la bataille de Mediterranee. P., 1949. P. 53.

158

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 300.

159

См.: Peyrefltte A. C'etait de Gaulle. V. 1. P., 1994. P. 146.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1940 — Juillet 1941. P.,

161

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 285.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 36–37.

163

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. С. 372–373 (документы).

164

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. P. 191.

Ibid. P. 25.

Mengin R. De Gaulle a Londres. P., 1965. P. 107.

167

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. P. 147.

Chastenet J. De Petain a de Gaulle. P., 1971. P. 30–31.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon përe. V. 1. P. 194.

Ibid. P. 167.

Barres Ph. Charles de Gaulle. N.-Y., 1941. P. 22.

172

РГВА. Ф. 7-К. Оп. 5. Д. 208.

173

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 319.

Gaulle Ch. de, Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. P. 279.

175

РГВА. Ф. К. Оп. 2. Д. 577.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 11945. Т. 1. 11943. М., 1983. С. 46.

177

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Complements. 1924–1970. P., 1997. P. 37.

178

Цит. по: Cremieux-Brilhac J.-L La France Libre. P., 1996. P. 164.

179

РГВА. Ф. 7-К. Оп. 1. Д. 2265.

180

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Complements. 1924–1970. P. 41.

181

РГВА. Ф. К. Оп. 3. Д. 137.

182

Там же.

183

Свидетельство Жака Сустеля — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou Tetemel defi. P., 1988. P. 51.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 105.

185

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juillet 1941 — Mai 1943. P.,

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 241.

187

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 47.

Там же. С. 51–52.

189

Там же. С. 54.

Цит. по: Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 252.

Ibid. P. 265.

Barres Ph. Charles de Gaulle. N.-Y.; L., 1941.

193

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juillet 1941 — Mai 1943. P. 144.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 137.

195

Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны. М., 1974. С. 122.

196

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 65.

Muselier, Vice-Amiral De Gaulle contre le gaullisme. P., 1946. P. 328.

Астье Э. д' Семь раз по семь дней. М., 1961. С. 81.

199

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 205–206.

200

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. С. 808 (документы).

201

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 92.

202

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. С. 269.

203

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 197, 204.

204

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. 1942–1944. М, 1960. С. 391 (документы).

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. P. 213.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme. P., 1968. P. 23.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P., 2004. P. 79.

208

Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Фонд 06. Оп. 6. Д. 750. Папка 55.

209

Там же.

210

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 527.

211

Цит. по: Kersaudy F. De Gaulle et Churchill.P., 1981.P. 172; Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 44.

Churchill W. The Second World War. N.-Y., 1962. V. IV. P. 611.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 484.

214

Gaulle Ch. de.Lettres, notes et camets. Juillet 1941 — Mai 1943. P. 429.

215

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 10.

216

Gaulle Ch. de.Lettres, notes et camets. Juillet 1941 — Mai 1943. P. 439.

217

Свидетельство Филиппа Рагено — Lacouture J.f Mehl R. De Gaulle ou l'etemel defi. P. 115.

Peyrefitte A. C'etait de Gaulle. V. 1. P. 438.

219

См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. 1919 — Juin 1940. P… 1980. P. 497.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 253.

221

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 95.

Там же. С. 103.

223

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1338.

224

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. № 1534.

225

Гренье Ф. Вот как это было. М., 1960. С. 105.

226

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. № 1601.

227

Изложено по: Гренье Ф. Вот как это было. С. 113–118.

228

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 532.

229

Там же.

230

В РГАСПИ (Архиве Коминтерна) письмо Гренье, адресованное Марти, сохранилось в подлиннике. Оно написано делегатом-коммунистом от руки на бланках Сражающейся Франции. РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 1969.

231

Там же.

232

АВПРФ. Ф. 017. Оп. 1. Д. 10. П. 2.

233

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 55.

Эта переписка была рассекречена только в конце 1999 года. Цитируем ее по публикации в газете «Известия» (2000. 8 января).

235

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 563 (документы).

236

АВПРФ. Ф. 017. Оп. 1. Д. 10. П. 2.

237

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 578–579 (документы).

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1943 — Mai 1941 P., 1983. P. 28.

239

АВПРФ. Ф. 017. Оп. 1. Д. 10. П. 2.

240

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 201.

241

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juillet 1941 — Mai 1943. P. 595.

242

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 613 (документы).

243

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 252.

Об этом см.: Нажесткин О.И. Де Голль или Жиро? // Очерки истории внешней разведки. Т. 4. М., 1999. С. 298–302.

245

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 244.

246

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 55.

247

Там же.

248

Свидетельство Мориса Кува де Мюрвиля — Lacouture J. Mehl R. De Gaulle ou Tetemel defi. P. 121.

249

АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 28. Д. 16. П. 187.

250

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 318.

251

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 651 (документы).

Там же. С. 650.

253

Там же.

Там же. С. 664.

255

Там же.

Там же. С. 679.

Там же. С. 274.

Там же. С. 700.

259

Там же. С. 339.

Chaban-Delmas J. L'Ardeur. P., 1975. P. 103.

Ibid. P. 106.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 359.

263

Ibid.

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 362.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 346.

266

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 2. Единство. С. 861–862 (документы).

Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. V. 3. Le Salut. 11946. P., 1959. Documents. P. 361.

268

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 55.

269

Цитируем по самому полному изданию «Воспоминаний» Н. С. Хрущева, опубликованному журналом «Вопросы истории», Хрущев Н.С. Воспоминания — Вопросы истории. 1993. № 9. С. 80.

Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. V. 3. Le Salut. P. 60–61.

Ibid. P. 78.

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 55.

Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. V. 3. Le Salut. P. 78–79.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. 11945. Т. 2. 11945. М., 1983. С. 213.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P., 2003. P. 270.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P., 1988. P. 390.

277

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 — Juin 1951. P., 1984. P. 53.

Gaulle Ch. de Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 386.

279

Клод Мориак опубликовал свои записи в 1-е годы, после кончины генерала: Mauriac C. Un autre de Gaulle. P., 1970; Mauriac C Aimer de Gaulle. P., 1978.

Mauriac C Un autre de Gaulle. P. 72.

281

См.: Tournoux J.-R. Petain et de Gaulle. P., 1964; Tournoux J.-R. La tragedie du General. P., 1967; Tournoux J.-R. Le mois de mai du General. P., 1969; Tournoux J.-R. Le feu et la cendre: les annees politiques du General de Gaulle. 11970. P., 1979.

Nachin L. Charles de Gaulle. General de France. P., 1944.

Claudel P. Au general de Gaulle. P., 1945.

Peyrefitte A. C'etait de Gaulle. V. 1. P., 1994. P. 34.

285

Свидетельство Жака Сустеля — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou Teternel defi. P., 1988. P. 415.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 452.

287

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 —Juin 1940. P., 1980. P. 288.

Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. V. 3. Le Salut. 1944–1946. P., 1959. P. 280.

289

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 —Juin 1951. P. 190.

Michelet C. Mon pere Edmon Michelet d'apres ses notes intimes. P., 1971. P. 157.

291

Свидетельство Мишеля Дебре — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel dcfi. P. 401.

292

Свидетельство Жака Сустеля — Lacouture /., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel deTi. P. 401.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 452, 454.

Guy C En ecoutant de Gaulle. P., 1996. P. 42.

L'Annee politique. 1946. P., 1947. P. 162.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans Tattente. Fevrier 1946 — Avril 1958. P., 1970. P. 10.

Gaulle Ph. de. Memoires accessoires. 11946. P., 1997. P. 163.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P., 2004. P. 61.

Guy C. En ecoutant de Gaulle. P. 156.

Ibid. P. 199.

301

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 — Juin 1951. P. 211.

См.: Tournoux J.-R. Le feu et la cendre. P. 63.

303

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 — Juin 1951. P. 216.

Mauriac C Un autre de Gaulle. P. 253.

Debre M. Trois republiques pour une France. V. 2. Agir. P., 1988. P. 81.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme. P., 1968. P. 41.

307

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans Pattente. P. 46.

Ibid. P. 55.

309

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets, Mai 1945 — Juin 1951. P. 223.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P. 70.

Astowc A. VOubh. De Gaulle. 11958. P., 1974. P. 101.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans Tattente. P. 98.

313

Tournoux J.-R. Le feu et la cendre. P. 59.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P. 134–135.

Ibid. P. 137.

316

GaulleCh.de.Lettres,notes et carnets.Mai 1945 —Juin 1951. P. 249.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 517.

318

GaulleCh. de. Lettres, notesetcarnets. Mai 1945 —Juin 1951. P. 237, 240.

Ibid. P. 234.

Noel L La traversee du desert. P., 1973. P. 73.

321

Debu-Bridel J. Les partis contre Charles de Gaulle. P., 1948. P. 204.

См.: Malraux A. Paroles et ecrits politiques. Espoir. 1973, № 3.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme. P. 45.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 308.

325

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 — Juin 1951. P. 416.

Guy C En ecoutant de Gaulle. P. 201.

Tournoux J.-R. Le feu et la cendre. P. 165.

328

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919 — Juin 1940. P. 215.

329

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 — Juin 1951. P. 447.

Ibid. P. 448.

331

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 —Mai 1958. P., 1985. P. 13.

Ibid. P. 13–14.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P. 440–441.

Terrenoire L. De Gaulle, 11954. Pourquoi Techec? P., 1981. P. 141.

335

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 58–59.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme. P. 84.

Ibid. P. 90.

338

Свидетельство Жака Шабан-Дельмаса — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'etemel defi. P. 413.

Guichard O. Mon general. P., 1980. P. 235.

340

Свидетельства Луи Терренуара и Раймона Трибуле — беседы с автором в декабре 1990 года в Париже.

Chaban-DelmasJ. L'Ardeur. P., 1975. P. 168.

342

Цит. по: Purtschet Ch. Le Rassemblement du peuple franc.ais. 11953. P., 1965. P. 341.

L'Annee politique 1952. P., 1953. P. 53.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 92.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gaullisme. P. 92.

Guichard O. Mon general. P. 290.

347

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 —Juin 1951. P. 331.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P. 565.

Ibid. P. 572.

Terrenoire L. De Gaulle, 11954. P. 191.

351

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Dans l'attente. P. 580–582.

Ibid. P. 586.

Lacouture J. De Gaulle. T.2. Le Politique. P., 1985. P. 404.

Astoux A. L'Oubli. De Gaulle. P. 368.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 463.

356

Свидетельство Оливье Гишара — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'etemel defi. P. 407.

357

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 215.

Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. P., 1965. P. 54.

359

Запись беседы де Голля с С. А. Виноградовым 9.XI. 1954 // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 44. Д. 9. П. 259.

VendrouxJ. Cette chance que j'ai eue: 11957. P., 1974. P. 358.

361

Boissieu, General de. Pour servir le General. P., 1982. P. 198.

362

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 252.

AstouxA. L'Oubii. De Gaulle. P. 424.

La Nation republicaine et sociale. 5.XII.1955.

Triboulet R. Un gaulliste de la IV-e. P., 1985. P. 255.

Terrenoire L. De Gaulle, 11954. P. 275.

367

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 274.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 1908–1968. P. 188.

De Gaulle a Colombey, refuge d'un romantique. P., 1990. P. 62.

Schneider B. La IV-e Republique et l'Algerie. P., 1959. P. 28–33.

371

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1951 — Mai 1958. P. 321.

Interview de Leon Delbecque. // L'Express. 03.V.1962.

Chaban-Delmas J. L'Ardeur. P. 221.

Свидетельство полковника Томазо — Le proces du general Raoul Salan. P., 1962. P. 330.

Soustelle J. Vingt-huit ans de gauliisme. P. 147.

Le Monde. 07.111.1958.

377

Interview de Leon Delbecque.

378

Свидетельство Люсьена Нейвирта — беседа с автором в Париже в ноябре 1990 года.

Guichard O. Mon general. P. 349.

Ely P. Memoires. V.2. P., 1964.P.265; Debre M. Trois republiques pour une France. V. 2. Agir. P. 297–298.

L'Annee politique. 1958. P., 1959. P. 51.

Ibid. P. 530.

383

Lagaillarde P. «On a triche avec l'honneur». Texte integrate de l'inter — regatoire et de la plaidoirie des audiences du 15 et 16 novembre 1960. P., 1961. P. 39.

Ibid.

385

Journal officiel de la Republique francaise. Debats parlementaires. Assemblee Nationale (Debats). 1958. P., 1959. 13.V.1958 P. 2253.

Massu J. Le torrent et la digue. P., 1972. P. 46.

Le Monde. 15.V.1958.

Debats. 1958. 13.V.1958. P. 2269.

Ibid. P. 2272.

Massu J. Le torrent et la digue. P. 51.

391

Le Monde. 15.V.1958.

Ibid.

Terrenoire L. De Gaulle et l'Algerie. P., 1964. P. 67.

Debatty A. Le 13 mai et la presse. P., 1960. P. 66.

Bromberger M. et S. Les 13 complots du 13 mai. P., 1959. P. 215.

La Gorce P. — M. de. De Gaulle entre deux mondes. P., 1964. P. 545.

Salan R. Memoires. Fin d'un Empire. V. 3. L 'Algerie franchise. P., 1972. P. 311.

Ibid. P. 312.

399

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. 1958–1962. P., 1970. P. 24.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. 11918. P., 1980, P. 372.

401

GaulleCh. de. Discoursetmessages.Aveclerenouveau. Mai 1958 — Juillet 1962. P., 1970. P. 3.

Soustelle J. L'Esperance trahie. P., 1962. P. 35.

403

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 5–8.

Ibid. P. 8–9.

Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. P. 377.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 10.

Serigny A. de. La revolution du 13 mai. P., 1958. P. 170.

Arrighi P. La Corse — atout decisif. P., 1958. P. 75.

Courriere Y. La guerre d'Algerie. V. 2. P., 1969. P. 357.

L'Annee politique. 1958. P. 62–63.

Soustelle J. L'Esperance trahie. P. 44.

Ibid.

413

Le Monde. 23.V.1958.

L'Annee politique. 1958. P. 537.

Ibid. P. 538.

Ibid.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P. 28.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 11.

Цит. по: Lacouture J. De Gaulle. P., 1965. P. 157.

Debats. 1958. 27.V.1958. P. 2419.

Salan R. Memoires. Fin d'un Empire. V. 3. P. 350–352.

Le Monde. 30.V.1958.

Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai, P. 460–461.

L'Annee politique. 1958. P. 540.

Ferniot J. Les ides de mai. P., 1958. P. 138.

Ferniot J. De Gaulle et le 13 mai. P. 468.

427

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 12.

L'Annee politique. 1958. P. 68–69.

429

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 12.

Debats. 1958. 1. VI. 1958. P. 2592.

431

Interview de Leon Delbecque // L'Express. 03.V.1962.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. Mai 1958 — MUet 1962. P., 1970. P. 16.

Soustelle J. L'Esperance trahie. P., 1962. P. 49.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 18.

Ibid. P. 21.

Debre M. Trois republiques pour une France. V. 2. Agir. P., 1988. P. 320.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P., 2004. P. 127.

Ibid.

Изложено по: Ibid. P. 137.

Constitution de la V-e Republique — L'Annee politique. 1958. P., 1959. P. 554.

Ibid.

Ibid. P. 559.

L'Etablissement de la Cinquieme Republique. Le Referendum de septembre et les elections de novembre 1958. P., 1960. P. 17.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P.52.

445

Le Monde. 10. XII. 1958.

Цит. по: De Gaulle et ses premiers-ministres. P., 1990. P. 24.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1958 — Decembre 1960. P., 1985. P. 84.

Ibid. P. 204.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P., 1970. P. 204.

450

Цит. по: Lacouture J. De Gaulle. V. 2. Le politique. P., 1985. P. 578.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 88.

Ibid. P. 118.

Ibid. P. 110; Guy C En ecoutant de Gaulle. P., 1996. P. 442.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 111.

Ibid. P. 112.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P. 285.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P., 2003. P. 369.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 120–122.

459

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1958 — Decembre 1960. P. 330.

Свидетельство Жана-Марселя Жаннене — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel defi. P., 1988. P. 288.

461

Свидетельство Жака Сустеля — Ibid. P. 293.

Soustelle J. L'Esperance trahie. P., 1962. P. 161.

463

Le Monde. 26.VI.1960.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P. 237.

Полные тексты всех пяти бесед опубликованы // Исторический архив. 1996. № 1, 2.

Исторический архив. 1996. № 1. С. 28.

Там же. С. 29.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P. 238.

469

Хрущёв Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 100.

Debre M. Trois republiques pour une France. V. 3. Gouverner. P., 1988. P. 401.

Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Le Renouveau. P. 246.

Хрущёв Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 51.

Там же. С. 52.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1958 — Decembre 1960. P. 359.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 198.

Ibid. P. 262.

477

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1958 — Decembre 1960. P. 406.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 266.

Ibid. P. 308.

Peyrefitte A. C'etait de Gaulle. V. 1. P., 1994. P. 89.

Ibid. P. 71.

Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. Т. 1. М., 1990. С. 25.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 256.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Complements 1924–1970. P., 1997. P. 98–99.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 —Juin 1951. P., 1984. P. 331.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juin 1958 — Decembre 1960. P. 73.

487

АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 49. Д. 5. П. 279.

Peyrefitte A. C'etait de Gaulle. V. 1. P. 61.

Ibid. P. 378.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P., 1986. P. 75.

Ibid. P. 222.

492

Изложено по: Boissieu, General de. Pour servir le General.1946–1970. P., 1982. P. 163.

493

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P. 261.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 227.

Цит. по: Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 1. P. 153.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 141.

497

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P. 263.

Ibid. P. 270.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 1. P. 410.

500

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P. 194.

Ibid. P. 278.

Цит. по: Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 1. P. 238.

Ibid. P. 154.

Ibid. P. 283.

505

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P. 356.

Ibid. P. 367.

Ibid. P. 396.

Цит. по: Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou Peternel defi. P. 134.

509

См.: Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 2. P., 1997. P. 48; Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou Peternel defi. P. 135.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 2. P. 50.

Ibid. P. 499.

Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P., 1974. P. 46.

513

Ibid.

Ibid. P. 46–47; Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 25.

515

Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P. 213.

Жискар д'Эстен В. Власть и жизнь. Т. 1. С. 25.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 71.

Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P. 50.

519

См.: Blanc P-L. De Gaulle au soir de sa vie. P., 1990. P. 270.

Цит. по: Rouanet A. et P. L'inquietude outre-mort du general de Gaulle. P., 1985. P. 76.

521

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P., 1988. P. 189.

522

Изложено по: Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 310 и др.

Ibid. P. 231.

Broche F. De Gaulle secret. P., 1993. P. 191.

525

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 342.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 2. P. 481, 486, 487.

527

GaulleCh.de.Memoires d'Espoir. LeRenouveau. P.268–269; Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 2. P. 481.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1964 —Juin 1966. P., 1987. P. 88.

529

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 2. P. 507.

Ibid. P. 207.

531

Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P. 68.

Poisson G. L'Elysee, histoire d'un palais // L'Express.16–22. VI. 1979.

Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P. 62.

См.: Lacouture J. De Gaulle. V. 3. Le Souverain. P., 1986. P. 612.

Цит. по: Ibid. P. 633.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pour Teffort. P., 1970. P. 401.

537

Цит. по: Dulong C. La vie quotidienne a l'Elysee au temps de Charles de Gaulle. P. 156.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1964 — Juin 1966. P. 221.

539

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Pour reffort. P. 383–384.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1964 —Juin 1966. P. 258.

Ibid. P. 262.

542

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Avec le renouveau. P. 217–218.

543

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1964 —Juin 1966. P. 294.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P., 1970. P. 43.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 159.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 49.

547

Подробности путешествия де Голля по СССР в 1966 году изложены по воспоминаниям сопровождавшего его адъютанта Франсуа Флоика: Flohic F. Souvenirs d'Outre-Gaulle. P., 1979. P. 140.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 56.

549

Советско-французские отношения 1965–1976 гг.: документы и материалы. М., 1976. С. 28–33.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme, P. 58.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 211.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juillet 1966 — Avril 1969. P., 1987. P., 96–97.

553

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 179.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P., 2000. P. 277.

555

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juillet 1966 — Avril 1969. P. 1П.

Ibid. P. 119.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme, P. 232.

558

См.: Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juin 1958 — Decembre 1960. P. 57–58, 75–76, 407–408; Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1961 — Decembre 1963. P. 89–90, 342; Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Janvier 1964 —Juin 1966. P. 74, 234, 301.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P. 307.

Ibid. P. 334.

561

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 192.

562

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Juillet 1966 — Avril 1969. P. 127.

Ibid. P. 167.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P. 460.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 392.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P. 477, 481.

Boissieu, General de. Pour servir le General. P. 178.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P. 501.

Ibid. P. 525.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme, P. 289–291.

571

Свидетельство Бернара Трико — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou I'eternel defi. P. 447.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 395.

Peyrefitte A. Cetait de Gaulle. V. 3. P. 586.

Свидетельство генерала Массю — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel defi. P. 453.

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 292–293.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 387.

Ibid. P. 236.

Peyrefitte A. C'etait de Gaulle. V. 3. P. 611.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 391.

Triboulet R. Un ministre du General. P., 1985. P. 318.

581

Свидетельство Ричарда Никсона — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel defi. P. 137–138.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 415.

583

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 389–403,405—406.

Mauriac J. Le suicide du General — Le Nouvel Observateur. Collection portrait. 1990. № 1. P. 85.

585

Gaulle Ch. de. Discours et messages. Vers le terme. P. 407.

Flohic F. Souvenirs d'Outre-Gaulle. P. 195.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 176,

Ibid. P. 26.

Ibid. P. 28.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 402.

Blanc P.-L. De Gaulle au soir de sa vie. P. 68.

592

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 176.

Ibid. P. 65.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et camets. Juillet 1966 — Avril 1969. P. 164.

Malraux A. Les chenes qu'on abat… P., 1971.

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 85, 94.

Gaulle Ph. de. De Gaulle mon pere. V. 2. P. 450.

Ibid. P. 453.

599

Gaulle Ch. de. Lettres, notes et carnets. Mai 1969 — Novembre 1970. Complements 11968. P. 187.

600

Свидетельство Ричарда Никсона — Lacouture J., Mehl R. De Gaulle ou l'eternel defi. P. 156.